

Основан
в 1967 году
Выходит
6 раз в год
Издательство
"Наука"
Москва

Научно-популярный журнал
Института русского языка
Академии наук СССР

Русская 4 речь

1987 июль · август

В НОМЕРЕ: К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРИ

Язык произведений В. И. Ленина

- 3 В. В. Бакеркина. Авторские пояснения в ленинских текстах
7 Е. Л. Ковачич. Фразеологизмы в трудах В. И. Ленина
11 Л. А. Глинкина. Из эпистолярного наследия революционеров-большевиков
16 И. Ф. Протченко, М. В. Орешкина. Русский язык в жизни советского общества
-

К 175-ЛЕТИЮ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ

- 25 М. Ф. Мурьянов. На Бородинском поле
30 И. Я. Крайванова. «Кутузовская изба»
35 Г. П. Смолицкая. Поклонная гора
39 В. В. Цоффка. Улица Барклай-де-Толли!
На карте Родины
42 А. К. Панфилов. Вязьма
Язык и образы фольклора
46 С. Н. Азбелев. Бородино в народной поэзии
52 Т. Г. Дмитриева. Генералы-сереброеды и Наполеон с выжигой
-

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 56 А. И. Пауткин. Стилистика рассказа Ю. Тынянова «Дорохов»
61 В. М. Борисов. «Язык должен образоваться употреблением...» (О филологических наблюдениях П. А. Вяземского)
68 Е. М. Виноградова. О речевой структуре романа А. Фадеева «Разгром»
74 С. И. Львова. Своеобразие повтора в поэзии М. Цветаевой
80 Е. В. Красикова. Во имя возрождения (О символах в повести В. Распутина «Пожар»)
-

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- 87 Из Нормативно-стилистического словаря русского языка
 89 *Н. В. Солоник.* «Крокодил» смеется

ОТВЕЧАЕТ СЛУЖБА ЯЗЫКА

- 93 *Е. М. Лазуткина.* Специализация

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ**

- 95 *И. Л. Леднева.* «Один стоит целой академией» (К 200-летию со дня рождения Г. П. Павского)
 99 *М. В. Пржевальская.* А. Л. Дювернуа — лексикограф и педагог

СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ

- 104 *О. Е. Вихрян.* Художественное слово И. А. Бунина
 103 *Т. А. Зуева.* «Не покладая рук...» (Тема труда в образных выражениях)
 112 *В. С. Каргавенко.* Смоленские отказные книги XVII века

СРЕДИ КНИГ

- 116 Э. А. Варганьян. История с географией, или Жизнь и приключения географических названий
 117 В. К. Былинин, А. В. Грихин. Сатира XI—XVII веков

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

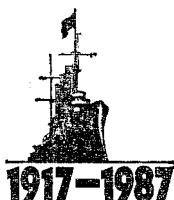
- 120 *В. К. Котельников.* «Князю Игорю не быть!»
 124 *И. З. Баскевич.* Кто они — курские «къмети»?
 128 *Я. Г. Солодкин.* «Временник» Ивана Тимофеева
 134 *О. Р. Хромов.* «Звездотечное небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные»
 138 *В. И. Дегтярев.* Человек — люди

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»*Разговор с читателем*

- 145 Социальное пространство публицистики
 151 В защиту комплекса
 153 Не обеднять душу слова
 156 *В. А. Никонов.* Ответы на письма читателей

143 КРОССВОРД

*На обложке рисунок В. Леонова
 Рисунки портретов С. Жагина*

Язык произведений В. И. Ленина

Авторские пояснения в ленинских текстах

В. В. Бакеркина

В ленинских работах довольно часто встречаются пояснения, которые автор включает в текст для объяснения непонятных читателю слов (редко встречающихся или заимствованных), иноязычных терминов, для описания смысла понятия. Эти пояснения различаются по форме и содержанию, имеют крайне разнообразную природу: от развернутых определений терминов до кратких вставок, выражающих эмоциональные оценки, яркие характеристики событий, лиц. Приведем несколько примеров: определение — «...что такое „национальное“ восстание? Восстание, стремящееся создать *политическую* независимость угнетенной нации, т. е. *особое* национальное государство» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 115); логическое уравнивание значений терминов — «Путчи́змом немцы называют то, что старые революционеры в России лет 50 тому назад называли „вспышками“, „вспышкопускательством“, устройство мелких заговоров, покушений, восстаний и т. п.» (т. 38, с. 392); комментирование — «Меньшевизм образовался на II съезде РСДРП (август 1903 г.) из *меньшинства* „искровцев“ (отсюда и название меньшевизм) и из *всех оппортунистических противников* „Искры“» (т. 25, с. 99); перевод — «Я перевожу словом интеллигент, интеллигенция немецкие выражения *Literat, Literatentum*, обнимающие не только литераторов, а всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (*brain worker*, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда» (т. 8, с. 309).

Особую группу составляют пояснения, относящиеся не к отдельному слову, а к целому высказыванию. Используемые преи-

мущественно в работах полемического характера, они чаще всего выступают в форме комментария к политической платформе тех или иных оппортунистических течений или философско-идеалистических вывертов: «„Беспорядок вверху, беспорядок внизу, мы одни — представители порядка“. Взгляд земцев действительно таков. А в переводе на прямой русский язык это значит: наверху и внизу готовы бороться, а мы — честные маклеры, мы крадемся к власти. Мы ждем, не будет ли у нас тоже 18-го марта, не победит ли народ хоть раз в уличном бою правительство, не явится ли для нас возможность, подобно немецкой либеральной буржуазии, взять в руки власть после первой победы народа. А тогда, когда мы станем силой против самодержавия, мы обернемся против революционного народа и заключим сделку с царем против народа» (т. 11, с. 156—157).

Работая над своими публицистическими произведениями, В. И. Ленин всегда ориентировался на конкретный социальный состав читателей (или слушателей, если это речь, выступление), уровень их знания (грамотность в широком смысле) и политического развития. Все это определяло стиль ленинских произведений. Чтобы доходчиво и популярно донести до широкой аудитории различные точки зрения по тому или иному вопросу, обрисовать реальную обстановку, расстановку политических сил и т. д., В. И. Ленин использовал разные приемы: своеобразные диалоги с оппонентами, прямые обращения к читателю, как бы приглашающие его принять участие в дискуссии, а также авторские пояснения. Приведем примеры пояснений, в которых даны описания содержания понятий: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (т. 18, с. 131); «Мы называем себя коммунистами. Что такое коммунист? Коммунист — слово латинское. Коммунис значит — общий. Коммунистическое общество значит — все общее: земля, фабрики, общий труд, — вот что такое коммунизм» (т. 41, с. 314); «Программа — это значит короткое, ясное и точное заявление *всего, чего партия добивается и за что она борется*» (т. 7, с. 166); «Чтобы не оставаться голословным, я сошлюсь на то, что у нас в городах называли субботниками. Так называли бесплатную работу городских рабочих сверх того, что требуется от каждого рабочего, посвященную в течение нескольких часов какой-нибудь общественной потребности. Они были введены впервые в Москве железнодорожниками Московско-Казанской железной дороги» (т. 39, с. 379—380).

Достаточно широко пояснения привлекаются в полемических целях, когда в публицистическом произведении ведется идейный спор с противником: излагаются положения критикуемой теории, а в противовес им развивается и утверждается марксистская точка зрения: «Возьмите выражение: „окончательная ликвидация всего сословно-монархического режима“. На русском языке окончательная ликвидация монархического строя называется учреждением демократической республики. Но нашему доброму Мартынову и его поклонникам такое выражение кажется слишком простым и ясным. Они непременно хотят „углубить“ и сказать „поумнее“. Получаются смешные потуги на глубокомыслие, с одной стороны. А с другой стороны, вместо лозунга получается описание, вместо бодрого призыва идти вперед получается какой-то меланхолический взгляд назад» (т. 11, с. 29).

Введенным в текст пояснений В. И. Ленин добивается особой политической точности и определенности выражения своих взглядов, строгости словоупотребления. Четкое соответствие слов их «прямому значению», обеспечивающее ясность мысли, становится для В. И. Ленина одним из обязательных требований в полемическом разговоре с идейным противником. Когда во время бойкота выборов в Думу новоскородец Парvus стал по-своему толковать понятие *бойкот* и вместе с тем уверять, что он вкладывает в него установившееся содержание, В. И. Ленин категорически выступил против такого приема дискуссии: «О словах мы спорить не станем, но политические термины, сложившиеся уже в России, на месте действия, это — совершившийся факт, который заставит считаться с собой... Парvus имел бы полное право критиковать термин, отвергать или пояснять иначе его условное значение и т. д., но игнорировать его, или извращать установившееся уже значение, значит вносить путаницу в вопрос» (т. 11, с. 252). В словесной путанице «В. И. Ленин видит желание противников завуалировать четкость революционных задач и политических лозунгов и потому беспощадно разоблачает подобные приемы» (Даниленко В. П. О некоторых особенностях языка и стиля произведения В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». — В кн.: Исследования по языку и стилю произведений В. И. Ленина. М., 1981, с. 82).

В. И. Ленин высмеивает пристрастие буржуазных публицистов, меньшевиков, оппортунистов к пышнословью, фразерству, пустым формулировкам, затемняющим смысл: «Но вот что значит „прочувствовать“ платформу, — это понять мудрено». И далее: «Например, Юрий Чацкий, после прочувствованных слов о прочувствованной платформе принимается говорить длинные, длинные и не ме-

нее прочувствованные слова о важности и необходимости *единой* платформы. Прочувствованными словами нарочито заслоняется простой вопрос о том, может ли быть *единая* платформа, если нет единства в политических воззрениях?» (т. 21, с. 76, 77). Использует В. И. Ленин и такой прием: он как бы предоставляет слово политическим противникам, заставляя их откровенно демонстрировать свои классовые интересы. Отсюда в его работах очень часты такие построения: *буржуазия говорит, меньшевики выступают, кадеты хвалятся* и т. п. В подобных случаях даются общие толкования позиции того или иного политического деятеля, партийной группировки, партии: «А крестьянину мы говорили: либо ты объединишься с городским рабочим, и тогда мы победим, либо ты поддашься увещаниям и назиданиям капиталистов и их приказчиков и лакеев в меньшевистских костюмах, которые внушают тебе: „Не давай себя грабить городу, торгуй свободно; кто богат, тот и наживается, а если от голода будут умирать, тебе какое дело“, — и тогда ты и сам погибнешь, станешь рабом капиталиста и Советскую Россию разоришь» (т. 38, с. 64).

Пояснения, выполняющие в тексте функцию оценки, создают яркие образы, которые служат выражению идейного замысла и политической позиции автора. «Социал-шовинизм есть оппортунизм, созревший до такой степени, что существование этого буржуазного нарыва *по-прежнему* внутри социалистических партий стало невозможным» (т. 26, с. 249) — здесь употреблен прием метафорического сравнения: социал-шовинизм сравнивается с буржуазным нарывом, благодаря чему более ярко и выпукло обнаруживается сущность описываемого понятия, раскрывается позиция автора.

Авторские пояснения являются действенным политическим, идеологическим, социально-оценочным средством в системе разнообразных приемов, определяющих стиль ленинской публицистики. В них раскрывается отношение автора к описываемому явлению. С их помощью достигается ясность мысли, четкость и строгость ее выражения, что составляет отличительную особенность всех произведений В. И. Ленина.

Язык произведений В. И. Ленина

Фразеологизмы в трудах В. И. Ленина

Е. Л. Ковачич

Стремясь проникнуть в глубину ленинской мысли, ученые-языковеды исследуют не только содержательную, идейную сторону его трудов, но и способы выражения мысли. Одной из особенностей публицистического стиля В. И. Ленина является употребление архаической лексики и фразеологии. Архаизмы играют чрезвычайно важную роль в его произведениях, поэтому необходимо знать их смысл, чтобы правильно и в полном объеме понимать ленинские тексты.

Однако это не всегда просто, так как многие слова и выражения, используемые В. И. Лениным, непонятны современному читателю. Причины этого разные, в частности такие: архаичная форма слов, утрата общепонятности слов и выражений в силу определенных закономерностей исторического характера. Действительно, фразеологизмы типа *довлеет дневи злоба его; толцуйте и отверзется; созерцать заднюю; гроб повапленный; препоясать свои чресла; страха ради иудейска; врачу, исцелился сам; своя своих не познаша; совлечь с себя ветхого Адама* содержат архаичные церковнославянские формы слов. Для понимания этих выражений необходимо знать их русские эквиваленты, равнозначные сочетания.

Однако и те архаизмы, которые построены частично или полностью по законам современного русского языка, тоже могут быть непонятны читателям, так как утратили свою широкую известность (это так называемые *понятийные архаизмы*): *иерихонские стены; имя им легион; что делаешь, делай скорее*. Причем хотелось бы подчеркнуть, что для первой группы архаизмов (славянизмов) эту задачу надо решать в комплексе. Не всегда бывает достаточно дать только их перевод. Например, для понимания выражений *сим победиши* (так победим), *созерцать заднюю* (видеть сзади) необходимо знать их источник, а для современного читателя это особенно трудно. То, что до Октябрьской революции было понятно почти каждому человеку — и грамотному, и часто неграмотному, теперь в силу исторических причин и особенностей развития общества может оказаться неизвестным. Во всех школах царской Рос-

сии изучение закона божьего было обязательным, поэтому церковно-славянизмы у читателей не вызвали затруднений в понимании. Так, у В. И. Ленина читаем: «...только сознательность и организованность народных масс решит в последнем счете исход борьбы за свободу. Кто не понимает этого, тот всеу приемлет имя демократа» (Поли. собр. соч. Т. 15, с. 164). Что означает здесь слово *всеу*? Используя эту старую форму и вкладывая в нее новое содержание, В. И. Ленин рассчитывает на ассоциативный фон читателя, активное знание определенного круга источников. Современный же читатель не владеет этим ассоциативным фоном, поэтому его понимание ленинских слов неполно. Таким образом, к числу важнейших причин, обуславливающих трудности понимания библеизмов современным читателем, относится утрата им ассоциативного фона, присущего большинству читательской массы в дореволюционную эпоху.

Л. В. Щерба, различая понятия «активный» и «пассивный» запас слов, считал, что пассивный словарный запас определяется «начитанностью соответственного человеческого коллектива, тем кругом произведений, которые обязательно читаются в данном обществе» (Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974). Следовательно, в том случае, когда исчезает начитанность в каких-либо текстах, то исчезает и знание тех или иных слов и выражений. До Великой Октябрьской социалистической революции библия, являясь действующей нормой вероучения и культа, права и морали, сохраняла свою актуальность. Для современного же человека она потеряла свое значение в общественной жизни, поэтому многие изречения библейского характера непонятны нашим современникам. Правда, есть библеизмы, которые используются в речи: *запретный плод, каинова печать, всемирный потоп, манна небесная*. «Это не только компоненты культурной традиции, определившие тематику бесчисленных произведений литературы и искусства, это ходячие обороты речи, понятные каждому и употребляемые уже вне обязательной связи со своим религиозным контекстом. Так образность древней литературы продолжает жить на уровне пословицы и поговорки» (История всемирной литературы. Т. I, М., 1983, с. 302).

Однако многие библейские изречения, встречающиеся в произведениях В. И. Ленина, не стали пословицами и поговорками, то есть сохранили тесную связь с первоисточником (библией). Конечно, читатель может обратиться к словарям, чтобы прояснить для себя смысл непонятого выражения или слова. Но существующие словари русского языка охватывают только 85 процентов архаической фразеологии, употребленной В. И. Лениным, а 15 — остаются

не зафиксированными. Да и зафиксированные фразеологизмы «распылены» по словарям и пособиям словарного типа, многие из которых являются довольно редкими или специальными и недоступны широкому кругу читателей. Более того, не всегда к тому же те или иные выражения достаточно прокомментированы. Перед лексикографами, занимающимися составлением Словаря языка В. И. Ленина, стоит задача собрать воедино весь этот разрозненный материал и дать необходимый комментарий к архаической лексике и фразеологии.

Покажем на нескольких примерах, как важно знать те или иные устаревшие фразеологические единицы для понимания общего смысла ленинской фразы. Например: «То были иллюзии неизбежной, немедленной и полной победы „свободы, равенства и братства“, иллюзии насчет не буржуазной, а общечеловеческой республики, республики, водворившей мир на земле и в человецех благоволение» (т. 17, с. 38) — слова *мир на земле и в человецех благоволение* являются частью церковной молитвы. В сознании миллионов современников В. И. Ленина, знавших эту молитву, приведенные слова ассоциировались пусть с неопределенными, но все же надеждами на обновление, изменение их самих и окружающей жизни. В. И. Ленин использует этот ассоциативный фон, хотя придает самому выражению прямо противоположный смысл. Он явно иронизирует по поводу надежд на так называемую общечеловеческую республику. Любопытно, что мы словно слышим два голоса одновременно: с одной стороны, иронический ленинский тон, с другой — восторженное сюсюканье сторонников общечеловеческой республики. Думается, что такая многогранность смысла достигается за счет очень умелого использования фразеологизмов, знакомых большинству читательской массы того времени.

«„Осторожнее с политическим самоопределением“ наций! Как бы оно не „повело к распаду государства!“ — вот содержание национальной политики Кокоткина, вполне совпадающее с основной линией политики министерства внутренних дел. Но Кокоткин и прочие вожди кадетов не дети. Они прекрасно знают изречение: „не человек для субботы, а суббота для человека“. Не народ для государства, а государство для народа» (т. 25, с. 69). В. И. Ленин сравнивает евангельское изречение «не человек для субботы, а суббота для человека» со словами «не народ для государства, а государство для народа». Однако это сравнение условно. По смыслу это скорее не сравнение, а противопоставление, ирония. Употребляя пародийно форму этих высказываний, В. И. Ленин вскрывает, таким образом, на основе ассоциативной связи истинную сущность национально-государственной политики кадетов, прикрывающихся

красивыми фразами о благе народа, а на деле отстаивающих угнетение наций.

Еще пример: «Только теперь крепостная, пребывавшая в медвежьей спячке, патриархальная, благочестивая и покорная Россия совлекла с себя ветхого Адама; только теперь русский народ получил действительно демократическое, действительно революционное воспитание» (т. 30, с. 313) — выражение *совлечь с себя ветхого Адама* имело значение — «грешный человек, который должен нравственно переродиться» и получило новое значение — «духовно обновиться, освободиться от старых привычек, взглядов». Таким образом, В. И. Ленин прибегает к данному выражению с целью показать более зримо, образно процесс обновления России и народа в революции 1905 года.

Непонятным современному читателю может быть и выражение *темна вода во облацех* в следующих контекстах. «Какое? в ком предубеждение? почему? — темна вода во облацех» (т. 6, с. 438); «„Идеальность для себя бытия как тотальность превращается таким образом, во-первых, в реальность и притом в наиабстрактнейшую, наипрочнейшую, как *одно*“. Темна вода...» (т. 29, с. 104). В данных примерах выражения *темна вода во облацех*, *темна вода...* означают «дело темное» (см.: Даль В. И. Толковый словарь). Эта оценочная, критическая реплика В. И. Ленина относится в первом примере к предложению Плеханова «зачеркнуть слова: „и разложению крестьянства“; они могут вызвать в читателе предубеждение и е...» (т. 6, с. 438), и во втором — к выдержке из «Науки логики» Гегеля. Библейское выражение *темна вода во облацех* помогает В. И. Ленину в наиболее сжатой форме, путем привлечения труднопонимаемой фразы выразить не только свое отношение, но и суть позиций критикуемых авторов, столь же труднопонимаемых или вообще непонятных.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что лексико-фразеологический состав языка постоянно меняется. Действительно, то, что входило в арсенал экспрессивно-стилистических средств публицистики конца XIX — начала XX века, например, использование библеизмов, мифологизмов, потеряло свою актуальность и употребительность в современном русском языке. Следовательно, при изучении лексики и фразеологии какого-либо периода необходимо учитывать историко-культурный фон эпохи. Поэтому знание, например, специфики архаизмов, бытовавших в конце XIX — начале XX века, дает возможность для более полного, глубокого и серьезного понимания ленинского слова.

Из эпистолярного наследия революционеров-большевиков

Л. А. Глинкина,
кандидат филологических наук

Переписка революционеров как форма общения имеет большое значение в истории освободительного движения в России. Сохранившиеся письма вождей и солдат русской революции пока не собраны воедино, но и разрозненные, они характеризуют целую эпоху Отечества и его эпистолярной культуры. Многие из их частной переписки безвозвратно погибли, так как сразу же уничтожались в целях безопасности, да и на сохранившихся письмах, как писала М. И. Ульянова, «лежит печать полицейских условий во времена царизма» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55, с. XII). Вместо имен и фамилий в них нередко партийные клички и описательные объяснения, по которым можно было догадаться об авторе письма. Глубоко индивидуальная сущность каждого автора проявляется, безусловно, во всем содержании и словесном оформлении любого письма, но общую тональность обычно задает обращение и завершает концовка, так называемая «эпистолярная рамка». Рассмотрим ее варианты в письмах русской революционной интеллигенции начала XX века, опираясь в основном на богатое наследие В. И. Ленина.

С ростом революционного накала в России и Европе в деловой и частной переписке сподвижников по классовой борьбе складывались новые эпистолярные формы. Наиболее популярными становились обращения *гражданин* и *товарищ*. В 1881 году К. Маркс получил письмо русской революционерки В. И. Засулич: «Уважаемый гражданин! Вам небезызвестно в России...» Ф. Энгельс в том же стиле обращается к В. И. Засулич после смерти К. Маркса: «Дорогая гражданка! Для меня и для дочерей Маркса будет праздником тот день, когда появится в свет „Ницета философии“ в русском переводе».

Обращение *гражданин* встречается обычно в письмах, адресованных политическим союзникам в другой стране. В 1905 году В. И. Ленин писал на имя старейшего деятеля бельгийского рабочего движения К. Гюисманса: «Дорогие граждане! Мы получили половину суммы, которую Вы послали русским социал-демократам... Примите, дорогие граждане, наш братский привет. От имени Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии *Н. Ленин (Вл. Ульянов)*» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47, с. 38).

В те же дореволюционные годы, когда слово *товарищ* только обретало новый социальный смысл — «член какого-либо революционного партийного коллектива», оно широко употреблялось как обращение в разных сферах партийной частной переписки среди русских и зарубежных корреспондентов. Письма В. И. Ленина к деятелям зарубежных партий обычно имели строгое вежливое обращение: «Многоуважаемый товарищ!», «Высокоуважаемый товарищ!» (А. Бебелю, т. 47, с. 11, 13); «Уважаемый товарищ!» (А. Экку, т. 47, с. 234); «Дорогой товарищ!» (К. Бракке-Деруссо, т. 47, с. 35; К. Гюисмансу, т. 47, с. 72). К германским коммунистам В. И. Ленин иногда обращался по-немецки: *Werte Genossin!* — пишет он Розе Люксембург (т. 47, с. 180).

Эпистолярная рамка в многочисленных письмах В. И. Ленина, написанных в годы эмиграции соотечественникам, товарищам по революционной борьбе, чрезвычайно многообразна. Она определяется духом времени, условиями конспирации, степенью духовной близости и обстоятельствами. *Дорогой товарищ!* — самое распространенное и излюбленное обращение В. И. Ленина к соратникам: В. А. Карпинскому (т. 48, с. 10; т. 49, с. 35), А. М. Коллонтай (т. 49, с. 76), О. И. Виноградовой (т. 47, с. 28), В. М. Каспарову (т. 48, с. 197) и др. Узнав о гибели сына писателя А. С. Серафимовича, В. И. Ленин пишет ему теплое письмо-соболезнование: «Дорогой товарищ! Сестра только что передала мне о

страшном несчастье, которое на Вас обрушилось. Позвольте мне крепко, крепко пожать Вам руку и пожелать бодрости и твердости духа. Я крайне сожалею, что мне не удалось осуществить свое желание почаще видаться и поближе познакомиться с Вами. Но Ваши произведения и рассказы сестры внушили мне глубокую симпатию к Вам, и мне очень хочется сказать Вам, как *нужна* рабочим и всем нам Ваша работа и как необходима для Вас твердость теперь, чтобы перебороть тяжелое настроение и *заставить* себя вернуться к работе. Простите, что пишу наскоро. Еще раз крепко, крепко жму руку. Ваш Ленин» (т. 51, с. 198—199).

В письмах дореволюционной поры родился еще один вариант нового обращения: к словам *дорогой, уважаемый товарищ* добавляется имя или имя-отчество. «Уважаемый товарищ Анатолий Васильевич!» — пишет В. И. Ленин А. В. Луначарскому (т. 49, с. 410). «Дорогой товарищ Ольга!» — начинает он свои письма к С. Н. Равич (Ольга — ее подпольная кличка) (т. 49, с. 75, 168, 255, 384); «Дорогой товарищ Альберт!» — обращение к И. А. Пятницкому (т. 48, с. 145); «Дорогой товарищ Миха!» — к М. Г. Цхакая (т. 49, с. 267). Зачин был взят из повседневного общения идейных, революционно настроенных единомышленников. Употребительно было и такое эпистолярное начало: сочетание слова *дорогой* с фамилией. Оно тогда не носило фамильярного, грубоватого оттенка, а было лишь знаком дружеского расположения и доверительности: «Дорогой Карпинский» (т. 49, с. 9), «Дорогой К.» (т. 49, с. 11), «Дорогой В. К.» (т. 49, с. 17, 18, 19) — так обращался В. И. Ленин к В. А. Карпинскому, «Дорогой Каспаров!» — к В. М. Каспарову (т. 49, с. 126), «Дорогой Берзин!» — к Я. А. Берзину (т. 49, с. 130).

Вероятно, на том же эмоциональном уровне воспринимались и письма с обращением «Дорогой друг», посланные В. И. Лениным в разные годы И. Ф. Арманд (т. 49, с. 173, 174, 176, 186), И. И. Скворцову-Степанову (т. 47, с. 223), И. Ф. Дубровинскому (т. 47, с. 177). Впрочем, из «химического» письма В. П. Ногина к В. И. Ленину, где есть строчка: «Письма обязательно начинайте со слов „Дорогой друг“», такое начало можно понять и как условный сигнал «эзопова языка».

Но самые теплые дружеские письма к близким людям обязательно соединяли слово *дорогой* с именем или именем-отчеством адресата, а иногда только с инициалами. «Дорогой Алексей Максимыч!», «Дорогой Ал. М-ч!» (т. 47, с. 111, 136) — это очень частое обращение В. И. Ленина к М. Горькому; «Дорогая Александра Михайловна!» — к А. М. Коллонтай (т. 49, с. 138, 167),

«Дорогой Ан. Вас!» — к А. В. Луначарскому (т. 47, с. 120, 122, 123), «Дорогой А. Д.» — к А. Д. Цюрупе (т. 50, с. 177). «Дорогой Владимир Ильич!» — неизменно начинал свои письма А. В. Луначарский.

У М. Горького в письмах к С. П. Дороватовскому не однажды встречается непривычное теперь «Добрый Сергей Павлович!». Ласково, с уважением и почтительно обращался В. И. Ленин в каждом из 170 сохранившихся писем к М. А. Ульяновой: «Дорогая мамочка!» (см.: Любящий тебя В. Ульянов. Письма В. И. Ленина матери. III изд. М., 1972). Нередко это обращение включается в первые строчки письма: «Получил я третьего дня твое письмо от 14/X, дорогая мамочка, и очень был рад ему» (1 ноября 1898 г.).

В доверительных частных письмах находилось место и самым ласковым, интимным обращениям со словами *милый(ая)*, *родной(ая)*, *любимый(ая)*. «Дорогая моя Елена Дмитриевна, у нас хорошо налаживается дело с получением протоколов, отчетов организаций», — пишет К. Т. Новгородцева Е. Д. Стасовой (Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1957). «Милая, дорогая, давно собиралась написать тебе, да все не удавалось как-то», — начинает Н. К. Крупская свое тайное письмо, спрятанное по частям в шоколадных конфетах, переданных в тюремную камеру М. Эссен (цитируется по сб.: Коммунисты. М., 1977).

Я. М. Свердлов многие годы находился в переписке из ссылки с женой Клавдией Тимофеевной Новгородцевой-Свердловой. Сердечное тепло и любовь в его письмах не всегда выливались в обращение, а как бы пронизывали весь текст: «...Пишу просто потому, что хочется хоть пару слов черкнуть родной, близкой... Тысячи верст, а порой и нет расстояния, — и есть оно, и нет. Мучительно, тоскливо, далеко-далеко нахлынет тепло, согреет, повеет лаской, вижу глубокий, милый взгляд родных глаз, сожмется сердце, смешается острая тоска и боль с захватывающей дух радостью — и есть расстояние и нет его...» (Женщины русской революции. II изд., М., 1982).

До Октябрьской революции из всех старинных начальных штампов быстро устаревали *досточтимый*, *любезный* и *любезнейший*. Для официального общения на целое столетие закрепились традиционные слова: *уважаемый*, *многоуважаемый*, *глубокоуважаемый* и имя-отчество или *товарищ* и фамилия.

По правилам старого этикета обращался В. И. Ленин к Г. В. Плеханову: «Многоуважаемый Георгий Валентинович» (т. 47, с. 103). Медленно угасающим началом официальных писем вплоть

до революции оказалась главная формула старинной учтивости — *милостивый государь*.

Среди эпистолярных концовок в предреволюционной четверти века — десятки вариантов, которые, как и обращения, дифференцируют письма к родным и друзьям, дружеские, полуофициальные и официальные послания.

«Любящий тебя *В. Ульянов*», «Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и желаю здоровья и бодрости. Твой *В. У.*», «Крепко целую тебя, моя дорогая, и желаю здоровья. Твой *В. У.*» и др. — так заканчивал свои письма к матери В. И. Ленин; «Лучшие приветы и пожелания» — А. М. Горькому (т. 49, с. 183), «Обнимаю горячо, целую крепко. *Ваша Елена*», — пишет Е. Д. Стасова К. Т. Новгородцевой.

Товарищеские письма В. И. Ленина могли кончаться словами: «Братский привет» (т. 47, с. 131), «Привет и лучшие пожелания» (т. 49, с. 43), «*Beste Grüße*» (т. 49, с. 107), «С с.-д. приветом *Н. Ленин*» (т. 47, с. 202), «Примите и проч. *В. Ульянов (Ленин)*» (т. 47, с. 102), «С сердечной благодарностью искренне Ваш *Вл. Ульянов*» (т. 47, с. 32); «Крепко жму руку и шлю лучшие приветы. Ваш *Ленин*» (т. 49, с. 76).

Официальные письма имели такие концовки: «Примите, дорогие товарищи, наш братский привет. *Вл. Ульянов (Н. Ленин)*» (т. 47, с. 47), «Примите, дорогие товарищи, уверение в наших братских чувствах» (т. 47, с. 38). Их могла также характеризовать старая учтивость: «Искренне уважающий Вас *В. Ульянов*» (т. 47, с. 106), «Готовый к услугам *В. Ульянов*» (т. 49, с. 49).

Но самой типичной формулой концовок мужских и женских дружеских писем в течение ряда десятилетий оставалось энергичное *Жму руку, Крепко жму руку, Жму крепко руку* (т. 47, с. 19, 72; т. 49, с. 45, 46, 47). Так заканчивали многие свои письма В. И. Ленин, М. Горький, А. В. Луначарский, А. М. Коллонтай, В. П. Ногин. Причем «Жму руку» могло адресоваться даже целому коллективу, как, например, в письмах В. И. Ленина в ЦК РСДРП (т. 47, с. 72, 81, 84, 85).

Так постепенно, прямо и косвенно отражая новую революционную обстановку и крепнущие узы идейного товарищества и братства, менялась старая «эпистолярная рамка» неофициальных писем. Это было новым в истории русской эпистолярной культуры.

Челябинск

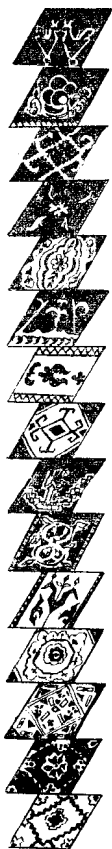
Рисунок В. Леонова

Русский язык в жизни советского общества

И. Ф. Протченко,
академик АПН СССР,
М. В. Орешкина

В этом году наша страна отмечает 70 лет со дня победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В преддверии юбилея Великого Октября советский народ живет в обстановке высокого подъема всех творческих и духовных сил, вызванного историческими решениями XXVII съезда КПСС. В реализации поставленных XXVII съездом КПСС, январским (1987 г.). Пленумом ЦК КПСС задач по перестройке и обновлению советского общества, достижению его качественно нового состояния важная роль принадлежит ленинской национальной политике, направленной на укрепление интернационального единения и великого содружества равноправных народов СССР, их культур и языков. Программа КПСС выдвигает как одну из своих основных задач всемерное упрочение и развитие единого союзного многонационального государства, включающего 15 союзных и 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов, в котором дружной, монолитной семьей живут, трудятся, строят социалистическое общество свыше 100 наций и народностей, говорящих более чем на 130 языках. В статье 36 Конституции СССР сказано: «Граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права. Осуществление этих прав обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР, воспитанием граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, возможностью пользоваться родным языком и языками других народов СССР».

Как отметил М. С. Горбачев, в нашей стране «утвердилось это уникальнейшее явление в человеческой истории, когда более 100 наций и народностей живут, если судить даже по большим историческим меркам, дружно и хорошо» (Правда, 1987, 14 февр.). Однако «паши достижения не должны создавать представления о беспроблемности национальных процессов» (Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 53). Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС подчеркнул, что «негативные явления и деформации, с которыми мы повели борьбу, проявились и в сфере национальных отношений» (Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27–28 января 1987 года. — с. 38).

За годы Советской власти в нашей стране на интернациональной основе сложилось новое общество, спаянное единством экономических интересов, идеологии и политических целей, дружбой и сотрудничеством всех входящих в него национальностей. В становлении, укреплении и развитии этого общества огромная роль принадлежит русскому языку — языку Великого Октября, языку Ленина, языку братства народов СССР, языку единой семьи советских людей.

Для всех наций и народностей нашей страны русский язык стал языком межнационального общения и сотрудничества. Как единое средство общения народов СССР он выполняет великую интернациональную миссию: обеспечивает взаимопонимание граждан Советского Союза самых различных национальностей во всех сферах жизни советского общества, служит делу сплочения и объединения всех трудящихся нашей страны, обмену экономической, политической и духовной информацией, научно-техническими и культурными ценностями, взаимообогащению национальных культур.

В то же время и в данной области есть существенные недостатки. Академик Ю. В. Бромлей справедливо пишет: «Закономерный процесс интернационализации культуры и межнационального смешивания населения иногда может восприниматься болезненно. Некоторые представители отдельных национальностей там, где этот процесс особенно интенсивен, рассматривают его чуть ли не как угрозу утраты национальной самобытности, культуры, языка и т. д. Отсюда — настроения традиционализма, недооценка русского языка как средства межнационального общения, соблазн замкнуться в узких рамках национальной культуры, притупление интернациональной совести. На этих настроениях греют руки — и порой безуспешно — националистические элементы» (Правда, 1987, 13 февр.).

Преодолению имеющихся негативных явлений в межнациональном общении в наши дни будут способствовать расширение советской демократии, более активное привлечение представителей всех национальностей к социалистическому самоуправлению, развитие единого народнохозяйственного комплекса СССР, интернационализация советского образа жизни.

Для правильного понимания вопроса о роли русского языка в жизни народов нашей страны важен небольшой исторический экскурс. Он необходим для того, чтобы выяснить, почему же именно русский язык был добровольно избран народами нашей страны в качестве языка межнационального общения. Этот выбор далеко не случаен. Он был подготовлен всем ходом общественно-исторического развития советского общества. Еще В. И. Ленин предсказывал, что народы России обязательно выберут для себя единый язык общения, добровольно и без принуждения, в силу экономической и культурной необходимости, «ибо потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства. Чем демократичнее будет строй России, тем... настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений»; «А потребности экономического оборота, — продолжал далее В. И. Ленин, — сами собой *определят* тот язык данной страны, знать который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23, с. 423, 424—425).

Выбор русского языка на роль языка-посредника в нашей стране обусловлен целым рядом таких объективных обстоятельств, как нужды экономического и производственного характера, политические и историко-революционные предпосылки, исторически сложившаяся традиция его употребления. Широкое распространение русского языка на территории нашего государства объясняется и тем, что русских в стране, по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, более половины жителей СССР; кроме того, украинцы и белорусы, составляющие почти четвертую часть населения страны, достаточно хорошо владеют русским языком как близкородственным, следовательно, он оказывается легко доступным для большинства (70%) проживающих на территории СССР.

В условиях развивающегося социализма, когда экономика нашей страны превратилась в единый народнохозяйственный комплекс, интенсифицируются межреспубликанские связи на всех уров-

ниях общественной жизни, расширяются и углубляются процессы интернационализации в производственных и социальных отношениях, духовной жизни общества, объективно возрастает роль русского языка как средства межнационального общения. Свободное владение им, наряду с родным, способствует укреплению политического, экономического и духовного единства советского народа.

Конечно, именно при социалистическом строе закономерно свободное развитие и расцвет национальных культур, национальных языков и равноправное использование гражданами своих родных языков во всех сферах жизни. И это право в нашей стране закреплено не только политически и юридически, но и подтверждается самой жизнью.

В Программе КПСС сказано, что «и в дальнейшем будут обеспечиваться свободное развитие и равноправное использование всеми гражданами СССР родных языков». Далее говорится: «В то же время овладение наряду с языком своей национальности русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширяет доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры». Таким образом, дальнейшее упрочение интернационального единства нашего многонационального государства, рост его силы и могущества оказываются в прямой зависимости от уровня знания и владения русским языком всеми трудящимися страны.

Какие же функции выполняет русский язык в роли средства межнационального общения? Главная из них — коммуникативная, то есть функция общения, которая призвана обеспечить взаимопонимание советских людей разных национальностей во всех сферах производственной и общественной жизни. Эта функция сейчас крайне важна, т. к. в нашей стране необходимо обеспечить многосторонние связи между национальными республиками. При этом следует учитывать и такой демографический фактор: сами советские республики являются многонациональными по составу жителей. Ныне примерно 20 процентов жителей страны составляют люди, не принадлежащие к коренным национальностям тех республик, где они проживают. В результате миграции населения процесс роста многонациональности республик продолжается и сейчас.

В регулировании межнациональных отношений велика роль многонациональных городов истроек. В стране функционируют многоязычные производственные коллективы: на целинных землях Казахстана, в зонах Нечерноземья, на крупных стройках страны. Например, в строительстве Нурекской ГЭС в Таджикистане принимали участие представители 40 национальностей, Виллюйской ГЭС в Якутии — 57 национальностей, на КамАЗе — 70 национально-

стей. Развивается межреспубликанский обмен кадрами рабочих и специалистов, обмен производственными достижениями и научно-технической документацией. Население крупных городов и промышленных центров становится все более разнородным по национальному составу, например в Москве и Ленинграде живут представители 100 национальностей, в Киеве, Ташкенте и Алма-Ате — более 70, в Новосибирске — более 60. Для такого разностороннего общения людей разных национальностей требуется единый язык межнационального общения.

Другая важная функция языка межнационального общения — экономическая. Она тесным образом связана с развитием единого народнохозяйственного комплекса страны, который требует интенсификации межреспубликанских связей и ведет к дальнейшему укреплению экономических основ дружбы всех наций и народностей страны. Распространение языка межнационального общения имеет большое значение и для научно-технического прогресса, так как именно наука и техника являются теми сферами, которые в большей степени, чем другие, имеют интернациональный характер.

Белка роль русского языка как средства межнационального общения в деле воспитания людей в духе советского патриотизма и пролетарского, социалистического интернационализма. Знание русского языка необходимо и молодежи, готовящейся к службе в рядах Советской Армии: при наличии сложной военной техники во всех родах войск, каждый призывник независимо от его национальности должен хорошо владеть русским языком.

Большая роль отводится межнациональному языку в формировании и развитии единой социалистической культуры советского народа. Русский язык участвует в разносторонних процессах взаимодействия, взаимовлияния и взаимообогащения национальных литератур и языков народов СССР. И здесь прежде всего следует отметить его роль как «всесоюзного переводчика», которую он выполняет в течение вот уже нескольких десятилетий. Через переводы художественных и публицистических произведений национальных авторов с русского языка на языки других народов СССР все-союзный читатель знакомится с литературными ценностями всех народов Советского Союза. А ведь художественно-литературное творчество осуществляется у нас почти на 80 национальных языках. Таким образом, посредством русского языка каждое ценное в идейном и художественном отношении произведение национальной литературы, созданное на любом национальном языке, становится достоянием единой советской многонациональной литературы и культуры. Художественная проза и поэзия, драматургия и публицистика, исторические и этнографические сочинения постоянно

переводятся с русского языка на языки народов СССР и с языков народов СССР на язык межнационального общения. Следует учитывать и тот факт, что русский перевод открывает доступ национальным литературам к мировой культуре.

Подчеркивая роль, которую русский язык выполняет как «все-союзный переводчик» и как своеобразный аккумулятор мировой культурной и научной информации, народный поэт Азербайджана Расул Рза пишет: «Русский язык в силу широкой распространенности, давней и богатой связи с другими языками играет важную роль в ознакомлении народов нашей страны с классическими и современными образцами мировой литературы. Со многими произведениями французской, немецкой, испанской, английской и других литератур мой народ познакомился благодаря русскому языку». Считая русский язык драгоценным достоянием каждого народа нашей многонациональной страны, советские люди, как отмечает латышский писатель Ояр Вацетис, считают, что «без посредничества русского языка взаимодействие, взаимообогащение и... само существование многонациональной советской литературы как живого и дееспособного организма немислимо».

Активное взаимодействие национальных литератур народов СССР и все возрастающее значение русского языка в жизни народов нашей страны привели к развитию в советской литературе художественного двуязычия. На это новое, но весьма заметное явление в советской многонациональной литературе обратил внимание в начале 60-х годов выдающийся казахский писатель Мухтар Ауэзов: «Их всех объединяет один, казалось бы, внешний, но немаловажный, даже весьма существенный признак — все они, будучи писателями национальными, с тематикой национальных братских республик, пишут свои художественные произведения на русском языке». Широко развиваясь на национальных языках, литература народов СССР выдвинула ряд известных советских писателей, представляющих разные литературы, которые создают свои произведения на русском языке, или пишут параллельно и на национальном и на русском языках: всемирно известный киргизский писатель Чингиз Айтматов, армянский — Леонид Гурунц, узбекский — Тимур Пулатов, белорусский — Василь Быков, чукотский — Юрий Рытхэу, мансийский — Юван Шесталов и многие другие. «Обращение ряда национальных писателей к русскому языку в качестве формы выражения своей творческой индивидуальности в значительной мере определяется статусом русского языка как средства межнационального общения в различных областях общественной жизни»

(Михайловская Н. Г. О проблемах художественно-литературного двуязычия.— Вопросы языкознания, 1979, № 2).

Армянский писатель Геворг Эмин пишет об огромном значении русского языка и русской литературы в развитии языков и литератур народов СССР: «...Трудно даже представить себе положение национальных писателей и литератур без связывающего их общего языка — русского языка, который дает возможность любой из них вобрать в себя лучшее и ценное. От этого благородного взаимодействия выиграли не только все наши литературы (в том числе и русская), но и языки — каждый из них обогатился за счет многих понятий, слов и языковых оттенков, характерных для того или иного языка...»

Практическим результатом взаимодействия языков народов СССР с русским языком стал выход огромного количества самых разнообразных двуязычных словарей: украинско-русского и русско-украинского, грузинско-русского и русско-грузинского, азербайджанско-русского и русско-азербайджанского и т. п. Появилось множество специальных двуязычных словарей по общественно-политической лексике, по физике, математике, сельскому хозяйству, словари технических, спортивных, литературоведческих, международных терминов и т. п.

Результатом взаимодействия народов СССР, их культур и языков на основе общественно-политического, социально-экономического и духовного единства явилось и создание общего лексического фонда языков народов СССР.

В процессе постоянного контактирования русского языка с национальными языками происходит взаимопроникновение лексики из русского языка в национальные и обратно. Из русского языка в языки братских народов нашей страны широким потоком вошли слова, связанные прежде всего с общественно-политической жизнью, с различными сторонами социалистического строительства, заимствуется также научная и техническая терминология, терминология различных отраслей промышленности и сельского хозяйства, слова, относящиеся к самым разнообразным сферам нашей жизни.

Следует отметить, что и русский язык с большой охотой вбирает в себя из других национальных языков все то, что для него оказывается коммуникативно важным и лингвистически ценным. Заимствования из языков народов СССР, закрепившись и освоившись в русском языке, затем через его посредство проникают (и имеют потенциальную возможность проникать) в разные национальные языки.

Границы общего лексического фонда языков народов СССР

достаточно широки и по тематическим группам, входящим в него, и по источникам его образования: все национальные языки народов СССР, включая русский. Однако ведущая роль в образовании этого фонда принадлежит русскому языку как языку межнационального общения.

Таким образом, в результате взаимодействия русского и других национальных языков, взаимопроникновения лексики из русского языка в национальные и из национальных языков в русский и через русский — в другие языки братских народов создается общий словарный фонд народов СССР, то есть такие общесоюзные языковые ресурсы, которыми могут пользоваться любые национальные языки, откуда они могут поподнять свои словарные составы, ибо эти языковые единицы являются межнациональными, близкими и понятными каждому советскому человеку.

Владение русским языком как средством межнационального общения народов СССР сегодня стало жизненной потребностью для всех советских людей. Языковую ситуацию на сегодняшний день характеризует формирование русско-национального и национально-русского двуязычия, лишённого какого бы то ни было антагонизма и национальной розни. Большинство нерусского населения страны владеют своим национальным языком и вторым родным языком — русским. Вот это гармоническое двуязычие — величайшее завоевание Советской власти и результат претворения в жизнь ленинских идей интернационализма.

Однако не следует думать, что задача гармонического двуязычия решена полностью. Статистикой установлено, что каждый третий человек нерусской национальности не владеет свободно русским языком. Причины ещё недостаточного знания русского языка нерусским населением национальных республик различны. Здесь продолжают сказываться и культурно-исторические традиции, и территориальная компактность национально-однородного населения, и характер генетических связей между языками (украинцам и белорусам легче овладеть русским языком, чем другим национальностям), а также недостаточно высокий уровень его преподавания в школах национальных республик и областей.

Важным условием успешного функционирования и распространения русского языка как средства межнационального общения в союзных и автономных республиках является последовательное применение принципа двуязычия, которое ни в коей мере не означает вытеснения национальных языков русским. Наоборот, в условиях социалистического общества гармоничное национально-русское двуязычие функционирует в такой социальной и языковой среде, где происходит неуклонное развитие и обогащение на-

циональных языков и наряду с этим растет потребность у нерусского населения республик в овладении русским языком как языком межнационального общения.

Важнейшим фактором целенаправленного формирования двуязычия является советская многонациональная школа. Первостепенное значение придается при этом практическим результатам обучения обоим языкам, поскольку свободное владение родным и русским языками содействует повышению общеобразовательного и воспитательного уровня детей и молодежи. Успешное выполнение этой задачи зависит от активной деятельности учителей, методистов, всех работников просвещения.

Свободное владение родным языком открывает учащимся широкую возможность познавать достижения национальной культуры, активно участвовать в распространении научных знаний среди местного населения. Двуязычие способствует более успешному овладению основами наук, приобщению разоязычного молодого поколения к богатствам русского языка и созданной на нем литературы, получившей высокое признание во всем мире.

Проводящаяся в наши дни реформа общеобразовательной и профессиональной школы создает самые благоприятные возможности для дальнейшего развития двуязычия, для укрепления основ лингвистической культуры подрастающего поколения.

Особую важность приобретает решение этой задачи в настоящее время, когда происходит революционная перестройка во всех сферах жизни Советской страны. Русский язык, будучи важнейшим средством межнационального общения народов СССР, призван в этих условиях служить мощным орудием ускорения социального развития советского общества.

«Священные слова: Москва за нами! — мы помним со времен Бородина!» Все мы понимаем, о каких временах идет речь: Россия встала на пути наполеоновской Франции и победила «двунадесятиязычную» армию поработителей.

Сегодня, в год 175-летия Бородинской битвы мы снова обращаемся к тем дням и их героям, к именам и названиям, связанным со священными страницами русской истории.

М. Ф. Мурьянов,
доктор филологических наук

Перечитаем страницы «Войны и мира», излагающие то, что происходило на Бородинском поле, и сопоставим три высказывания автора.

Русский главнокомандующий «знал, что решают участь сраженья не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти».

(Попутное замечание: если бы этот текст был анонимным, школьный учитель и издательский редактор, возможно, зачеркнули бы *та* как синтаксически лишнее слово, а заодно указали бы на

нежелательность противоречия между неуловимостью силы и тем, что за ней все же следили и даже в какой-то степени руководили ею. Зная, чей это текст, мы находим в сблвчивом *та* особенную взволнованность и гениальный лаконизм в ее передаче, а в противоречии слов — верное отражение философского противоречия, присущего самому явлению. Большой художник всегда прав!).

Донесения главнокомандующему и его распоряжения на поле боя передавались не быстрее и не надежнее, чем это могли сделать адъютанты-кавалеристы, открытые для неприятельских обстрелов. Однако в действие вступила и связь иного, высшего порядка: «По неопределимой, таинственной связи, поддерживающей во всей армии одно и то же настроение, называемое духом армии и составляющее главный нерв войны, слова Кутузова... передавались одновременно во все концы войска».

До кампании 1812 года французское войско являлось баловнем военного счастья. Оно было лучше организовано и оснащено, прошло закалку, руководилось командным составом, выдвигавшимся не по принципу родовитости, а по личным способностям, знаниям и боевым заслугам. Но вот заключительные строки о битве: «Прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, гибель пятисоттысячного нашествия и гибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом противника».

Дух войска, *дух* армии, сильнейший *духом* противник... Удивительное слово *дух*! Оно по меньшей мере так же, как и любые другие слова русского языка, вправе рассчитывать на внимание языковеда-русиста, он должен объяснить его смысл тем читателям «Войны и мира», которые языковедами не являются. Только объяснить его очень трудно, сам Толстой предупредил нас о неуловимости, неопределимости того, что этим словом именуется. Но сам же и подобрал зримый образ для *духа*:

«...после каждого попавшего ядра, после каждой потери все более и более разгоралось общее оживление.

Как из придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, светлее и светлее вспыхивали на лицах всех этих людей (как бы в отпор совершающегося) молнии скрытого, разгорающегося огня.

Пьер не смотрел вперед на поле сражения и не интересовался знать о том, что там делалось: он весь был поглощен в созерцание этого, все более и более разгорающегося огня, который точно так же (он чувствовал) разгорался и в его душе».

Читатель верит художественной правде этих строк, написанных автором, имевшим боевой опыт Крымской войны. Верит пото-

му, что за этими строками — правда жизни, не какой-то единичный случай, а состояние, до боли знакомое каждому фронтовику. Многое изменилось в военном деле за время после наполеоновской эпопеи. Развился, обогатился, освободился от устаревшего и набор профессиональных слов, в которые облекается военная мысль. Полностью сменился философский фундамент, на котором она строится. Однако боевой *дух* как фактор ведения войны был и остается неизменным. Пусть военные историки и впредь уточняют, углубляют концепцию Бородинского сражения, разработанную военным историком и писателем Львом Толстым. Но процитированные нами строки «Войны и мира» не лишит значения никто.

Исходное значение таинственного слова *дух* (и его производного *воз-дух*) никаких загадок для языковеда не содержит. *Дух*, сродни глаголам *дохнуть*, *дышать*, является как бы тем, что дышится, или чем дышат, что жизненно важно, но как раз и невидимо, и неуловимо.

Древние славяне понимали, конечно, что (*воз*)*дух* не так уж невеществен, что он вполне реален и сомневаться в его существовании не приходится, но невидимость и неуловимость делали его как нельзя более пригодным для наглядного обозначения всего, что относится к действительно невещественному миру идей, в отличие от мира материального, всего того, что можно пощупать и попробовать на зуб. *Духовное* стало означать все идейное (слов *идея*, *идейное* еще не было), существующее только в мыслях, в сознании человека. Всегда понималось, что духовное существует не для того, чтобы вытеснить, уничтожить материальное, как и материальное не может, не должно существовать без духовного. Так и в воинском, ратном труде. По образному пояснению Толстого в «Войне и мире», сила войска — это «произведение из массы на что-то такое, на какое-то неизвестное *х*... *Х* этот есть дух войска».

Поле боя — место, где идея, дух нужнее всего. Если в других жизненных ситуациях достаточно *присутствия духа*, то здесь требуется *горение духа*. Участникам боя, чтобы они не дрогнули, чтобы ни на мгновение не растерялись, подаются особые знаки духа. Важнейший из этих знаков — полковое знамя, поднимаемое высоко вверх. Солдаты Отечественной войны 1812 года твердо знали, что знамя нужно беречь больше зепицы ока, что в неравном бою можно поступиться всем, даже землей, которую защищаешь, можно пожертвовать собственной жизнью, но знамя в руки врага попасть не должно. Оно не имеет никакой материальной ценности, но знамя потерять — значит все потерять. Толстой не преминул об этом сказать, когда всмотрелся своим внутренним взором в состояние Наполеона, наблюдающего с командного пункта безрезультатность

французских атак на Бородинском поле: «Когда он перебирал в воображении всю эту странную русскую кампанию, в которой не было выиграно ни одного сражения, в которой в два месяца не взято ни знамен, ни пушек, ни корпусов войск, когда глядел на скрытно печальные лица окружающих и слушал донесения о том, что русские всё стоят, — страшное чувство, подобное чувству, испытываемому в свидениях, охватывало его... Да, это было как во сне, когда человеку представляется наступающий на него злодей, и человек во сне размахнулся и ударил своего злодея с тем страшным усилием, которое, он знает, должно уничтожить его, и чувствует, что рука его, бессильная и мягкая, падает, как тряпка, и ужас неотразимой гибели обхватывает беспомощного человека».

Далеко не каждое сражение удостаивалось того, чтобы его оселили развернутые знамена, они означали высшее — без остатка — напряжение сил, когда к героической смерти в рукопашной схватке должен быть готов каждый. Молодой генерал-майор Александр Тучков 4-й «повел свой Ревельский полк на неприятеля со знаменем в руке, но едва ступил он несколько шагов, пуля поразила его в грудь» (Бородинская битва. СПб., 1839). Найти тело Тучкова было невозможно, впоследствии по показаниям уцелевших очевидцев определилось лишь место события — средняя Багратионова флешь. В 1849 году вдова героя Маргарита Тучкова, сестра будущего декабриста полковника М. М. Нарышкина, выстроила на этом месте мемориальный храм, а затем и общежитие для тех, кого Бородинское сражение сделало вдовами. (От этой обители предание сохранило живую память — рецепт и название *бородинского хлеба*, московской достопримечательности).

О знаменах в Бородинском сражении не упоминают ни Толстой, ни самые полные описания позднейших историков. Тем выше ценность поэтического свидетельства Лермонтова, постигавшего событие по рассказам живых современников и участников:

Марш! марш! пошли вперед, и боле
 Уж я не помню ничего.
 Шесть раз мы уступали поле
 Врагу и брали у него.
 Носились знамена, как тети,
 Я спорил о могильной сени,
 В дыму огонь блестел,
 На пушки конница летала,
 Рука бойцов колоть устала,
 И ядрам пролетать мешала
 Гора кровавых тел.

Поле Бородина, 1830—1831

Впоследствии Лермонтов, «сохранив некоторые удачно найденные поэтические формулы, полностью преодолел романтический

гиперболизм раннего стихотворения и построил новую интонационно-стилевую систему» — так пишет лучший знаток творчества Лермонтова В. А. Мануйлов (Лермонтовская энциклопедия. М., 1981). Получилась следующая строфа:

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Бородино, 1837

Русские историки считали Бородино русской победой, французские историки придерживались противоположного мнения. Что же, сторона, которая завладела полем сражения и двинулась дальше, намеченным путем вперед, всегда имеет определенные тактические преимущества перед стороной, с поля сражения ушедшей, чтобы продолжить отступление. Подчеркнем однако: среди французских трофеев не оказалось русских знамен, знамена отступили в порядке, оставив горы кровавых тел. *Дух* русского войска остался несломленным. Старый обычай полководцев ломать древко знамени струсившего полка, тем самым давая знак к его расформированию, Кутузову не попался.

Толстой назвал лермонтовское стихотворение «Бородино» зерном своего романа «Война и мир». От зерна вырастает сторицею зерно же, этим из поколения в поколение питается народная память о славной годовщине, *недаром помнит вся Россия про день Бородина*. Преемственность духа (намеченная вещим лермонтовским зачином *Скажи-ка, дядя — вопросом ребенка к ветерану*) есть и между обеими Отечественными войнами. На этой линии родства можно видеть, что, пожалуй, ничто так хорошо не сохранилось и не приумножилось в истории нашей духовной культуры, как традиции благоговейного отношения к воинскому знамени.

Рисунок Н. Беланова

«Кутузовская изба»

И. Я. Крайванова,
заведующая филиалом музея-панорамы «Бородинская битва»

На шестой день после оставления Бородинского поля русские войска подходили к Москве. До ее стен оставалось несколько километров.

Вот и Поклонная гора! Место, почитаемое каждым, кто с уважением относится к России и ее древней столице. Здесь, перед въездом в Москву, останавливались, снимали шапки и отдавали низкий поклон столице. Так повелось с незапамятных времен.

Но тогда осенним днем 1812 года в этом месте начался военный совет, решивший судьбу Москвы. Здесь нужно было осмотреть позицию, выбранную начальником штаба армии Беннигсенем для сражения, и дать ей оценку. Количество потерь после кровопролитного Бородинского сражения достигало более 40 тысяч человек, большая нехватка ощущалась в боеприпасах.

Кутузову уже с первого взгляда стали видны все изъяны позиции, занимаемой русскими войсками: несколько небольших речек и глубоких оврагов мешали взаимодействию войск, в тылу проте-

кала Москва-река с крутым берегом, на ней было всего лишь несколько наплавных мостов, непригодных для переправы войск и артиллерии в случае отступления, по протяженности позиция была слишком обширной для армии, так и не восполнившей потери.

К Кутузову, сидящему на дорожной скамейке, подходили и подъезжали генералы и располагались группами. Многие критиковали позицию, но спорили не о том, давать или не давать бой. Все наперебой высказывали свое мнение, как лучше расположить армию.

Заметив Барклая-де-Толли, Кутузов попросил его внимательно осмотреть позицию и доложить ему свое мнение. С такой же просьбой Кутузов обратился к генералу Ермолову и полковнику Толю. Все трое осмотрели позицию и высказали свое отрицательное мнение о ней. На пять часов пополудни Кутузов назначает военный совет и приказывает везти себя в Фили, где располагалась Главная квартира.

Деревня Фили, состоявшая из нескольких крестьянских дворов, располагалась недалеко от Поклонной горы за Большой (Смоленской) дорогой в четырех верстах от Дорогомиловской заставы и входила в состав Кунцевской вотчины, принадлежавшей с петровских времен знатному роду бояр Нарышкиных.

1 сентября 1812 года в одной из ее лучших изб, в избе крестьянина А. С. Фролова, разместилась Главная квартира русской армии.

...Осенний день клонился к закату. Изба Фролова, приготовленная для совещания, заполнилась приглашенными военачальниками. Целый час ждали Беннигсена. Много за этот час передумал Кутузов. Сейчас он услышит мнение своих боевых соратников. Поймут ли они его? Поймут ли они всю сложность стратегической обстановки, сложившейся под Москвой? Каждый из них в рае задавать вопрос: «Почему же он до последнего дня, до последнего часа говорил, что сражение за Москву будет?» Но не каждый из них знал, что чем ближе к Москве, тем труднее становилось его положение. В этой обстановке нужно было во что бы то ни стало сохранить войска. А намеки он заранее, что Москву придется оставить без боя, как это станет известно Александру, ведь армия полна «глаз» и «ушей», и царя извещают о каждом его шаге и слове. Недаром молвится: *Даже подушка не должна знать мысли полководца.* А если их узнают в Петербурге, то его немедленно заменят Беннигсеном, и тогда ганноверский барон доведет русские войска до полного разгрома, тогда — торжество Наполеона, мир, тяжелее Тильзитского...

С приходом Беннигсена совещание началось. В разгар его с передовых позиций из-под Сетуни прибыл Раевский.

Главнокомандующий изложил тяжелую стратегическую обстановку, сложившуюся под Москвой, охарактеризовал позицию и завершил выступление словами: «Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до сих пор еще останется надежда на счастливо завершить войну, но по уничтожении армии не только Москва, но и вся Россия была бы потеряна» (Барклай-де-Толли М. Б. Изображение военных действий 1812 г. СПб., 1912).

Мнения на совете разделились. Барклай-де-Толли, Остерман-Толстой, Раевский и Толь подали свои голоса за временное оставление Москвы для сохранения армии. Беннигсен настаивал на сражении. Дохтуров, Уваров, Коновницын, Ермолов считали позицию непригодной и предлагали сняться с нее и сразиться с неприятелем на марше. Заседание военного совета завершили слова Кутузова: «С потерей Москвы не потеряна Россия. Первой обязанностью поставляю сохранить армию... Самим уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю. Из Москвы я намерен идти по Рязанской дороге. Знаю, ответственность обрушится на меня, но жертвую собою для блага Отечества. Приказываю отступить» (Кутузов М. И. Документы, т. IV, ч. I, М., 1954).

Опытный полководец знал, что оставление Москвы стало последней жертвой ради великой победы.

По окончании Отечественной войны 1812 года место проведения военного совета стало посещаемо представителями всех сословий России. Чаще всего сюда наведывались бывшие участники боев.

У местных жителей изба, которую они с большой охотой и гордостью показывали приезжим, получила название *Кутузовская*. Семья Фроновых продолжала жить только в одной ее половине, сохраняя во второй части «все, как было при Кутузове».

Но у владельца Филей, помещика Э. Д. Нарышкина, хозяйственные расчеты взяли верх над патриотическими чувствами. Узнав от управляющего, что деревня уже много лет не приносит дохода, он распорядился перенести все крестьянские дворы ее (их всего было семь) к роде села Покровского, поближе к Москве-реке. В 1850 году деревня была ликвидирована. Лишь по просьбе крестьян *Кутузовская изба* осталась на прежнем месте. Простые люди, как могли, старались уберечь дорогое их сердцу строение: обнесли ее рвом и земляным валом, крышу обшили тесом, небольшой участок земли, прилегающей к избе, обсадили деревьями. Нарышкин обязался содержать в избе двух сторожей — старых ветеранов Отечественной войны 1812 года. С этого времени *Кутузовская изба* стала напоминать музей. На крестьянском столе появилась чернильница с пером и книга, в которую посетители записывали свои фа-

милии, здесь же лежало несколько томов «Описания Отечественной войны в 1812 году» А. И. Михайловского-Данилевского, на одной из стен висели литографированные портреты генералов-участников военного совета в Филях.

Но такая «красивая жизнь» избы продолжалась недолго. Средств на ее ремонт не было. А время делало свое дело. Изба стояла одинокой и заброшенной и быстро ветшала. Такой ее видел А. Саврасов и запечатлел на своем этюде.

В 1867 году строение было заколочено, сторожа уволены, а в следующем году в оставленной без присмотра избе произошел пожар. От огня удалось спасти лишь иконы и одну скамью. Обгоревший сруб был разобран.

Москвичи, узнавшие о печальной участи *Кутузовской избы*, заволновались. В адрес Нарышкина и городских властей посыпались гневные письма. Нарышкин, проживавший в то время в Швейцарии, желая освободить себя от моральной ответственности за гибель *Кутузовской избы*, распорядился продать оставшиеся от избы бревна и клочок земли под ними Московской городской думе.

Став владельцами исторического места, городские власти объявили конкурс на проект памятника, посвященного одной из памятных страниц Отечественной войны 1812 года — военному совету в Филях. Условия конкурса предусматривали прочность памятника, дешевизну, простоту, форму, удобную для написания на нем надлежащих текстов, возможность обходиться без сторожей. Прошло одиннадцать лет.

Осенью 1883 года офицеры Московского Гренадерского корпуса, бывшие на полевых занятиях в окрестностях Поклонной горы, с большим трудом нашли место проведения военного совета в Филях.

В гневном письме в адрес Московской городской думы они сообщали, что историческому месту, которое должно быть сохранено для потомков, грозит совершенное исчезновение, поэтому они просят разрешения положить на месте бывшей «избы Кутузова» хотя бы камень с соответствующей надписью и должны знать, нет ли к этому препятствий.

Власти города не препятствовали...

А вскоре на месте исчезнувшей избы появился каменный столб — дорожный предзаставный знак с бывшего Смоленского тракта. На средства офицеров Гренадерского корпуса были изготовлены и прикреплены к столбу две мраморные доски с надписями, сохранившимися до наших дней. Одна из них повествует об истории места и появлении первого памятника, каким стал дорожный камень, другая содержит заключительные слова Кутузова на

военном совете. Так было сохранено для потомства памятное историческое место. К 75-летию Отечественной войны 1812 года интерес к ее событиям вновь возрос. В Москве был объявлен сбор средств на памятник, посвященный военному совету в Филях. На добровольные пожертвования москвичей, простых людей, зажиточных граждан, потомков Кутузова, представителей духовенства памятник был сооружен. Им стала вновь построенная ббльших размеров изба. Строение возвели по проекту художника Н. Р. Струкова и по его рисункам, сделанным с подлинной избы еще в 1864 году.

16 августа 1887 года состоялось торжественное открытие *«Избы военного Совета бывшего 1 сентября 1812 г.»*. Такое официальное название получила новая изба, его и сейчас можно прочесть на карнизе главного фасада здания. Но оно не прижилось. Народ продолжал называть избу в Филях по-прежнему — *Кутузовской*. Ныне в ней сосредоточились реликвии, относящиеся к 1812 году, воссоздающие обстановку памятного военного совета. Среди вещей — крестьянские иконы и скамья, некогда спасенные из сгоревшей *«Кутузовской избы»*. Особое место в музее занимает мемориальная экспозиция, состоящая из личных вещей М. И. Кутузова. Основой для воссоздания первоначальной обстановки избы стало художественное произведение — картина А. Д. Кившенко *«Военный совет в Филях в 1812 году»*, написанная художником под неизгладимым впечатлением от романа Л. Н. Толстого *«Война и мир»*.

С 1962 года музей *«Кутузовская изба»* стал филиалом музея-панорамы *«Бородинская битва»*. В этом году *«Кутузовская изба»* отмечает свое столетие.

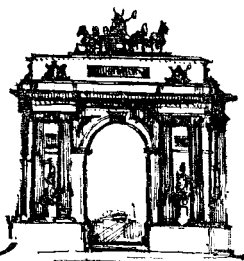
Рисунок А. Кившенко

Читатель спрашивает

«Как правильно сказать: *монумент Петра I* или *монумент Петру I?*»

Н. Н. Морозов, Пермь

Это слово употребляется в конструкциях *«монумент кому»* — *Петру I* и *«монумент чего»* — *монумент Славы*. При указании имени скульптора-автора употребляется конструкция *кого: монумент М. К. Аникушина* (т. е. работы Аникушина). Не следует употреблять в речи тавтологическое *монумент — памятник*: *монумент это и есть памятник* (от лат. *monere* — напоминаю).

Поклонная гора

Г. П. Смолицкая,
доктор филологических наук

Поклонная гора находится в западной части Москвы в районе Кутузовского проспекта. И хотя она известна с давних пор, на современной карте города ее название отсутствует. Частично оно представлено лишь в виде наименования расположенной поблизости улицы — *Поклонная*. В XVI—XVII веках это место называлось *Поклонная гора при Смоленской (или Можайской) дороге*. Вокруг нее находились выгоны, которые запрещено было распахать или застраивать, здесь нельзя было «сажать слободы». Земля, на которой находилась Поклонная гора, принадлежала патриаршему Троице-Голенищеву селу.

Происхождение и значение этого топонима довольно прозрачно и практически понятно каждому владеющему русским языком. Относительно слова *гора* надо сказать, что в средней, да и не только в средней, русской полосе оно чаще всего имело значение «холм, небольшая возвышенность» или «крутой берег реки». Об этом свидетельствуют и те семь гор (холмов), на которых стоит Москва. Основной же смысл интересующего нас названия в слове *поклонный* несомненно связан со словом *поклон*. Но потому, что *поклон* имело в русском языке XI—XVII веков разные значения, существуют и различные предположения о происхождении этого названия. Поклон и обозначающее его слово всегда выражали и выражают преклонение перед кем-либо, уважение и расположение к тому, к кому они относятся. Кланялись при просьбе, что закрепилось в пословице *В просьбе поклон не в потерю*. Словом *поклон* начинались письма наших предков. Такое письмо было написано в Новгороде в XV веке на берестяной грамоте: «Поклон о(т) Михаілі к осподину своему Тимофію» (Грамота № 17). Особенно важен

был поклон в ритуале приема иностранных послов. Эта процедура имела свое название — *поклон править*. Так, один из русских послов в Данию сообщает Ивану IV в 1564 году: «И яз Оптонец по твоему государеву наказу учал королю поклон править, и король шапку снял, и как есмя поклон исправили, и король воспросил нас о твоем государеве здоровье» (Статейный список российских послов... в Данию 1564 г.).

Поклон как выражение уважения, просьбы часто использовался при решении важных вопросов войны и мира. Так, с поклоном обращаются немцы к Александру Невскому и просят решить вопрос об обмене пленными: «Пришлаша немцы ко Александру с поклоном, глаголюще: „что есми взяли людей ваших в полон, и мы их отпустим, а вы наших“. И тако смиришась, а полон обои отпустиша их» (Житие Александра Невского).

С течением времени *поклоном* стали называть и те подарки, подношения, которые делались в знак уважения, расположения к кому-либо. Так, в документе XVII века сообщается: «А та икона отнесена на приезде в поклон святому владыке» (Акты Холмогорской и Устюжской епархий, 1683). Подобные поклоны стали настолько распространенными, что превратились в обязательную пошлину, побор, и в языке стали оформляться как пошлина. Появилось субстантивированное прилагательное, то есть прилагательное, превратившееся в существительное, — *поклонное*: «А ясаку емлют на великих государей с тунгусов по три соболя да на себя емлют поклонного со всякого тунгуса по соболю», — сообщается в отписке Тобольского воеводы — документе 1667 года. Было даже такое выражение *поклонный соболь*, то есть соболь, который взимался в обязательном порядке для подношения в качестве подарка, поклона. *Поклоном* называлась и судебная пошлина за исполнение определенных судебных обязанностей. Так, в Судебнике Ивана IV сказано: «А от поруки им самим и их ездоком поклонного, с приставом ездячи, не имати ничего» (1550 г.).

Сразу надо сказать, что Поклонная гора при Смоленской дороге не связана ни с богослужением, ни со сбором и подношением подарков или сбором судебной пошлины.

И все же Поклонная гора была местом, где совершались определенные ритуалы. Поклонных гор около Москвы было несколько — при больших дорогах при въезде в город и выезде из него. Одна из них упоминается в документах XVI века. Она находилась близ села Напрудного у Большой Троицкой дороги, ведущей из Москвы на Переяславль и дальше на север. Поклонные горы были и в других русских городах, например во Пскове, Суздале, позже в Петербурге. Исторические сведения о роли Поклонных гор скупы, но все

же они дают некоторую возможность представить их роль в жизни города как столицы княжества, государства. Поклонные горы, находясь при въезде и соответственно при выезде из него, у больших дорог, служили местом, где совершались поклоны как приветствия. Здесь с поклоном встречали знатных людей, прибывающих в город — князей из других княжеств, послов иностранных государств, путешественников.

Поклонная гора при Смоленской дороге около Москвы была местом, где с поклоном встречали иностранных послов, прибывающих в Москву из разных стран. На ней было встречено посольство от крымского хана Менгли-Гирея, прибывшее в Москву осенью 1508 года: «И стрел их (послов) Федор за рекою Москвою на Поклонной горе и ехал с ними в город до их подворей» (Сборник Русского исторического общества). В другом аналогичном документе сообщается: «А ехати им (встречающим) с послы велел с большие дороги с Поклонные горы налево к мельнице» (там же).

На Поклонной горе останавливались путешественники и другие лица, впервые прибывающие в город. Отсюда, с возвышенного места открывалась его панорама, и люди как бы кланялись ему, здесь происходило первое знакомство с городом, в данном случае с Москвой. Вероятно, вид города с Поклонной горы был настолько необычен, красота и близость его были так осязаемы, что это вызывало в людях сильные чувства. Читая «Войну и мир» Л. Н. Толстого, мы узнаем, что именно здесь Кутузов переживал весь ужас потери Москвы: «Кутузов на Поклонной горе, в шести верстах от Дорогомилловской заставы, вышел из экипажа и сел на лавку на краю дороги... Один страшный вопрос занимал его... „Неужели это я допустил до Москвы Наполеона и когда же я это сделал?“».

Далее вспомним, какие чувства вызывает первое знакомство с Москвой у Наполеона, когда он увидел ее с Поклонной горы. Именно здесь ждал он, что ему преподнесут ключи от Кремля. «Блеск утра был волшебный. Москва с Поклонной горы расстилалась просторно с своею рекой, своими садами и церквями и, казалось, жила своею жизнью, трепеща, как звездами, своими куболами в лучах солнца.

При виде странного города с невиданными формами необыкновенной архитектуры Наполеон испытывал то несколько завистливое и беспокойное любопытство, которое испытывают люди при виде форм не знающей о них, чуждой жизни... По тем неопределимым признакам, по которым на дальнем расстоянии безошибочно узнается живое тело от мертвого, Наполеон с Поклонной горы видел трепетание жизни в городе и чувствовал как бы дыхание этого большого и красивого тела» (там же).

Тот факт, что именно здесь, на Поклонной горе, Наполеон ждал ключей от Кремля, свидетельствует о том, что он знал об обычае встречать важных гостей на Поклонной горе, куда Москва пришла бы с «повинной головою», то есть с поклоном. Аналогичные Поклонные горы известны и у других славянских народов, в частности у словенцев.

Итак, Поклонная гора — это возвышенное место, холм у большой дороги при въезде в город и при выезде из него. Здесь встречали и провожали важных лиц, иностранные посольства, встречали с приветом, с поклоном. Отсюда прибывающие и выезжающие из города рассматривали его панораму и как бы кланялись ему. Таковой была и Поклонная гора при Смоленской дороге в Москве.

Рисунок С. Гавриловой

Читатель спрашивает

«Одинаковы ли по значению слова *защитный* и *защитительный*?»

Л. Г. Станиславов, Ростов-на-Дону

Эти однокоренные слова различаются в значении и в употреблении. *Защитный* — «служащий для охраны, ограждения от каких-либо вредных влияний, предохраняющий от чего-нибудь», например *защитная оболочка, защитные приспособления*.

Защитительный — значит «относящийся к защите на суде, служащий для защиты чьих-нибудь интересов»: *защитительная речь, защитительные доводы* и т. д.

«Что означает слово *гризайль*?»

С. С. Юницкий, Симферополь

Гризайль — живопись одним каким-либо цветом, чаще коричневым, серым или синим. Это слово заимствовано из французского: франц. *grisaille* от *gris* — серый.

Улица Барклая-де-Толли!

В. В. Цоффка,
кандидат филологических наук

В Москве, в районе станций метро «Фили»—«Филевский парк» есть улицы, названные именами героев Отечественной войны 1812 года. Среди них и улица (бывшее *Фильское шоссе*), которая носит с 1962 года имя Михаила Богдановича Барклая-де-Толли (1761—1818), точнее — не имя, а часть его — *ул. Барклая*. Название вызывает недоумение, так как выглядит фамильярным и упрощенным. На всех памятниках, установленных Барклаю-де-Толли в Тарту, Ленинграде, Бородине, имя его приводится полностью как официальное.

Михаил Богданович Барклай-де-Толли был потомком шотландских переселенцев. Предки его служили в русской армии. Сам он долгое время находился в скромных чинах, хотя показал себя храбрым офицером во многих сражениях.

В кампанию 1806—1807 годов он был тяжело ранен в битве при Прейсиш-Эйлау. Особое мужество уже немолодого полковника обратило на себя внимание Александра I. С этих пор начинается стремительное возвышение Барклая-де-Толли: он становится генералом, военным министром, главнокомандующим I-й Западной армией.

В 1812 году Наполеон стремился разгромить русскую армию при первом же «генеральном сражении». Барклай-де-Толли всячески уклонялся от него, понимая, что силы сторон не равны. Такая его тактика вызывала резкое недовольство как в армии, так и в рус-

ском обществе: очень многие видели в нем чужеземца, которому не следует верить судьбу армии и Отечества. Александр I сместил его с должности главнокомандующего армией и назначил на эту должность М. И. Кутузова.

В Бородинском сражении Барклай-де-Толли командовал правым крылом армии и... искал смерти в бою. Он сменил под собой несколько лошадей, офицеры и адъютанты его полка были ранены или убиты, а его пуля не брала, хотя он представлял собою великолепную мишень для французов: высокая фигура, парадный генеральский мундир с наградами, шляпа с огромным плюмажем... После Бородинской битвы он писал Александру I: «26 августа не сбылось мое пламеннейшее желание; провидение пощадило жизнь, которая меня тяготит».

За участие в Бородинском сражении Барклай-де-Толли был удостоен одной из высших боевых наград — ордена св. Георгия второй степени.

После смерти М. И. Кутузова, который возглавлял союзные русско-пруссские войска при вступлении в Западную Европу, Барклай-де-Толли по общему согласию союзников был назначен в мае 1813 года главнокомандующим. Он привел войска в Париж, за взятие которого был произведен в фельдмаршалы.

Барклай-де-Толли совершил исторический подвиг: спас армию и сохранил ее боеспособность до решительной битвы. «Его отступление,— писал А. С. Пушкин,— которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ, ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом».

Замена Барклая-де-Толли Кутузовым была исторической необходимостью, ибо выводила управление войсками из сложного узла противоречий в ответственный момент войны.

Барклай-де-Толли умер в 1818 году в Пруссии, похоронен в своем бывшем имении, которое находится в южной Эстонии, в деревне Йыгевесте. В 1823 году здесь было завершено сооружение мавзолея, на фронте которого — герб с девизом Барклая-де-Толли «Верность и терпение». Неподалеку от мавзолея похоронены воины Третьего Прибалтийского фронта: рядом с прославленным героем 1812 года лежат праправнуки тех солдат, с которыми он защищал Родину на Бородинском поле.

В художественных произведениях фамилия героя 1812 года фигурирует в двух вариантах: *Барклай-де-Толли* (*Барклай де Толли*) и *Барклай*. Следует отметить, что часть фамилии *Барклай* употреблялась обычно в бытовых ситуациях. Потомки великого полководца служили в русской и служат в Советской Армии, что было и является их семейной традицией, носили и носят фамилию — *Барклай-де-Толли*.

В последнее время мы все чаще обращаемся к нашей истории и памятникам культуры. Своеобразными памятниками являются и наименования улиц. Пора восстановить в затронутом нами названии имя великого русского полководца, каким оно вошло в историческое сознание народа.

Рисунок С. Жагина

Читатель спрашивает

«По профессии я бухгалтер. В платежной ведомости написала „подпись“. А мне начальник говорит, что это неверно, надо писать „роспись“. Кто из нас прав?»

Л. Я. Крючкова, Ржев

Правы Вы. В современном литературном языке слова *подпись* и *роспись* различаются по значению и употреблению. *Подпись* — это «собственноручно написанная фамилия» (поставить свою *подпись*, сбор *подписей* под мирным воззванием и т. д.). У слова *роспись* несколько значений — это «письменный перечень чего-либо» (*роспись* доходов), «настенная живопись» (*роспись* потолка, стен, древнего храма).

«Есть ли разница между словами *нарочно* и *нарочито*?»

Н. М. Мезенцева, Волжский

Да, эти наречия различны и по значению, и по употреблению. *Нарочно* — значит, «с целью, с определенным намерением», а также «в шутку, для видимости». Например: «не сердись, это я *нарочно*».

Нарочито — значит «с показной подчеркнутостью»: «он был *нарочито небрежен в туалете*».

На карте Родины

А. К. Панфилов,
доктор филологических наук

Город Вязьма Смоленской области расположен на одноименной реке, впадающей в Днепр (верхнее течение Днепра). Его по праву называют городом русской славы.

22 октября (3 ноября) 1812 года под Вязьмой и в самом городе был нанесен сокрушительный удар по отступавшей наполеоновской армии. Несмотря на численное превосходство французов (около 37 тысяч против 25 тысяч русских), неприятелю не удалось удержать город. К исходу дня войны генералов М. А. Милорадовича и М. И. Платова при содействии партизан очистили Вязьму от захватчиков, спаливших город.

Откуда произошло название *Вязьма*?

Лингвисты, историки, краеведы давно уже стали заниматься решением этого вопроса. Ф. Никифоров и В. Неверович в очерке «Историко-статистическое описание города Вязьмы и уезда ее», включенном в «Памятную книжку Смоленской губернии на 1856 год» (Смоленск, 1856), писали, что это название произошло от вязкого места. Известный историк Н. П. Барсов относил название *Вязьма* к иноязычным заимствованиям (Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии... Варшава, 1885). Такого же мнения придерживался автор книги «Исторический очерк города Вязьмы...» (М., 1890) И. П. Виноградов: «Имя реки Вязьма есть одно из свидетельств, что в этой местности жило в древности, в доисторическое время, не русское, а финское племя ВЕСЬ, и название города Вязьма произошло от названия ВЕСИ... Финское слово *wesi* означает «вода»; *maa* — «земля, почва»... Болотистая земля,

болотистая почва или просто поселение ВЕСИ, земли ВЕСИ. Таково, по нашему мнению, происхождение названия нашей реки, а отсюда и города Вязьмы».

Как видим, автор без оговорок отсждествил финское слово *wesi* (вода) с русским обозначением финского племени, не совсем точно передававшим соответствующий финский этноним *versä*.

Вышедший в 1905 году IX-й том обширного сочинения «Россия», посвященный Верхнему Поднепровью и Белоруссии, обобщил все сделанное в прошлом столетии по интересующему нас вопросу: «Отчего произошло название города — трудно решить; есть несколько версий: или от низкой «вязкой» местности и от растущих здесь в изобилии вязов, или же от финского племени ВЕСЬ, или же, наконец, от слова *вязать*, так как р. Вязьма, составляя часть древнего волокового пути, связывала бассейны верхней Волги, верхней Оки и Днепра. Есть свидетельства о весьма древнем происхождении Вязьмы».

Не касаясь вопроса о родословной именно этого названия, академик А. И. Соболевский в работе «Названия рек и озер русского Севера» (Изв. отд. русск. яз. и словесности АН СССР, т. XXXII, Л., 1927) писал, что языкам финской группы чужды названия рек на *-ма*. По мнению М. Фасмера, финский этноним *versä* (весь) не мог стать основой названия *Вязьма*, потому что *вещы* никогда не были на территории Смоленщины (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка).

Б. А. Серебренников утверждал, что названия рек на *-ма* являются достоянием дофинно-угорской (волго-окской) топонимии (см.: Серебренников Б. А. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР — «Вопросы языкознания», М., 1955, № 6). Сюда он относил и название *Вязьма*, а также *Осьма* (река на территории Смоленщины). Это вызвало критическое замечание со стороны В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, которые писали: «Серебренников забывает упомянуть принятые этимологии этих гидронимов (из славянского или из балтийского)» [Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962]. Впрочем, сами авторы не дали определенного ответа на вопрос о происхождении названия *Вязьма*.

К сожалению, вопрос об этимологии слова *Вязьма* решался всеми исследователями без учета топографии города. Археолог Е. Н. Клетнова, проводившая в 1910 году раскопки близ Вязьмы, справедливо назвала место, где расположен город, «самым интересным местом течения реки» (Клетнова Е. Н. Археологические разведки Вяземского уезда, М., 1915). В самом деле, река Вязьма здесь, подобно пахарю на полосе, бороздит территорию то в одну сторо-

ну, то в другую. Протекая вдоль подножия Соборной горы и продолжая далее свой путь на запад, река затем полукольцом огибает место, где находится центральная (древнейшая) часть города, и течет почти в обратном направлении. Ниже по течению она делает еще одно полукольцо, но уже в противоположную сторону. Иными словами, река как бы обвязывает городские кварталы.

Действие по глаголам *вязать*, *связывать* в русском языке издавна именуется вязью. «Словарь русского языка XI—XVII вв.» в числе значений слова *вязь* указывает и такое: «то, чем связывают». На Смоленщине жгут из соломы для связывания снопов называют словом *вязьмо* (Словарь русских народных говоров). Словом *вязь* обозначается также связь, соединение (Даль В. И. Толковый словарь). Это значение слова было зарегистрировано лексикографами и ранее, например в трехязычном «Российском лексиконе...» Ф. Гелтергофа (1778).

Таким образом, изворот реки, подобный тем, о которых говорилось выше, мог быть назван словом *вязь*. Синоним *лука* был тут не вполне подходящим, потому что *лукой* называли всякий изгиб реки, всякую ее кривизну, а здесь, в каждом из двух случаев, река, делая петлю, принимает почти обратное направление и плавно опоясывает (вязет) значительные по величине участки площади.

Думается, что историческим корнем в слове *Вязьма* является *вязь*. Не так часто встречаются в наших краях расположенные неподалеку друг от друга подобные повороты (вязи) на реке, чтобы они не отразились в названии местности.

Теперь небольшой экскурс в область исторической грамматики. В древнерусском языке, помимо единственного и множественного чисел, было еще двойственное число. Оно употреблялось для обозначения парных предметов и вообще во всех случаях, когда речь шла о двух предметах или о двух лицах.

Имена существительные в двойственном числе склонялись по своему, не так, как в единственном, и не так, как во множественном числе. Например, слово *кость* в творительном падеже единственного числа имело форму *костю* (или: *костью*), множественного числа — *костьми* (она до сих пор сохраняется в выражении *пасть костями*), а в двойственном числе форма творительного падежа была — *костьма*. В переводе на современный язык *костьма* — «двумя костями».

Мы взяли пример склонения имен существительных с основой на *ī (краткий звук *и*). Подобное склонение имело и существительное *вязь*. Таким образом, *Вязьма* — это значит «двумя вязями», «двумя петлями» (творительный падеж), где *ма* — не суффикс, а надежное окончание.

Следует особо подчеркнуть, что в основе наименования населенного пункта не был гидроним, так как словом *Вязьма* первоначально обозначалась не река, а то место, где она делала свои причудливые повороты (вязи) и где начинал образовываться город. Не исключено, что в самом начале это было название прибрежных участков для рыбной ловли, иначе говоря — микротопоним.

Возникновение города Вязьмы относят к X веку. В это время двойственное число в нашем языке было еще живой грамматической категорией. С XI века она стала постепенно разрушаться, но в книжном языке сохранялась в течение ряда последующих столетий. С учетом этого становится понятным, как могло получиться, что этимология слова *Вязьма* была ясна для отдельных книжников в XVI веке.

В первой четверти XVI века итальянец Кампензе написал письмо папе Клименту VII о делах Московии. Здесь вместо названия города Вязьма употреблено латинское слово *Versura*, которое обозначает «изворот орющих (т. е. пашущих. — *А. П.*) быков, поворот борозды назад» (Кроненберг И. Латинско-русский и русско-латинский лексикон., М., 1870), «закругление борозды при пахоте» (Дворецкий И. X. Латинско-русский словарь, М., 1976).

Сочинение Кампензе было издано у нас в прошлом веке (Библиотека иностранных писателей о России. Отд. I, Том I, СПб., 1836), и в этом издании приведено пояснение к названию *Versura* (*Viesma*, т. е. *Вязьма*) с указанием, что такое пояснение впервые было дано известным географом XVI века Рамузио.

Разумеется, связь названия *Вязьма* с понятием, обозначаемым в латинском языке словом *Versura*, была неутраченной лишь в сознании отдельных книжников Московской Руси, знакомых с топографией Вязьмы, которые, надо полагать, и объяснили иностранцам, откуда пошло непонятное для них русское название города.

Рисунок С. Гавриловой

Язык и образы фольклора

Бородино в народной поэзии

С. Н. Азбелев,
доктор филологических наук

течественной войне 1812 года посвящено много народных песен, отобразивших всю историю ее — от вторжения войск Наполеона в Россию до их изгнания. Как и в большинстве исторических песен, сохранившихся в записях нового времени, в песнях об Отечественной войне 1812 года сочетается конкретное изображение исторических фактов

с использованием более ранних песенных сюжетов, традиционных образов и стилистических приемов народной поэзии.

Особенность песен о войне 1812 года — довольно частое соединение в одном произведении воспоминаний о нескольких разделенных и по времени, и по месту действия исторических фактах. Песни создавались солдатами и казаками — участниками многих крупных сражений, происшедших за сравнительно короткое время; впечатления о них наслаивались, песенное творчество, видимо, не всегда «поспевало» за сменой особенно важных боевых эпизодов. Но Бородинское сражение, исключительное по своей исторической значимости, знаменательно и по его отражениям в народной поэзии; сохранилось несколько песен, посвященных только этому событию.

Собирателем казачьего фольклора А. А. Догадиным была записана песня, отобразившая довольно точно канун Бородинского боя. Начало ее выдержано в традиционной стилистике, идущей еще от средневековой Руси:

Не золотая, братцы, трубочка вострубливала,
Ай да не серебряна, братцы, сиповочка возыгрывала,
Ай да как возговорил, братцы, промоявил князь Кутузов-генерал:
«Ай да господа вы наши генералы со полковничками,
Ай да отдайте скорый приказ по всей армии зараз:

Чтобы были все наши военны во исправности своей —
 У пехоты ружья все в порядке, во замках кремни остры,
 У казаков кони доброезжи, призаседланные.
 К нам под утро хотел быть, ребята, со всей ратью Бонапарт.
 За Россию, за царя, за веру нужно гостеньку принять:
 Как на поле славном Бородинском поплотней дружка обнять!»

Некоторыми поэтическими оборотами народные песни о Бородинском сражении восходят к былинному эпосу, как, например, эта, записанная А. Д. Григорьевым на севере — в Архангельской губернии:

Тут спроговорил-спромолвил да князь Кутузов:
 «Ай вы вставайте ж, мои деточки, утром поранье,
 Вы умывайтесь, мои деточки, побелее,
 Вы идите, мои деточки, в чистое полё,
 Вы стреляйте же, мои деточки, не робейте,
 Вы своёго свинцу-пороху не жалейте,
 Вы своёго же французика побеждайте!»

Но описание Бородинского боя уже не может вестись в духе былин, повествовавших об одиночном подвиге богатыря. И в живой действительности, и в народной исторической песне Бородино — великая битва великих армий. О начале ее песня говорит с подлинно эпическим размахом, используя давнюю стилистическую традицию русского фольклора:

Как не две тученьки, не две грозные
 Вместе сохотилися —
 Как две силы-армеюшки
 Вместе соезжались...

Само решение М. И. Кутузова дать генеральное сражение армии Наполеона на позиции, выбранной русскими генералами у Бородино, состоялось за неделю до первого осеннего праздника по народному календарю — Семенова дня. Народная песня запомнила эту дату:

Господа ли генералушки
 Вместе сохотилися,
 Они думали крепку думушку
 Все заедино:
 «А когда же у нас, братцы, будет
 Бой-батальца?» —
 «На осенний первый праздничек, братцы,
 На Семенов день».

За несколько дней до него и произошло Бородинское сражение

Как Семенов день приходит, братцы,
 Как река бежит.
 Как ударили из пушек, братцы,
 Из винтовочек —

Покатились с могучих плеч
Головушки,
Полилася басурманская кровь
На все четыре стороны.

Конечно, от песни, записанной почти через сто лет (в 1903 году), нельзя требовать точности всех деталей: винтовок в 1812 году еще не было у войск, сошедшихся на Бородинском поле. Сама же образность в описании ожесточенного боя хранит многовековую традицию русской воинской песни. В средневековой рукописи, содержание которой посвящено Куликовской битве 1380 года, дошел до нас отрывок песни того времени:

Льется кровь богатырская
По седельцам покованым,
Сверкают сабли булатные
Около голов богатырских,
Катятся шелома злаченные
Добрым коням под копыта,
Валяются головы многих богатырей
С добрых коней о сыру землю.

Современники отмечали исключительную ожесточенность Куликовской битвы, огромные потери обеих сторон; в этом отношении имевшая эпохальное историческое значение победа над вторгшимся в русские пределы войском Мамая не уступала сражению на Бородинском поле с «великой» армией Наполеона. Именно в песнях об этом событии воскресли образы битвы на поле Куликовом. Бородинский бой, начавшийся рано утром, продолжался более четырнадцати часов:

Уж мы билися-рубилися
Близ четырнадцать часов.
Как во первом часу ночи
Сабли, ружья гремели,
Во втором часу ноченьки
С плеч головки летели,
Как во третьем часу ночи
Кроволитье протекло...

Бородинское сражение началось в шестом часу утра, а не в первом, по общую последовательность и исключительную ожесточенность боевых действий песни о нем передают верно: после весьма интенсивного пушечного и ружейного огня следовали одна за другой массовые атаки наполеоновских войск, которые русскими стойко отбивались. В ходе кровопролитных рукопашных схваток вражеские потери были громадны.

Генерал М. И. Платов в Бородинском сражении возглавлял казачьи полки, которые по приказу М. И. Кутузова нанесли удар по левому флангу наполеоновской армии, вызвав переполох и панику. В описании самого боя песни часто упоминают именно Платова.

Не пыль во поле пылит,
 Не дубравушка шумит —
 Француз с армией валит,
 Генералам говорит:
 «Я возьму вашу Москву,
 Я со ваших со церквей
 Кресты-главы пособую!»
 Уж как стал француз палить,
 Только дым-сажа валит:
 Во том ли во чаду
 Красна солнца не видать.
 Граф Платов-генерал
 Разъезжает на коне
 По крутой по горе.
 Подъезжает граф Платов
 Ко силушке своей
 Ко донским казакам...

Обобщая военные эпизоды Отечественной войны, песня заключает:

Граф Платов-генерал
 Усю силушку побил.
 Он которую побил,
 Которую потопил,
 Остальную его силушку
 Он в плен забрал...

Многие из песен о Платове начинаются с провозглашения славы народному герою:

Про Платова-казака
 Прошла слава хороша:
 За его храбры дела
 Будем помнить навсегда.

Одна из популярных в народе песен о Платове содержит образ, восходящий к песне предшествующего столетия и имеющий, вероятно, литературное происхождение: «Совьем Платову венец от своих чистых сердец, На головушку наденем, нову песню запоем...»

Иногда такой же поэтический прием использован для провозглашения славы М. И. Кутузову. Песня передает народный домысел о его встрече с хвастливым предводителем захватчиков. Она представляет в своей центральной части «диалог» Кутузова с противником, конь которого идет «по колено у крове», — видимо, пес-

ня имеет здесь в виду самого Наполеона:

С-под копыта руда (кровь.— С. А.) льет,
А ханцуз в Москву идет:
«А российского генерала
Во ногах его стопчу,

. . . . .
Каменну Москву возьму,
По соборам, по церквам
Лошадуншек заведу».

На это будто бы

...российский генерал
Кутузов ему сказал,
Он в ответ ему сказал:

. . . . .
«Не видать тебе, собаке,
Золотых наших крестов,
Позолоченных голов».

В конце песни — прославление Кутузова:

Ой российскому енералу
Мы совьем ему венец.

. . . . .
Мы совьем ему венец
От своих чистых сердец.
На головушку наденем,
Сами песни запоем.

Кутузов и Платов — главные герои исторических песен Отечественной войны 1812 года. Матвей Иванович Платов, по происхождению казак, сын войскового старшины, стал атаманом Донского войска в 1801 году, генералом — в 1809, а графский титул получил уже в 1812 году. Его отличали не только энергичное, умелое руководство боевыми действиями казаков, но и большая личная смелость, породившая весьма распространенные в народе песни с вымышленным сюжетом, восходящим к более ранним произведениям казачьего народного творчества (которые, в свою очередь, использовали повествовательные мотивы одной из популярных былии):

Святорусская земля,
Много славы про тебя,
Много славы про тебя,
Про Платова-казака.

. . . . .
Платов голову остриг
И бородушку обрил,
У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчину почитал...

. . . . .

В нову горницу вводил,
 За дубовый стол садил,
 За дубовый стол садил,
 Чаем, кофеем поил.

Оказывается, противник наслышан о Платове, но никогда не видел его:

«Всю ты правду скажи мне —
 Уж я всех же в Москве знаю
 Генералов и господ,
 Одного только не знаю
 Я Платова-казака.
 И кто бы, кто бы мне сказал,
 Тому б много злата дал.
 И в полон бы его взял
 И с живого кожу снял».

Платов отвечает врагу — как и былинный Илья Муромец, — что он похож на того, кого враг хотел бы видеть. В ответ на просьбу показать портрет Платова он бросает свой портрет на стол и быстро выходит:

На коня Платов садился, точно сокол взвился.
 Он со двора съезжал и с усмешечкой сказал:
 «Ты ворона, ты ворона, загуменная (ленивая.— С. А.) карга,
 Не сумела ты, ворона, ясна сокола держать,
 Ясного сокола, Платова-казака.
 Ты умей, ворона, по чисту полю летать,
 По чисту полю летать, с казаками воевать...»

Мера правдивости исторических песен Отечественной войны 1812 года отображает всю гамму соответствий фольклора и действительной истории: от «хроникальной», исторически точной при своем возникновении песни до баллады с целиком вымышленным сюжетом, однако исторически правдивой в отображении сложившегося в народной среде представления об историческом деятеле.

Ленинград

Рисунок В. Мирошник

Язык и образы фольклора

Генералы-сереброеды и Наполеон с выжигой

Т. Г. Дмитриева

Различные виды и жанры народного искусства каждый по-своему отразили Отечественную войну 1812 года в исторических песнях, сказках, преданиях, лубочных картинках. Часто между

ними можно обнаружить сходство, обусловленное особенностями народного художественного сознания. Такая связь есть и между «Сказкой о Наполеоне» и лубочными картинками, посвященными войне с французами.

«Сказка о Наполеоне» была впервые опубликована в Записках Русского географического общества по отделению этнографии (т. I, 1867), а затем перепечатана в сборнике «Великорусские сказки Пермской губернии», составленном Д. К. Зелениным (1914), а также в академическом сборнике «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века» (1961).

В сказке исторические личности — Александр I и Наполеон; по свидетельству записавшего ее Соловцова, крестьяне считали, что эта сказка «о причинах войны 1812 года». Она была записана в 1848 году, для ее создателей война с французами была событием недавнего исторического прошлого. Но отголоски реальных исторических событий отражены в ней в соответствии с законами фольклорного мышления, канонами жанра волшебной сказки.

Начало сказки тяготеет к легенде: «Французской восударь Палеон был сильной и могучой человек, завладевал многим государствам и, завидуя благочестивой жизни нашего батюшка восударя Олександры Павловича, задумал было идти и на его войной, но не смел напуститься просто,— первоначально пишет ему, батюшку, грамотку таковую...»

Далее в свои полные права вступает жанр волшебной сказки. Императоры обмениваются посланиями. В своей «грамотке» Наполеон предлагает царю прокормить в России двенадцать французских генералов: «Прокормишь ли ты их целой год из серебряной

посуды, чтобы самовар, чашки, ложки, ложечки и вилки, все чтобы у тебя было серебряное? Если прокормишь, дак я с тобой стану жить мирно и никогда с тобой не стану воевать, а ежели не прокормишь, то я ныне же на тебя пойду войной».

В соответствии с законами развития сказочного повествования далее следует сцена совещания: царь «назавтре» созвал «всех (в волшебной сказке всегда в таких ситуациях употребляется слово *всех*.— Т. Д.) своих главных сенаторов и енаралов». И все сообщая «решились» принять французских генералов: «Восударь своеоручно отписал Палеону такую же грамотку, повелел ему прислать енаралов на корм к его царской милости». Так в сказке в наивной образно-конкретной форме нашли отражение попытки русского государства путем мирных переговоров предотвратить назревавшую войну с наполеоновской Францией. «Издадили для них особенную фатеру, заблаговременно унесли (т. е. внесли.— Т. Д.) там серебряный самовар, серебряные чашки, ложки и вилки, да все, с чего они должны были ись и пить, все серебряное... Вот они пришли, фатера им шибко поглянулась, потому что баско было в ней улажено» (Рассказчик прибегает к характерному для сказочной речи повтору-перечислению: обязательно всякий раз поясняется, что значит «все серебряно»: ложки, вилки, чашки, самовар и пр.). «Самовар скипел;— вот они начали кушать чай, пили, пили, все из самовара выпили, самовар съпли и чашки съпли, а все было серебряное...» Здесь и обнаружился коварный умысел Наполеона: его генералы проглатывали каждый раз с едой и всю посуду, отчего их и прозывают *сереброедами*.

«Вот они живут день, другой и третий, неделю, две и три, месяц, два и три, наконец уж у нашего батюшка мало стало серебра, не из чего сделалось ладить посуду енаралам». Опять собирается совет «на согласье», как избежать полного опустошения: «Восударь и енаралы думали, думали, да и умом-то развели, а придумать ничего не могли: не знали, что делать с Палеоновыми обжорами...» (Обратим внимание на использование характерной глагольной триады: «думали, думали — придумать не могли», ср. также «пили, пили — выпили»). «Наконец придумали поставить на ростани в разные города столпы с таковыми надписаниями: „Не найдется ли какой-нибудь человек, который бы мог сделать над французскими генералами то, чтоб они не могли пожирать царское серебро, которого шибко мало”».

И такой человек находится, несмотря на исключительную трудность задачи, о чем в сказке обязательно упоминается в традиционных стилистических формах («кто бы ни ехал, кто бы ни шел... пособить этому горю никто не мог»). Им оказывается поп-расстри-

га. «Я в раз могу сделать над французскими енаралами то, что они всю посуду, которую приели у его величества, всю возвратят». Герой переодевается заморским королем и садится есть с генералами — и сам проглатывает их, как они проглатывали серебро: «Король... взял свою стальную вилку, цап Палеонова енарала в голову и проглотил, как кашу с маслом. Таким образом одиннадцать енаралов он съел при разных закусках, остался только один», «для языка Палеону».

Финальная сцена — типичное для волшебной сказки купание в котле, но не в котле с кипятком или молоком, для чудесного преобразования, а в котле со смолой. Такое купание становится в сказке знаком позорного клеймения: «Прикажите сделать,— требует герой,— 12 котлов чугунных и поставить на какую-нибудь площадь, налить в них смолы и подогреть маленько да купить 12 кулей перьев, подать 12 глухих кибиток с лошадьми и ямщиками» (данный прием можно назвать «числовым соответствием» — двенадцати генералам соответствуют двенадцать котлов).

«Восударь поехал и поп с последним енаралом. Приехали на площадь, народу было видимо-невидимо, тьма тьмусная. Все смотрят, что будет делать поп. Поп рыгнул и вырыгнул енарала: «Ну, енарал, умел ты у нашего батюшка Олександры Павловича ись серебряную посуду, давай же ее!» Вот енарал и начал рыгать; все, что съел, все вырыгал. «Все ли?» — спрашивает поп. — «Все, великий король такой-то», — отвечает енарал. «Скачи в смолу!» — приказывает поп. Енарал скочил. «Вылезай оттуда!» Енарал вылез. «Посадите его и немедленно отправьте к Палеону». Так поступил поп со всеми 12 енаралами. Посуду подбирать не могли, возами возили в казначейство государево. Енаралы в каком виде были отправлены из Питера к Палеону, в таком и явились ему».

При описании поведения героев сказочник применяет прием симметричного построения, выражающийся, например, в глагольных парах *поехали — приехали*, *скочил — вылез*, *были отправлены — явились*.

Можно предположить, что в рассматриваемой сказке двенадцать «палеоновых енаралов»-сереброедов выступают в качестве двенадцатиглавого змея-поглотителя. Она построена на многократно повторенной симметрии «поглощения» и «вырыгивания»: сереброеды поглощают серебро, а герой — их самих, затем герой вырыгивает сереброедов, а они, в свою очередь, серебро. В сказке о Наполеоне, видимо, проявляются отголоски древних представлений, сви-

занных с «обрядовым поглощением и выхаркиванием» (см.: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки). Исторгнутые генералы не с почетом, а с позором, в смоле и перьях, отправляются обратно к Наполеону.

Алчность наполеоновских генералов передается в сказке в наивно-конкретных и одновременно гротескных формах: они в прямом смысле «приели» все серебро в государстве. Но эта алчность французских «генералов» исторически достоверна. В первые же дни занятия французами Москвы в Успенском соборе Кремля были устроены плавильные горны, огромные весы, на которых взвешивали выплавленное золото и серебро.

Этому посвящена лубочная картинка «Наполеон занимается в Москве выжигою» (т. е. выплавкой чистого золота и серебра из награбленного). «На картинке, представляющей это „истинное происшествие“, Наполеон сидит за столом и взвешивает награбленные вещи; перед ним лежит бюллетень, в котором он извещает своих подданных, что участь России кончена. Удино, побежденный и раненный, стоит на деревяшке перед великим героем и, держа в руках женскую парчовую юбку, спрашивает: „Куда ее деть?“ — „Хороша для выжиги“, — отвечает Наполеон. Мюрат стоит у очага и держит на огне кастрюлю с выжигою; Ней подкладывает уголья, а Даву из разбросанных на полу церковной утвари и других вещей выбирает лучшее для Наполеонова музеума» (Ровинский Д. А. Русские народные картинки, т. V, СПб., 1893).

Как видно из этого описания, «генералы Палеона» и на этой лубочной картинке выступают в роли серебродедов, выжигающих серебро даже из женских юбок.

Фантастический и забавный сюжет «Сказки о Наполеоне» не противоречит ее историзму. В сущности, ее можно назвать исторической волшебной сказкой. Народ, сочинивший ее, конечно, не верил в реальное существование генералов-серебродедов — в таких случаях происходит добровольная игра в веру в вымысел, тем более что концовка сказки содержит исторически достоверные факты: «Ведь это, бачко, должно быть сусшая правда? Палеон-от ведь шибко наступал на нашего-та восударя и в белокаменную-то Москву уж, говорят, заходил».

«Сказка о Наполеоне» — это пример того, как фольклорное мышление народа способно интерпретировать исторический материал, создать оригинальную, но одновременно и глубоко традиционную сказку, своими мотивами перекликающуюся с лубочными картинками о наполеоновском нашествии.

Рисунок Ю. Панипартовой

Стилистика рассказа Ю. Тынянова „Дорохов“

А. И. Пауткин,
кандидат филологических наук

В годы Великой Отечественной войны советская литература часто обращалась к прошлому. Она создавала в разных жанрах художественную летопись военной истории России, звавшую к победе. Особенно созвучной по духу тогдашней повседневности стала героика Отечественной войны 1812 года. Воспоминание о ней породило целый круг произведений литературы и искусства, среди которых роман С. Голубова «Багратион», опера С. Прокофьева «Война и мир», фильм В. Петрова «Кутузов» и др. Первые выступления мастеров исторической прозы на эту тему были по-военному оперативны. В 1941 году В. Шишков издает очерк «Партизан Денис Давыдов», С. Сергеев-Ценский публикует новеллу «Гвардеец Коренной» — о герое Бородина и Лейпцигской «битвы народов», а Ю. Тынянов пишет рассказ «Дорохов» — о прославленном участнике боев с Наполеоном под Москвой.

Этот рассказ появился в журнале «Огонек» № 29 от 14 сентября 1941 года, с тех пор не перепечатывался и интересен как часть литературного наследия крупного писателя, остававшаяся в тени. Рассказ вызван к жизни конкретной исторической обстановкой, и воспринимать его ныне следует, конечно, с учетом обстоятельств того времени.

Даже в монтаже журнального разворота, где напечатан рассказ, характерно выразилась связь истории и жгучей современности. Слева, на соседней странице помещены два стихотворения Б. Пастернака — о воздушных налетах на Москву и защитниках московского неба. В тыняновский текст вверстан портрет генерала Дорохова. А внизу расположены снимки военной хроники: зенитчики охраняют подступы к Ленинграду и сбитый ими германский бомбардировщик Ю-88.

По жанру произведение Тынянова можно посчитать историческим очерком из-за строгой документальности и практически пол-

ного отсутствия вымысла. Но сюжетная выстроенность и стиль говорят в пользу новеллистической природы. Его можно назвать исторической миниатюрой по причине краткости: текст умещается на четырех неполных колонках набора. Сам же писатель дал произведению подзаголовок: «Случай из Отечественной войны 1812 года». Случай, поясняет В. Даль, — *быль, приключение, происшествие, притча*; то, что *сталось, случилось, сбылось*. Иначе говоря, Тынянов описывает конкретный эпизод военной истории.

Содержанием рассказа послужило самое звучное дело боевой биографии генерала Дорохова — освобождение им подмосковного города Вереи. Там наполеоновские войска, занявшие Москву, устроили укрепленный узел коммуникации и снабжения, который в интересах борьбы с захватчиками необходимо было уничтожить. Дорохов с отрядом, пройдя по тыловым дорогам, блестяще решил задачу, поставленную Кутузовым: он геройским штурмом взял город, пленил гарнизон, в котором было полторы сотни одних только офицеров, разрушил укрепления противника и сделал Верею опорой партизанских отрядов. Дорохов начинал службу еще при А. В. Суворове, доблестно сражавшись под Рымником и Фокшанами. В Отечественную войну 1812 года особо отличился при Бородине. Был ранен под Малоярославцем. Умер в 1815 году. Портрет генерала кисти Д. Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца (ныне Эрмитаж), в Ленинграде.

На первый взгляд может показаться, что рассказ слишком прост и в художественном отношении малозначителен. Ведь известно, что историческая проза Тынянова структурно сложна, подчас даже замысловата. Ее питают метафоричность, ассоциативный монтаж, периодическая смена ритмов, то замедляющая действие, то придающая ему стремительность, широкое введение слов, интонаций, мыслей персонажей в авторский контекст, искусно-достоверное окрашивание повествования в оттенки старицы и многое другое, что в совокупности образует индивидуальность тыняновского стиля. Здесь этой сложности нет. И дело не в одном лишь малом объеме сочинения, но в особой его предназначенности. Нарядная обычно проза Тынянова, тут, как бы отрешась от лишнего, оделась в неприхотливые полевые одежды фронта, главное в ней — целесообразность, ясность, доходчивость, обращенность к массовому, может быть, совсем не искушенному в литературных тонкостях читателю. Специфические стилевые приемы здесь тоже есть, но и они своей экономностью, неброскостью, прямой нацеленностью на идею подобны амуниции война.

Из них наиболее част и важен прием акцентирующего повтора, когда слово или оборот ради углубления смысла повторяется

раз за разом, как бы обыгрывается в тексте, едва ли не на грани однообразия. Но это, разумеется, не небрежность. Суть дела выявляется буквально с первых строк экспозиции рассказа:

«Верее, небольшой уездный город в ста семнадцати верстах от Москвы, занимали вестфальские немцы. И вестфальские немцы, которым была поручена французами Верее, сделали в Верее укрепление, которым гордились, как чудом военной работы».

С самого начала автору важно пояснить, что Дорохов со своим отрядом действовал против немцев из состава «двунадесяти языков» армии нашествия Бонапарта — немцев, которые пришли в Россию из наполеоновского Вестфальского королевства, затем исторически ставшего частью Пруссии, то есть они были по прямой линии предками оккупантов 1941 года. Обратим внимание, с какой настойчивостью (десятикратно) повторены далее в тексте небольшого рассказа слова *немцы, немецкий*:

«Городок стоял на крутой горе. Внизу протекала быстрая речка Протва. Немцы окружили город большим земляным валом и обнесли высоким и прочным палисадом. Сами немцы, кончив укрепление, были удивлены его прочностью. В Верее тотчас появились штаб и комендант. Немцы сделали все возможное, чтобы весть о Верее, о новом укреплении, разнеслась как можно шире и громче».

Таким образом читателю дано понять, что в памятном деле, о котором идет речь дальше, Дорохов победил именно немцев, а не французов, что немцев-захватчиков под Москвой, стало быть, прежде бивали, тому есть исторический пример, и он актуален. Ведь как раз в те дни сентября 1941 года, когда появился рассказ, бои с фашистскими оккупантами приближались к Москве и шли недалеко от Можайска, Малоярославца, Верей.

Приведенные отрывки позволяют заметить, что в основе стилевого строя произведения лежит рассказывание, подобное народно-поэтическому, сказочному, о том, что было и как было, с подробностями, но без прикрас, в неизменном прошедшем времени, шаг за шагом, от начала к концу. Фраза заметно тяготеет к пушкинской краткости, точности. Неудивительно, что Тынянов брал пушкинскую прозу за образец: тогда он весь был в думах о третьей книге романа «Пушкин», жил ею, сроднился с эпохой и творчеством Пушкина. Композиция, связанная с рассказыванием, воспроизводит последовательность событий. Центральным и главным ее звеном выступает характер героя и описание подвига.

По-своему ключевым становится при этом слово *точность*. Оно означает у Тынянова не просто безошибочность верно направленного действия, но поэтизирующее представление о лучших свойствах

вах души военного человека. Это слово возникает в тексте при первой, исходной характеристике персонажа:

«Дорохов был уже не молод: ему было 50 лет, — но его страстность к военному делу и его храбрость никому не давали права говорить, что он стар. Он был известен как верный товарищ, верный до горячности. Ничего не любил делать в одиночку. Из-за *точности* (здесь и далее курсив наш.— А. П.) и быстроты Дорохов был незаменим в деле, которое ему поручил Кутузов. Дело было вовсе не простое...»

Поведав о встрече Дорохова с четырьмя горожанами, которые взялись быть проводниками отряду, Тынянов рисует далее динамичную картину штурма Вереи. И тут слово *точность* соединяется со словом *стремительность* в ускоренном, прерывистом ритме рассказа:

«И ранним утром перед рассветом все четверо, продвигаясь бесшумно, повели отряд. Теперь было самое важное: ворваться с такой быстротой, чтобы неприятель не опомнился, не успел опомниться. Нужны были *стремительность* и *точность*. И здесь дело решили те четверо. *Стремительность* и *точность* есть у людей, которые ненавидят. Ненавидят спокойно. Удачу прыжка на валы нельзя было предвидеть: слишком было высоко и отвесно. Укрепления пемцев были строены, чтобы не было неожиданностей. Увидев этих четверых, Дорохов убедился: обида на врагов кровавая. Отсюда *точность*. Отсюда *стремительность*. Штурм должны были вести они. Они бросились на крепостной вал *стремительно*. За валом стали стрелять: стреляли из домов, из церкви. Часовые были взяты на штыки. Отстаивать Верею не пришлось: Дорохов был уже в городе».

Словесная находка, связанная с мыслью о воинской службе, долге, подвиге, не забылась: образ по-новому оживает в поэтичном эпизоде третьей книги романа «Пушкин», построенном на рефрене — «Зорю бьют». Последняя ночь в Лицее, и они покидают его навсегда. Накануне — сердечно-дружеская встреча с гусаром-философом Чаадаевым. В рассветный час из казарм доносится звук сигнального барабана — «тонкий, точный, чистый, голосистый». «Эта *точность*, голосистая и быстрая, снимала с него сон...

Зорю бьют.

Стремительно и точно (Тынянов Юрий. Пушкин. Л., 1976, с. 444; следующая ссылка на то же издание, страница — та же).

Элемент многослойной, развернутой метафоры, за которой — радостный зов жизни, ожидание любви и славы, а может быть, предчувствие потерь и гибели, первоначально был найден или опробован Тыняновым в рассказе «Дорохов».

Достойное место отведено документу даже в очень стесненных рамках исторической миниатюры. Иначе Тынянов и не был бы Тыняновым. Рассказ весь документален, но интересна стилеобразующая роль документа, который вносит в повествование крупницы убеждающей исторической подлинности. Они сосредоточены вокруг героя и во многом формируют образ. В одном случае это небольшая цитата из служебного отзыва, открывающая тыняновскую характеристику Дорохова: «Кутузов знал, что Дорохов „страстен к военному ремеслу“. Так о нем говорили и знали, что чем сложнее задача, тем страстнее он возьмется ее решить». Или допесенное Дорохова Кутузову — образец военной краткости в традициях суворовской школы: «По предписанию вашей светлости город Верея взят 27-го сего сентября в 5½ часов утра штурмом» (здесь в тексте публикации допущена неточность. В действительности Верея была взята 29 сентября 1812 года.— А. П.).

Но совершенно особая роль принадлежит предсмертному письму героя: оно — основа поэтического финала.

Под Малоярославцем был ранен Дорохов и, зная, что умрет, написал жителям Верей, с которыми был навеки связан, письмо дружеское и *точное*: „Если вы слышали о генерале Дорохове, который освободил ваш город от врага отечества нашего, почтенные соотчичи, я ожидаю от вас за это в воздаяние дать мне три аршина земли для вечного моего успокоения при той церкви, где я взял штурмом укрепление неприятеля, истребив его на голову. За это дети мои будут благодарны. Генерал Дорохов“. Такова была его *точность*, такова любовь. И письмо, написанное перед смертью, было полно этой любовью». Оно проходит у Тынянова в специальном обрамлении: дважды, до и после, возникает сказанное прежде ключевое слово *точность* — эмоциональный знак, символ достойного восхищения военного характера. На этот раз *точность* соотносена с любовью. Дорогой Тынянову образ. Сходное соотношение является в романе «Пушкин», в эпизоде расставания поэта с Царским Селом: «Его любовь была точна, как время, как военный шаг, марш».

Если вам доведется побывать в нынешней Верее, ваш взгляд со стороны Протвы не минует одной местной достопримечательности. На краю высокого и крутого откоса старинного крепостного холма, на который трудно взобраться, стоит памятник генералу Дорохову. Он изображен в момент штурма — с саблей в руке, призывно делающим шаг вперед и вверх. Стремительно и точно, как сказал Тынянов.

Рисунок В. Леонова

„Язык должен образоваться употреблением...“

О филологических наблюдениях П. А. Вяземского

В. М. Борисов,
кандидат филологических наук

Когда ныне говорят о Петре Андреевиче Вяземском (1792—1878), непременно упомянут, что он был другом Пушкина, поэтом, но не из крупных. О прозе Вяземского, о его критических работах вспоминают реже. Между тем А. С. Пушкин высоко ценил Вяземского-поэта, Вяземского-прозаика и критика. О недюжинном таланте, о неординарности, нестандартности мышления П. А. Вяземского свидетельствует такой пушкинский отклик: «Критические статьи кн. Вяземского носят на себе отпечаток ума топкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить» (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XI, М.—Л., 1949, с. 97).

Личность Вяземского-литератора, с детства влюбленного в мир слов и посвятившего филологическим разысканиям, как и поэзии, всю свою долгую жизнь, формировалась под благотворным влиянием Н. М. Карамзина, доводившегося ему родственником и ставшего впоследствии, когда Вяземский пятнадцати лет отроду остался круглым сиротой, его опекуном. Карамзин передал своему одаренному воспитаннику страстную привязанность к русской истории и русской словесности.

Еще в молодые годы Вяземский пристрастился к словотворчеству. Так, в одном из «Писем из Парижа», опубликованных в «Московском телеграфе» в 1826 году, он впервые употребил выражение «квасной патриотизм», которое, как и «квасной патриот», вскоре разошлось по всем российским журналам и прочно вошло в обиход, дожив до наших дней.

Литературные вкусы и пристрастия Вяземского, определившиеся его близостью к Карамзину, привели его к будущим арзамасцам — Жуковскому, Батюшкову, Александру Тургеневу, Денису Давыдову. Когда же в 1815 году в противовес консервативной шинковской «Беседе» возникло литературное общество «Арзамас», куда

вошел и юный Пушкин, Вяземский уже был заметной фигурой в борьбе «карамзинистов» с «шишковистами». И в теории, и в своей творческой практике арзамасцы выступали за новый литературный язык, «ратовали за развитие языка мыслей» (Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 140).

«Пусть целостность нашего языка, — писал Вяземский в 1825 году, — будет равно священна, как и неприкосновенность наших границ; но позво-

льте спросить: разве и завоевания наши почитать за нарушение этой драгоценной целостности? Не будем забывать, что язык политический, язык военный — скажу наотрез — язык мысли вообще, мало и немногими у нас обработан» (Московский телеграф, 1825, ч. 3, № 12, с. 354—355). Однако Вяземский был не только среди тех, кто расчищал пути развития русского литературного языка, он умел исторически верно оценить и опыт прошлого.

В этой связи интересны высказывания Вяземского о В. К. Тредиаковском (1703—1768). Современники Тредиаковского откровенно смеялись над ним — поэтом и филологом. На защиту несправедливо оцененного литератора пришлось выступить Пушкину. В 1834 году в незаконченной статье «Путешествие из Москвы в Петербург» он писал: «Тредиаковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков (...) В «Тилемахиде» находится много хороших стихов и счастливых оборотов (...)» (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XI, с. 254).

Но даже пушкинское «оправдание» Тредиаковского не изменило отношения к нему на протяжении десятилетий. Так, в 1878 году И. С. Тургенев писал: «Тредиаковский потому только был смешон, что стремился быть стихотворцем, не имея на то никакого призвания; а пойми он, в чем состояло дело, — при его познаниях и уме... он мог бы принести великую пользу» (Русские писатели о литературном труде. Сб. в четырех тт. Т. 2, Л., 1955, с. 764).

По мнению Тургенева, выходило, что «пользы великой» Третьяковский так и не принес. Иного взгляда на этот счет держался Вяземский, который задолго до 1855 года, — времени появления в печати пушкинской статьи «Путешествие из Москвы в Петербург», — отметил в своей «Старой записной книжке»: «А право, напрасно закидали у нас бедного Третьяковского такой грязью: его правила о стихосложении вовсе не дурны. Его мысль, что наш язык должен образоваться употреблением, (<...>) очень справедлива. Он чувствовал, что письменный язык один есть мертвый» (Вяземский П. А. Записные книжки. 1813—1848. М., 1963, с. 200—201). Побутно сообщим, что фрагменты из «Старой записной книжки» до того, как ей быть включенной в состав Полного собрания сочинений П. А. Вяземского в 12 томах (СПб., 1878—1896), печатались в русской периодике, а приведенное нами высказывание — надо подчеркнуть! — первое без оговорок похвальное слово В. К. Третьяковскому.

Словотворчество Вяземского оставило след в русском языке. Но не только «квасной патриотизм» в арсенале этого плодовитого литератора, для стиля которого была характерна не всегда «гладкая», но всегда неожиданная словесная игра. Образованные, «придуманные» им слова он иногда выделял шрифтом. Следует признать, что большинство неологизмов Вяземского оказались недолговечными. Однако некоторые из них, перестав быть фактом индивидуального употребления, пусть ненадолго, но входили в состав литературного языка. *Сердечкин* — одно из таких слов. Вяземский использовал его в смысле «влюбчивый человек», например, в таких контекстах: «В молодости он был большой сердечкин и волокита». Это о Л. К. Разумовском, а вот о И. М. Долгорукове: «Он влюбчивый поэт. Он поэт-сердечкин, но не вроде князя Шаликова» (Вяземский П. А. Старая записная книжка. Л., 1929, с. 229, 279).

Слово *сердечкин* вслед за Вяземским в середине прошлого века использовали и другие русские писатели. А потом оно вышло из употребления. Почему? Вяземский искал ответ на такого рода вопросы, глубоко интересуясь историей слов и словоупотреблений. Например, цитируя Карамзина: «Кто, будучи в Женеvской республике, не почитет за приятную должность быть в Фернее, где жил славнейший из писателей нашего века?», Вяземский отметил: «В этих словах Русского Путешественника поразило меня слово *должность*. Теперь сказали бы *долг* или *обязанность*. Конечно, лестно самолюбию каждого писателя отыскать неправильное выражение в Карамзине, как всякому астроному отыскать пятнышко на солнце... Но полно, пятнышко ли это? С Карамзиным надобно быть осторожным, он слова употреблял не наугад» (Вяземский П. А.

Полн. собр. соч. в 12 тт. Т. 7. СПб., 1882, с. 52; в дальнейшем ссылки на это издание даются лишь с указанием тома и стр.).

Вдумчивое отношение к языку характерно для Вяземского особенно в тех случаях, когда он пробует слова «на вкус»: то старое слово применит в новом значении, то как бы примеряется к новому, возможно, только что пришедшему на ум. Например, словарь Даля отмечает: *холостой* — мужчина, заряд, выстрел и т. д. У Вяземского же образуется сочетание «холостая битва» (т. 8, с. 285) в значении «бескровная». А рядом, на предыдущей странице, Вяземский употребил слово *нейтральный*, не отмеченное тогда в словарях, а ныне — в измененном виде — такое обычное: «Он (А. И. Тургенев.— В. Б.) Москву любил: она была для него, так сказать, нейтральным местом. Петербург мог напоминать ему и прежние успехи его, и последовавшие за ними недочеты и неприятности; в гостеприимной и неучаствовавшей во всем этом Москве было ему льготнее». О новизне употребления слова *нейтральный* говорит и *у* вместо *й* (виден иностранный источник), и модальность (*как сказать*).

А вот еще новация: «лгать как зубодерг» (т. 8, с. 448). Автор указывает французский источник выражения: *mentir comme un attacheur de dents*. Возникает вопрос: не одним ли из первых сказал так Вяземский, поскольку В. И. Даль зафиксировал четыре синонима (*зубодер, зубодерга, зуборвач, зуболом*), что говорит о еще неустоявшемся словоупотреблении?.. Вот еще любопытное замечание из дневниковых записей: «И. И. Дмитриев бранит меня за выражение *казенный*. Чувствую и сам, что оно не авторское. Но как же выразить *d'office, de rigueur obligé?*» (т. 9, с. 76). И действительно, перевод с французского нам дает: *официальный, безусловно обязательный*.

Приведенные примеры говорят о том, что Вяземский занимался калькированием удачных оборотов с французского, однако он не был записным галломаном, а это, безусловно, ценилось в пушкинской среде.

Вяземский как истинный поэт не мог не мыслить филологически. Однако, в отличие от многих других настоящих поэтов, он был наделен и даром ученого, который, отметив что-то интересное в языке, переносил свои наблюдения на бумагу — с благой целью содействия развитию, совершенствованию родной речи.

В следующем соображении Вяземского курсивом выделены два первых слова: «*Бездарность, талантливый* — новые площадные выражения в нашем литературном языке. Дмитриев правду говорил, что наши новые писатели учатся языку у лабазников» (т. 9, с. 196). В другом месте — о том же, но и выражая попутно психологиче-

ски любопытное наблюдение над языком писателей: «Немного парадоксируя, Пушкин говаривал, что русскому языку следует учиться у просвирен и у лабазников; но, кажется, сам он мало прислушивался к ним и в речи своей редко простонародничал. Странное дело, и нельзя кстати не заметить: рождением простолюдин и холомогорец Ломоносов, едва ли из наших писателей не наименее русский в том значении, которое присваиваем определению нашему. Даже Сумароков (...) более глядит русским, нежели Ломоносов...» (Вяземский П. А. Старая записная книжка, с. 279). В этом высказывании очевидна приверженность Вяземского к стану тех литераторов, которые считали, что «язык должен образоваться употреблением» в быту.

Стремление растолковать слово, связать его возникновение с определенным моментом в жизни общества видно из таких замечаний Вяземского. Назвав опального уже М. М. Сперанского *нововодителем* (*новатором*), Вяземский поясняет: «прокладыватель новых путей, зачинщик новых порядков», то есть автор не уверен, что читатели поймут слово *нововодитель*, как и слово *трафарельщик* в смысле *подражатель*. Или такое замечание Вяземского: Шишков говорил, «что слово республика не что иное, как режь публику» (там же, с. 141, 142, 104).

А вот драматичная, по сути, исторически документальная сцена, зафиксированная пером внимательного филолога: «Во время государевой (Павла I) поездки в Казань Нелединский, бывший при нем статс-секретарем, сидел однажды в коляске его. Проезжая через какие-то обширные леса, Нелединский сказал государю: «Вот первые представители лесов, которые далеко простираются за Урал». — «Очень поэтически сказано, — возразил с гневом государь, — но совершенно неуместно: изволька сейчас выйти воп из коляски». Объясняется это тем, — замечает Вяземский, — что было сказано во время французской революции, а слово представитель, как и круглые шляпы, были в загоде у императора» (там же, с. 79).

Лингвистические разыскания, «игра в слова» доставляли Вяземскому-филологу не только истинное наслаждение, но и приносили ему подчас удовлетворение, поскольку, как, видимо, успел убедиться читатель, это не была самоцель, поиск ради поиска. Вот одно из его кратких, как бы вскользь высказанных соображений: «Глотка греческое слово, по-французски *glotte*. В Академическом Русском словаре не обращено внимания на греческое происхождение некоторых наших слов, а если и бывают ссылки, то на латинские слова» (т. 9, с. 222). Или такое «ненаучное», на наш сегодняшний взгляд, наблюдение, но показывающее филологические инте-

ресы круга лиц, в котором вращался Вяземский: «Говорили однажды о звукоподражательности, о собрании некоторых слов на разных языках, так что и не знающему языка можно угадать приблизительно, по слуху, к какой категории то или другое слово должно принадлежать. В Москве приезжий иностранец принимал участие в этом разговоре. Для пробы его спросили: «Что, по-вашему, должны выражать слова: *любовь, дружба, друг?*» — «Вероятно, что-нибудь жесткое, суровое, может быть и бранное», — отвечал он. — «А слово *телятина?*» — «О, нет сомнения, это слово ласковое, нежное, обращенное к женщине» (Вяземский П. А. Старая записная книжка, с. 193).

Заслуживают внимания теоретические размышления Вяземского о языке. «У нас прежде говорилось, — писал он, — *воевать неприятеля, воевать землю, воевать город*; воевать кого, а не с кем. Принятое ныне нами выражение двоемсленно. Воевать с пруссаками может значить вести войну против них и с ними заодно против другого народа. Желательно было бы, чтобы изгнанное выражение получило снова право гражданства на нашем языке. Сколько еще подобных выражений, слов значительных, живописных, оторванных от нашего языка не прихотливым, своенравным употреблением, но просто слепым невежеством. Мы не знаем своего языка, пишем наобум и не можем опереться ни на какие столбы. Наш язык не приведен в систему, руды его не открыты, дорога к ним не прочищена» (т. 9, с. 8).

Раздумья Вяземского о недопустимой в ряде случаев «двоемсленности» слов и выражений, о том, что слова в идеале должны быть «живописны» и «приведены в систему», конечно же, естественны для поэта, который больше, чем кто-то другой, понимал: и золотая мысль не блестит, если ее в серебро слов не оправить. Такого богатого свойства слиянности формы и смысла еще не ощущал в русском языке своего времени беспокойный поэт и филолог Вяземский. И он выработывал — в себе, прежде всего — языковое чутье, которого нельзя достичь без участливого, любовного отношения к родной речи. Ведь отличительная особенность истины и в том, что ее можно выразить лишь точными, яркими словами, которые пока еще в языковых «рудах», дорогу к которым надо «прощипать».

Вяземский забегал мыслью и в далекое будущее: «Не дай бог, чтобы все словесности имели один язык, одно выражение: оно будет тогда вернейшим свидетельством, что посредственность стерла все отличительные черты» (там же, с. 28).

Приведем свидетельство интереса Вяземского к песням, бытовавшим в городской среде, и высказанного им сожаления, что они

не вызывают спроса у издателей: «Немцы и французы имеют целую литературу застольных песен. А мы, охотно поющие (...), ничего такого не имеем. В старых московских бумагах отыскалась подобная (...) застольная песня, которую сюда и заносим:

(...) А вот и наш Американец!
 В день славный, под Бородиным,
 Ты храбро нес солдатский ранец
 И щеголял штыком своим.
 На память дня того Георгий
 Украсил боевую грудь:
 Среди наших мирных братских оргий
 Вторым ты по Денисе будь!»

В приведенном отрывке из «Старой записной книжки» на стр. 290 Вяземский, участник Бородинского сражения, говорит о Ф. И. Толстом-«Американце» (так графа называли в кругу друзей после его краткого пребывания в Северной Америке) и о поэте-партизане Д. В. Давыдове.

«Мне часто приходило на ум, — продолжает Вяземский, — написать свою *Россиаду*, не героическую, не в подрыв херасковской, не «попранну власть татар и гордость низложенну» (боже упаси!), а *Россиаду* домашнюю, обиходную, сборник, энциклопедический словарь всех возможных *руссицизмов*, не только словесных, но и умственных и нравных, то есть относящихся к нравам; одним словом, собрать, по возможности, все, что удобно производит исключительно русская почва, как была она подготовлена и разработана временем, историею, обычаями, поверьями и нравами исключительно русскими. В этот сборник вошли бы все поговорки, пословицы, туземные черты, анекдоты, изречения (...) Тут так бы Русью и пахло (...) Много нашлось бы материалов для подобной кормчей книги, для подобного зеркала, в котором отразился бы русский склад, русская жизнь до хряца, до подноготной. А у нас нет пока порядочного словаря (...)» (там же, с. 198—199).

Конечно, Петр Андреевич Вяземский в своих высказываниях по истории и филологии мыслил кое в чем неисторически, не всегда профессионально, но тем более ценно, что некоторые его мысли целиком совпадают с нашими, нынешними, зовут к действию, как, например, следующая: «Во многих ли семействах сохранились семейные портреты, переписки (...) ? Меня уверяли, что недавно, когда, для совершения какого-то акта, потребны были бумаги князя Смоленского-Голенищева-Кутузова, нигде не могли найти послужного списка его. Мы скоро живем, и наши доисторические эпохи, как изволите видеть, довольно свежи. Авось новое поколение наше будет бережнее и домостроительнее...» (т. 7, с. 53—54).

О речевой структуре романа А. Фадеева „Разгром“

Е. М. Виноградова

Будущий писатель Александр Фадеев (1901—1956) с юношеских лет был втянут в водоворот классовой борьбы. Формирование его личности проходило в большевистском подполье, в партизанских отрядах, сражавшихся в Сибири и на Дальнем Востоке против колачакских банд, с войсками японских оккупантов. Суровая и прекрасная школа жизни, пройденная молодым коммунистом в эти сложнейшие для Советской республики годы, определила весь характер его творчества. Позднее он писал об этом так: «Я прежде стал революционером, чем писателем, и когда взялся за перо, был уже сформировавшимся большевиком. Несомненно, от этого и мое творчество стало революционным» (Фадеев А. А. Собр. соч. в семи тт. Т. 5. М., 1969, с. 150. В дальнейшем цитаты даются по первому тому этого издания).

Политик и художник... Эти два понятия всегда были неразсторжимы для Александра Фадеева. В 20-е годы, когда вопросы воспитания и становления свободной социалистической личности находились в центре внимания молодой советской литературы, появлялся его роман «Разгром» (1927). В нем писатель в числе первых обратился к художественному исследованию путей формирования нового общественного сознания, к изображению внутреннего мира героя, неизвестного ранее русской и мировой литературе.

Многие исследователи творчества Фадеева писали о новаторских приемах, о писательском мастерстве и выскательности, о психологическом богатстве этого романа, однако их выводы не получили достаточного подтверждения в анализе его языка. О языке «Разгрома» написано немного. Наиболее подробно этот

аспект рассмотрен в книге А. Бушмина «Александр Фадеев. Черты творческой индивидуальности» (Л., 1983). Представляется интересным обратиться к анализу речевой структуры романа, поскольку это поможет объяснить, каким образом писателю удалось создать произведение со столь сложной, неоднородной психологической организацией.

Обращает на себя внимание уже то, что в романе о событиях гражданской войны описанию самих событий, военных действий уделяется значительно меньше места, чем рассказу о людях. В общем, как подчеркивает А. Бушмин, для автора «Разгрома» главное — «изображение человеческих характеров», история «человеческих переживаний» (Бушмин А. С. Александр Фадеев. Черты творческой индивидуальности, с. 38). О всем происходящем в жизни партизанского отряда повествователь сообщает очень кратко, сжато, почти безоценочно:

«Ранним утром Левинсона отрезали от гор, и после двухчасового боя, потеряв до тридцати человек, он прорвался в долину Прохедзы. Колчаковская конница преследовала его по пятам, он побросал всех вьючных лошадей и только в полдень попал на знакомую тропу, к госпиталю».

Цель автора — отразить не столько развитие событий, сколько столкновение связанных одним временем и пространством разных социальных и индивидуальных психологий, мировоззрений, судеб. Этим объясняется простота пространственной и временной организации романа. Хронологический принцип нарушается лишь при показе сознания героя, в воспоминаниях — притом редко. Из всех событий автор выбирает наиболее значительные для судеб героев и их-то описывает подробно, с близкого расстояния.

При наличии детальной внешней и внутренней характеристики персонажей повествователь в романе характерологически не выделяет, что даст ему статус «объективного». В эпизодах, которые описаны подробно, он по-прежнему стилистически не маркирован, социально и психологически не обозначен, но количество оценочных средств в его речи возрастает, хотя очень редко встречаются прямые оценки.

В основном же события в романе изображаются — полностью или частично — с точки зрения персонажей. Так, автор описывает три сражения партизан Левинсона: разгром отряда Шалдыбы — глазами Морозки, сражение с японцами на дороге из Соломенной — глазами Мечика и сражение с казаками после гибели Метелицы — глазами Левинсона и Мечика. В результате показанные в романе военные действия представлены читателю не сами по себе, а как факт биографии кого-либо из героев.

Повествователь тем не менее не становится «безразличным», не выносящим суждений. Особенно заметно это в главе, описывающей разведку Метелицы, в главе, посвященной Левинсону, и там, где изображается уход Мечика из отряда: здесь уже выносятся прямые оценки.

Стремясь наделить и героев «собственными голосами», Фадеев, помимо постоянных указаний на характер речи (о чем разговор впереди), использует речевую индивидуализацию: речь Мечика, Морозки, «сладкоголосого» Чижа, Левинсона, Вари, Дубова, Гончаренко, даже эпизодических персонажей имеет свои особенности. Вот, например, речь мальчика-пастушка: «— Может, ты ишь хочешь? — спросил он.— У меня и хлеб е, ну — мало...»

Характерологическими задачами вызвано большое количество просторечных слов в романе, включение диалектизмов. В связи с этим следует вспомнить ответ Фадеева на замечание М. Д. Соколова, первого редактора романа, о грубых, натуралистических выражениях в первой редакции: «А чего тут особенного? В жизни ведь говорят так... Ничего, ничего, так было...» (Доп, 1962, № 1, с. 174).

Стремясь к психологической достоверности, автор в ряде случаев изображает и способ, форму речи. Пример внутренней речи безмерно уставшего Левинсона, несущего груз ответственности за отряд: «„Зачем эта длинная, бесконечная дорога, и эта мокрая листва, и небо, такое мертвое и ненужное мне теперь?.. Что я обязан теперь делать?.. Да, я обязан выйти в Тудо-Вакскую долину... Вак...скую долину... как это странно — вак...скую долину... Но как я устал, как мне хочется спать! Что могут еще хотеть от меня эти люди, когда мне так хочется спать?.. Он говорит — дозор... Да, да, и дозор... у него такая круглая и добрая голова, как у моего сына, и, конечно, нужно послать дозор, а уж потом спать... спать... и даже не такая, как у моего сына, а... что?..“

— Что ты сказал? — спросил он вдруг, подняв голову.

Рядом с ним ехал Бакланов.

— Я говорю, надо бы дозор послать».

Автор рисует портреты своих героев не только с позиции повествователя, но и через видение других персонажей. Так, наиболее существенную деталь портрета Левинсона читатель впервые видит глазами Морозки: «Надоели скучные казенные разъезды, никому не нужные пакеты, а больше всего — нездешние глаза Левинсона...» Его же глазами увиден впервые и Мечик: «Лицо у парня было бледное, безусое, чистенькое, хотя и вымазанное в крови».

Не только внешность персонажей воспринимает читатель с точки зрения кого-то из героев. Оценки, характеристики тоже часто даются от их имени. Первая оценка Мечичу дана Морозкой:

«Сказать правду, спасенный не понравился Морозке с первого взгляда.

Морозка не любил чистеньких людей. В его жизненной практике это были непостоянные, никчемные люди, которым нельзя верить. Кроме того, раненый с первых же шагов проявил себя не очень мужественным человеком.

— Желторотый... — насмешливо процедил ординарец, когда бесчувственного парнишку уложили на койку в избе у Рябца».

К этой оценке пока не присоединяется Левинсон. Он высказывает суждение о Мечике после беседы с ним: «Экий непроходимый путаник», «такой никчемный пустоцвет». Не объективирует пока и повествователь оценку, данную Морозкой: в авторской речи по отношению к Мечику употреблено слово *парнишка*, выражающее, скорее, положительную оценку.

Автор, доверяя герою оценочную функцию, не делает его абсолютно авторитетным судьей. Несколько раз он сталкивает перед читателем мнения героев об одном и том же лице, событии. Если у Морозки внешность Мечика вызывает неприятие, то для Вари он «красивый, стройный, белокурый, немного робеющий», — как раз те качества, которые вызывают симпатию (по контрасту с теми людьми, к которым она привыкла). А вот как воспринимают одного и того же человека Метелица и Левинсон:

«Лицом к Метелице сидел красивый, полный, ленивый и, как видно, добродушный офицер с трубкой в зубах...»;

«— Вот зверь, должно быть, — подумал Левинсон, задерживаясь на нем взглядом и невольно приписывая этому красивому офицеру все те ужасные качества, которые обычно приписываются врагу».

Тем самым, с одной стороны, Фадеев нарушает оценочную одноплановость, а с другой — дает возможность читателю получить контрастную характеристику персонажа.

Одним из средств «объективизации» точки зрения героя является также использование несобственно-прямой речи. Пример тому читатель встречает уже в первой главе, где Левинсон предстает в характеристике Морозки: «...нездешние глаза Левинсона; глубокие и большие, как озера, они вбирали Морозку вместе с сапогами и видели в нем многое такое, что, может быть, и самому Морозке неизвестно» (здесь суждение повествователя, сливаясь с точкой зрения героя, становится конкретной, получает оправданность, а оценка героя, в свою очередь, объективируется). Кстати, на фоне такой объективированной характеристики Левинсона высказывание Морозки о нем: «Жулик» — может восприниматься лишь как частное

суждение — тем более, что оценка эта представлена в прямой речи, чем подчеркивается ее субъективность.

Но обращение к несобственно-прямой речи приводит подчас, как отмечают исследователи Л. Киселева и А. Бушмин, к стилистическим сбоям: герою приписываются несвойственные ему мысли (размышления Морозки в восьмой главе о своем месте в революционных событиях).

Другой способ придания авторитетности суждению персонажа — это повторение высказанного им мнения в речи других персонажей или повествователя. Так, портретная деталь «нездешние глаза» Левинсона, «глубокие, как омуты», увидела не только Морозкой, но и Мечиком, и повествователем. Несколько раз упоминаются «большие узловатые руки» Гончаренко, «дымчатые глаза» Вари.

Но автор может подчеркнуть и неавторитетность, субъективность оценки героя:

— оформив суждение как прямую речь: точка зрения героя видимо отделяется от точки зрения объективного повествователя;

— противопоставив суждению одного из персонажей суждение другого, более авторитетное (разная оценка Мечиком и Левинсоном партизан отряда; разные мнения о Морозке, высказанные на «суде» Дубовым, Гончаренко, Рябцом и другими мужиками);

— заставив читателя сопоставить содержание и форму речи персонажа («— Михрютка-а... сукин сы-ын... заждался?...— ласково ворчал ординарец»; «— Мне и отсюда видать...— глухо сказал Морозка»).

Следует заметить, что Фадеев лишь в очень редких случаях, включая прямую речь, не ставит рядом с глаголом «говорения» поясняющего его слова (чаще наречия) или не использует глагол, не только указывающий на процесс речи, но и характеризующий ее. Уже в первой главе встречаем: «сказал он с убийственным спокойствием», «рассердился Левинсон», «спросил Левинсон едко», «сказал Морозка угрюмо», «пробурчал подрывник», «любовно ворчал Морозка» и т. д.

Автор постоянно прибегает к характерологическому рассказыванию о речи персонажа, иногда даже развернутому:

о Морозке — «в смехе его — даже теперь, когда он говорил о жене, — скользили ввевшиеся с годами, как плесень, похабные потки»;

о Чиже — «Мечик у не верилось, чтобы Левинсон был действительно таков, каким изображал его Чиж, но слушать было интересно: он давно не слышал такой грамотной речи, и ему хотелось почему-то, чтобы в ней была доля правды»; «голос его утратил

обычные сладковатые потки, и в нем звучало теперь сознание своего превосходства».

Подобные суждения мы встречаем о речи Левинсона, Дубова, Бакланова, Гончаренко, Пики.

Так в романе создается специфическая речевая структура, в которой доминирующая позиция принадлежит «объективному» повествователю, но которая включает и суждения других персонажей, наделяемые авторитетностью или лишаемые ее. Эти суждения, в свою очередь, также имеют иерархию: наиболее авторитетной и наиболее часто совпадающей с точкой зрения повествователя, включаемой в несобственно-прямую речь является точка зрения Левинсона; наименее авторитетны высказывания Мечика, Чижа, Пики. Повествователь не берет на себя функции единственного судьи в романе, разделяя эту роль с персонажами, но и по скрывается за их оценочной позицией, характеризуя как события, так и речь персонажей. В результате возникает авторитетная, но не однозначная, не одномерная, а диалектическая оценка. И в этом проявляется глубинное родство стилевых манер Фадеева и Л. Н. Толстого (а не только на уровне строения фразы, как это неоднократно отмечалось, в том числе самим автором «Разгрома»).

В романе представлено сложное взаимодействие оценочных планов. Позиции повествователя и персонажей могут незаметно сливаться: «Когда (Мечик) проснулся вторично, был уже день. В дымящихся лапах кедровника таяло пыльное и ленивое солнце. Мечик лежал на койке, в тени. Справа стоял сухой, высокий, негнущийся мужчина в сером больничном халате, а слева, опрокинув через плечо тяжелые золотисто-русые косы, склонилась над койкой спокойная и мягкая женская фигура».

Но точки зрения повествователя и персонажа могут быть принципиально противопоставлены: «Что я — мальчишка, что ли? — думал Мечик, не слушая взводного.— Нет, я пойду и скажу Левинсону, что я не желаю ездить на такой лошади... Я вовсе не обязан страдать за других (ему приятно было думать, будто он стал жертвой за кого-то другого)». «И мучился он (Мечик) не столько потому, что из-за этого его поступка погибли десятки доверившихся ему людей, сколько потому, что несмылаемо-грязное, отвратительное пятно этого поступка противоречило всему тому хорошему и чистому, что он находил в себе».

Эти наблюдения над организацией речевой структуры романа А. Фадеева «Разгром» позволяют, как нам кажется, более точно определить место этого произведения в стилевых поисках 20-х годов.

Своеобразие повтора в поэзии М. Цветаевой

С. И. Львова,
кандидат педагогических наук

В поэзии Марины Цветаевой стилистический прием словообразовательного повтора используется весьма щедро и многогранно. Благодаря ему достигается предельная эмоциональная насыщенность, языковая раскованность и свобода, реализуется стремление автора к исчерпывающим характеристикам, емким образам.

Уже в ранних произведениях М. Цветаевой словообразовательный повтор употребляется как дополнительное эмоциональное средство, усиливающее общее настроение стихотворения. Так, группировка глаголов с приставкой *от-* в значении «завершения, полного прекращения, исчерпанности действия» нагнетает напряженное и драматичное звучание стихотворения, написанного в апреле 1916 года, усиливая впечатление безысходности жизни:

Настанет день,— печальный, говорят! —
Отцарствуют, отплачут, отгорят,—
Остужены чужими пятаками,—
Мои глаза, подвижные, как пламя.

Стихи о Москве (4)

В стихотворении «Золото моих волос...» жизнеутверждающее начало, оптимистический смысл подчеркиваются глаголами *слилось* и *спелось*, одновременное использование которых заставляет обратить внимание на ту общность в значении этих слов, которую вносит прежде всего словообразовательное значение приставки *с-* («соединение, объединение, сцепление, скрепление с помощью указанного действия»):

Золото моих волос
Тихо переходит в седость.
— Не жалейте! все сбылось,
Все в груди слилось и спелось.
Спелось — как вся даль слилась
В стонущей трубе крайны.
Господи! Душа сбылась:
Умысел мой самый тайный.

Духовная устремленность, внутренняя стойкость, страстность — черты, свойственные творческой манере М. Цветаевой. И эти качества ее поэзии определяют выбор изобразительных языковых средств. В частности, — словообразовательный повтор, придающий стиху необходимую смысловую цельность, ритмическую упругость и динамичность. Неслучайно М. Цветаева отождествляет поэтическое творчество с неиссякаемой энергией жизни:

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет — мелкой,
Миска — плоской.

Через край — и мимо —
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

«Вскрыла жилы: неостановимо...»

Объединяющим началом в стихотворении, его смысловым стержнем являются слова с приставкой *не-*, значение которой в языке весьма однозначно и очень выразительно. В словах, ее содержащих, утверждается какое-то качество, признак, но осуществляется это через указание на противоположные (антонимические) свойства и в определенной мере через отрицание этих свойств (*удобно — неудобно, легко — нелегко*). Вот почему приставка *не-* способна придать описанию более резкие и контрастные тона, усилить напряженность и эмоциональность стиха.

Словообразовательный повтор в поэзии М. Цветаевой нередко сочетается с различными видами языковой анафоры, с разнообразными синтаксическими параллелизмами, когда намеренно повторяются определенные грамматические конструкции и другие элементы речи. Сочетание лексического, синтаксического и словообразовательного повтора в пределах одного текста увеличивает смысловую нагрузку слова, предельно концентрирует мысль, с большей силой и обнаженностью раскрывая ее логику и образные ассоциации:

Око зрит — невидимейшую даль,
Сердце зрит — невидимейшую связь...
Ухо пьет — неслыханнейшую молвь...
Над разбитым Игорем плачет Див.
На заре...

Стремление разобраться в тончайших движениях собственной души и точно выразить их свойственно многим стихам поэтессы. В одном из них рефреном звучит словесный оборот, эмоциональным и смысловым ядром в котором является глагол с приставкой *о-*

и постфиксом *-сь*, передающими общее значение «распространять действие вокруг себя»:

Дабы ты меня не видел —
 В жизнь — пронзительной, незримой
 Изгородью окружусь.
 Жимолостью опояшусь,
 Изморозью опушусь.
 Дабы ты меня не слушал
 В почь — в премудрости старушней:
 Скрытничестве — укреплюсь.
 Шорохами опояшусь,
 Шелестами опушусь.

Земные приметы (6)

Музыкальность и мягкий ритм создаются в этом произведении не только особыми фонетическими средствами (текст наполнен «шуршащим» и «убаюкивающим» глухим согласным [ш], прикрытым лабиализованным звуком [у]), но и своеобразной синтаксической и словообразовательной организацией стиха.

М. Цветаева «обладает уникальным слухом, чутьем языковой стихии и любовью к ней, выразительнице и воплощеннице стихии смысловой», — писала внимательная исследовательница ее творчества И. Кудрова (Звезда, 1982, № 10, с. 178). И действительно, насыщение текста произведения сильными выразительными языковыми средствами, в частности, различными видами повтора, у М. Цветаевой максимально подчинено наиболее точному отражению душевного состояния лирического героя.

Нередко в стихах М. Цветаевой определенная словообразовательная модель, наполняясь в тексте различным лексическим материалом и повторяясь почти в каждой строчке стихотворения, служит как бы ключом к смыслу произведения, позволяет экономно выразить идею, представить цельный и художественно емкий образ. Глубина поэтической характеристики достигается тем, что внимание читателя фиксируется на структурно-семантической общности слов, заставляет искать в них особый смысл.

В стихотворении «Так вслушиваются в исток...» имеется семантически многомерный ряд новообразований, соответствующих распространенной в языке модели глаголов типа *всматриваться, вглядываться, вслушиваться*:

Так вслушиваются (в исток
 Вслушивается — устье).
 Так вшухиваются в цветок:
 Вглубь — до потери чувства!
 Так в воздухе, который синь,—
 Жажда, которой дна нет.

Так дети, в синеве простынь,
 Всматриваются в память.
 Так вчувствуется в кровь
 Отрок — деселе лотос.
 ...Так влюбляются в любовь:
 Впадают в пропасть.

Здесь одноструктурные слова, пронизывая текст произведения, не только расширяют изобразительные возможности поэтической речи, но и позволяют автору глубже выразить идею, свою жизненную установку, своеобразное жизненное кредо. Понять и прочувствовать это главное в стихе помогает наличие словообразовательной общности ключевых слов.

Семантически разнохарактерные образования (*вслушиваться, внюхиваться, всматриваться, вчувствоваться, влюбляться, впадываться*) тем не менее обладают общностью в значении: они передают интенсивное действие, направленное в самую глубь явления и совершаемое ради того, чтобы лучше понять, постичь это явление.

Словообразовательный повтор в этом стихотворении позволяет более точно выразить страсть М. Цветаевой к познанию окружающего мира, желание жить максимально насыщенной и внутренне значимой жизнью, полностью отдаваясь стихии нахлынувших чувств.

Своеобразная переключка одноструктурных слов в стихотворениях М. Цветаевой, несомненно, имеет большое смысловое и эмоциональное назначение. «В звуковом, фонетическом сходстве слов, — писала поэтесса, — больше, чем гармония — смысл» (Звезда, 1982, № 10, с. 181). И она мучительно ищет истоки этой смысловой близости слов. Так рождаются следующие строки, в которых выражены боль одиночества, ни с чем не сравнимое горе разлуки с родной, с близкими людьми:

Сверхбессмысленнейшее слово:
 Рас-стаемсЯ.— Одна из ста?
 Просто слово в четыре слога,
 За которыми пустота
 Стой! По-сербски и по-кroatски,
 Верно, Чехия в нас чудит?
 Рас-ставание. Расставаться...
 Сверхъестественнейшая дичь!
 . . . . .
 Расставаться — ведь это врозь.
 Мы же — сросшиеся...

Поэма конца (10)

В одном только слове *расставаться* поэт видит бездну несправедливости и горя, страшную боль утраты. Для того, чтобы восста-

новить содержательную сущность этого слова, подчеркнуть ее, выразить и донести до читателя, М. Цветаева обращается к графическому приему: приставка намеренно отрывается от слова (расстаемся, рас-ставание), тем самым как бы показывается авторское неприятие той части слова, которая и несет значение «утраты, разъединения» (в данных словах приставка *рас-* имеет значение «деление на части, разъединение, движение в разные стороны»).

Значение этой приставки и слов, содержащих ее, резко подчеркивается М. Цветаевой в стихотворении 1925 года, посвященном Б. Пастернаку:

Рас-стояние: версты, мили...
 Нас рас-ставили, рас-садили,
 Чтобы тихо себя вели,
 По двум разным концам земли.
 Рас-стояние: версты, дали...
 Нас расклеили, распяли,
 В две руки развели, распяв,
 И не знали, что это — сплав
 Вдохновений и сухожилий...
 Не рассбрили — рассорили,
 Расслоили...

Стена да ров.

Расселили нас, как орлов-
 Заговорщиков: версты, дали...
 Не расстроили — растеряли.
 По трупам земных широт
 Рассовали нас, как сирот.
 Который уж — ну который — март?!
 Разбили нас — как колоду карт!

«Рас-стояние: версты, мили...»

Все стихотворение, за исключением последних двух строчек (прорвавшийся голос отчаяния и боли!), сохраняет предельно сдержанный тон, что достигается, во-первых, обилием многозначительных пауз, которые как бы намеренно замедляют темп речи, сдерживают бурное проявление чувств; во-вторых, немногословностью, исключительным лаконизмом стихотворных строк. Повтор синтаксических конструкций и мелодического рисунка (...версты, мили...) также придает стиху определенную размеренность и ритмичность.

Вместе с тем читатель безошибочно чувствует внутренний пульс, предельную напряженность мысли поэта, огромное человеческое мужество, внутреннюю собранность и силу лирического героя. Это ощущение достигается благодаря такой организации стиха, когда основная смысловая нагрузка падает на ключевые слова, которые являются одноструктурными образованиями с общим значением «утраты, разъединения, разобщения» (*расставить, расс-*

дить, расклеить, распаять, развести, рассорить, расселить, растерять, рассовать, разбить и др.). Четырнадцать раз повторяется эта словообразовательная модель, с каждым разом все более заостряется значение префикса в глаголах. Усилению этого значения служит сопоставленность глаголов с другими словами, содержащими приставку *рас-*, но со значением — «доведение действия до конца, завершение интенсивного действия»: *не рассорили — рассорили, не расстроили — растеряли*.

Секрет воздействия поэзии М. Цветаевой раскрыт ею самой: «Равенство дара души и глагола — вот поэт» (Цветаева М. Сочинения в двух томах. Т. II. М., 1980, с. 158). Любовь к родному языку, мастерское владение его изобразительными ресурсами, чуткое отношение к слову позволили М. Цветаевой выразить свою страстную, противоречивую и непокорную душу.

Читатель спрашивает

«Какое ударение надо делать в слове *мышление*?»

М. Б. Куляничев, Мытищи

«Орфоэпический словарь русского языка» (М., «Русский язык», 1983) приводит два варианта ударения в этом слове: основной — *мышлѐние* и допустимый — *мѣшление*. Однако некоторые другие справочники отмечают, что вариант *мѣшление* книжный, устаревающий.

«Откуда произошло название *Камчатка*?»

Н. Д. Шамова, Курск

Полуостров Камчатка получил свое название по фамилии землепроходца XVII века Ивана Камчатского. Фамилия *Камчатский* представляет собой скорее всего тюркизм (см. Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов. М., 1984 г.).

Во имя возрождения

О символах в повести В. Распутина «Пожар»

Е. В. Красикова,
кандидат филологических наук

В последние годы в произведениях советских прозаиков все чаще стали появляться реалистические образы-символы. Причем, как правило, они занимают центральное место в художественной системе, достигая порой значительной глубины и широты социально-философского обобщения. Наиболее характерно это для писателей, творчество которых отличается ярко выраженной гражданственностью, обладающих способностью и потребностью ставить в своих произведениях наиболее острые и существенные проблемы современной жизни нашего общества.

К этой группе писателей можно безоговорочно отнести В. Распутина. Элементы символизации появлялись в его произведениях и ранее («Последний срок», «Прощание с Матерой»). В новой же повести «Пожар» образ-символ, вынесенный в заглавие, стал основным элементом художественной структуры. Способы его создания в повести чрезвычайно разнообразны. Это и собственно литературные приемы, в частности, особенности композиции, и лингвистические средства, которым принадлежит доминирующая роль. Каждый способ выполняет определенную функцию, но все они взаимосвязаны и в совокупности формируют значение образа-символа.

Основной композиционный принцип в «Пожаре» — чередование глав, где описывается пожар, и страниц, повествующих об истории поселка, раскрывающих внутренний мир главного героя. Оба пласта повествования в реальном времени расположены последовательно (жизнь поселка — предыстория, пожар — следствие, результат), а в художественном — совмещены за счет параллельного расположения тех и других глав. Прием композиционного параллелизма, нарушающий хронологию, позволяет свести в единое целое то, что было, и то, что происходит. Ретроспектива в повести постоянно освещена заревом пожара. Таким образом, единичное — пожар — становится не только логическим завершением предшествующих событий, но и воплощением всеобщего — образа жизни, психологии людей. Наступление огня, невозможность и неспособность остановить его, несмотря на все усилия, в общих чертах повторяет динамику необратимых изменений в жизни и сознании людей.

В повести «Пожар» — двухчастный тип символического контекста, для которого характерно одинаково подробное описание как явления, выступающего в роли символа (пожар), так и явлений, представляющих собой объект символизации (жизнь поселка, поведение и психология людей). А это значит, что формирование символического значения на собственно языковом уровне осуществляется в первой части контекста за счет непосредственных — синтагматических — связей слова *пожар* и семантически родственных ему слов *огонь*, *гореть*, *зарезо*, *пожарище*, *пламя* и т. д., во второй части — путем реализации опосредованных — парадигматических — связей того же слова (группы слов).

Проследим, какие элементы значения выступают на первый план в главах, посвященных описанию пожара. На основе семантической общности можно выделить две группы микроконтекстов: одна — со значением «движение огня», другая — «звуки огня»:

«огонь пошел по крыше»	«что-то сильно... шипело»
«огонь выметывался полосами»	«снова послышались крики и треск»
«зарезо извивалось сбоку»	
«зарезо выпрямилось и выстрелило вверх»	«гудело страшно»
«огонь проворно подвигался влево»	«бешеными выхлопами обрывался огонь»
«выхлестнуло... высоко пламя»	«огонь с сытым и мощным гулом дошел до середины»
«огонь... ворвался внутрь... завладел половиной задней степы, перекинулся на потолок»	«не гуд, не свист и не вой был ...основным звуком, а ...могучий треск»
«нодыхало всю»	

«...вырвало огонь наверх соединяя последним прихватом весь продовольственный ряд в одно высокое ревущее горение»

В приведенных списках микроконтекстов, наиболее характерных для описания пожара, два основных значения «движение огня» и сопровождающие его «звуки» даны в динамике, отражающей нарастание интенсивности. Все большее пространство захватывает огонь, все мощнее и агрессивнее становится пламя, шипение, гуд, бешеные выхлопы сменяются мощным гулом, могучим треском. В последнем предложении — кульминация пожара. В метафоре «одно высокое ревущее горение» оба элемента сливаются, порождая новый: «смертоносная, никому не подвластная могучая сила».

Звуковой ряд огня, кроме того, переносится со звуковым рядом человеческих голосов: «все кричали», «кричал диким ревом и

Афоня», «кто-то... звал оголенным и рвущимся голосом». В этом хаосе, в этом бесконечном надрывном крике пет, однако, ни страха, ни боли, ни страдания, потому что «так вот... выкрикивать себя из себя может человек только... бросаясь убивать или вынужденный разрушать». Звуки пожара и крики людей объединяются в общем голосе тотального уничтожения.

Доминирующее при описании пожара значение «нарастающее, всеохватывающее разрушение» является связующим звеном между первой и второй частями символического контекста. Проследим, как оно развивается в главах, посвященных предьстории пожара.

Вот социальный фон, на котором разворачиваются события: «Поля и луга... со строительством гидростанции *затопили...*», «*вырубая* каждый год многие сотни гектаров тайги, *распахивая* направо и налево огромные просторы...», «*заколоченные* и *оставленные* избы...» (здесь и далее курсив наш.— Е. К.). Выделенные слова объединены общим значением «разрушение», представленным либо как процесс, либо как результат.

Многokrратно повторяющееся, это явление приводит к формированию определенной психологии, афористично выраженной в жесткой формуле: «жизнь состоит в том, чтоб рубить». Человек, пришедший к такому выводу, — везде гость, у него нет дома, есть просто крыша над головой. Неслучайно поэтому такой безликой выглядит Сосновка — основное место действия в повести. Описывая поселок, Распутин постоянно подчеркивает его временный характер, его неприглядность: «*Неуютный и неопрятный... бивучачного* типа был этот поселок, словно *кочевали* с места на место, остановились... да так и застряли»; «*голо...* *слепо* и *стыло* стоял поселок» — «*временное пристанище*, откуда не сегодня завтра *сниматься*». Все отмеченные слова слагаются в два семантических ряда. Первый: *бивучачный, кочевать, сниматься, временное пристанище* — со значением «непостоянство», противопоставленным значению «дом» — место, где человек чувствует себя хозяином. Второй: *неуютный, неопрятный, голо, слепо, стыло* — со значением «неустroенность».

Большинство жителей не собирается никуда уезжать, но корней у них нет. Появляется доселе неведомый феномен — *оседлый кочевник*. Оседлый — потому что живет на одном месте, кочевник — потому что место это — не дом ему. Отношение людей к жизни, их равнодушные, бесхозяйственность, нравственная и социальная апатия создают предпосылки кризиса: «И построено было так, и занялось в таком месте, чтоб, загоревшись, сгореть без остатка». Огнетушители не работают, «„пожарку“... разнесли на запчасти», водовозку не могут найти. Кажется, будто злой дух приложил руку.

Но нет, просто жизнь так повернулась, что люди не готовы ни к общей радости, ни к общей беде.

В повести Распутина, как и в жизни, все взаимосвязано, одно событие рождает бесконечную последовательность других. Разорение края, ставшее привычным, превращает человека в рубящую руку, направляемую чужой волей. По сути дела человек отказывается от себя, от своей ответственности перед будущим. В нем отмирают чувство красоты и чувство хозяина. Разорение земли приводит к распаду души.

Герои повести расположены как бы между двумя полюсами. На одном — «архаровцы» во главе с Сашкой Девятым, на другом — Иван Петрович. Писатель создает обобщенные человеческие типы, порожденные конкретными социально-историческими условиями. Если двигаться от одного полюса к другому, то после «архаровцев» следуют люди «перекати-поле», затем «свои», то есть коренные жители Сосновки, наконец, Афоня, Алена, дядя Миша Хампо — единомышленники и союзники Ивана Петровича.

Профессия «архаровцев» — рубить, призвание — разорять. Залетевшая со стороны эта «открытая, ничего не боящаяся и не стыдящаяся сила» становится негласной властью в Сосновке. Все группы образов даны автором во взаимодействии, внутреннем или внешнем. Он практически не показывает непосредственных контактов между «архаровцами» и «своими». Это и неважно, самим фактом своего существования архаровщина растлевает души людей. Напротив, взаимоотношения между Иваном Петровичем и командой Девятого выливаются в тайную или явную борьбу. Верные своей природе, «архаровцы» накостят и разрушают: разоренный палисадник, песок, насыпанный в канистру с бензином, проколота шина, прямая угроза Ивану Петровичу, покушение на его жизнь. На пожаре «архаровцы» — в своей стихии. Весело, увлеченно, с азартом они крушат горящие склады. Кульминационной точкой проявления разрушительного начала, заключенного в них, становится зверское убийство дяди Миши Хампо. Они сметают его, как сметает все препятствия на своем пути беспощадное пламя пожара.

Другой тип — люди «перекати-поле». Они вроде бы ничего не разрушают, но ничего и не создают, «в своих бесконечных перемещениях не за деньгами гоняются, ...а гонимы словно бы сектантским отвержением и безразличием ко всякому делу». Лишенные каких бы то ни было привязанностей, корней, основ, они «отбывают жизнь как наказание». Казалось бы, такие люди безвредны. Сознательно они и в самом деле никому не причиняют зла. Но их отречение от веками устоявшихся законов человеческого общения, при-

вычка к равнодушному одиночеству так же губительно сказывается на окружающих, как агрессивность и своеволие «архаровцев».

Перерождение «своих» проходит несколько стадий. Сначала «люди разошлись всяк по себе, ...отвернулись и отбились от всеобщего слаженного существования»; потом как-то незаметно для них самих изменилась система ценностей: «было не положено, не принято, стало положено и принято, было нельзя — стало можно, считалось за позор, за смертный грех — почитается за ловкость и доблесть»; и, наконец, «то, за что держались еще недавно всем миром, что было общим неписанным законом, твердью земной, превратилось в пережиток, в какую-то ненормальность и чуть ли не в предательство».

Рушатся самые основы, странным образом переворачивается представление о добре и зле, меняются критерии оценки человека: «Не естественная склонность человека к добру стала мериллом хорошего человека, а избранное удобное положение между добром и злом, постоянная и уравновешенная температура души». Изменения в психологии и мировоззрении «своих» приводят к тому, что они, словно магнитом, оттягиваются к противоположному от Ивана Петровича полюсу. И вот они уже грозят ему, как и «архаровцы», в ответ на слово правды, которое выталкивает из Ивана Петровича его беспокойная совесть, грозят, потому что оно нарушает покой их размеренного, удобного существования, когда человек ни за что и ни за кого не в ответе, кроме как за себя самого. Естественно поэтому, что пожар не становится для них общей бедой, когда надо всем миром навалиться, напротив, это удобный случай поживиться на чужой счет. Тащат из складов добро даже те, на кого и подумать-то не пришло бы в голову: старуха, «за которой ничего похожего никогда не водилось», однурукий Савелий. Тащат молча, сосредоточенно, будто делают важное и нужное дело.

Семантическая общность обеих частей символического контекста (бедствие и его предыстория), заключающаяся в том, что писатель последовательно и сознательно акцентирует читательское внимание на идее разрушения, позволяет утверждать, что пожар, образно говоря, начинается задолго до возгорания складов. Разорение края, появление поселков, похожих на Сосновку, людей типа «архаровцев» и «перекати-поле», нравственная деградация жителей Сосновки — все это не только предпосылки бедствия, но и само бедствие. В сценах пожара до логического конца доводится все то, что ему предшествовало. Пожар на складах становится не нарушением нормального хода жизни, а закономерным продолжением ее. Бесхозяйственность, неорганизованность как признаки разрушения самого уклада жизни приводят к уничтожению огромных матери-

альных ценностей, созданных трудом людей. Злоба и равнодушие как признаки разрушения в душах людей приводят к преступлениям: воровству, убийству.

Создать — всегда труднее, чем разрушить. А восстановление утерянного — процесс еще более сложный и длительный, особенно если речь идет о сознании людей, об их отношении к жизни, к будущему. Обнажая распад самих устоев жизни, нравственных основ личности, символ достигает трагического звучания.

Однако значение символа этим не исчерпывается. Его семантический стержень «разрушение» захватывает еще одну чрезвычайно важную сферу, а именно: духовный мир главного героя Ивана Петровича. В повести есть образ-двойник «пожара»: «Перед глазами (Ивана Петровича.— *Е. К.*) все смешалось — пожар изнутри и пожар настоящий, те и другие огни напльвали и кинели одновременно». «Пожар изнутри» является составной частью развернутой метафоры, при помощи которой писатель раскрывает психологию главного героя. По сложившейся в литературе традиции, образ «внутреннего огня, горения» воплощает активность жизненной позиции, созидательное начало в человеке. Воспламенение сердца людей, этот огонь становится импульсом к борьбе, а порою к свершению подвига.

Все сказанное можно отнести и к главному герою распутинской повести. Однако писатель не останавливается на традиционном прочтении образа. Материал повести, логика изображаемой действительности требуют его развития. Внутреннее горение только тогда плодотворно, когда деятельность человека реализуется в конкретных делах. Борьба же Ивана Петровича, как бы справедлива и благородна она ни была, в сущности, бесплодна — слишком перавны силы. В подобной ситуации горение становится замкнутым, перерастает в пожар, огонь оборачивается против самого человека, выжигая его душу сознанием бессилия. Состояние вялости и апатии, характерное для Ивана Петровича в начале повести, как раз и есть результат этого губительного процесса.

Описание метафорического «пожарища души» во многом совпадает с описанием сгоревших складов:

«Страшное разорение чувствовал в себе Иван Петрович — будто прошла в нем иноземная рать и все вытоптала и выгадила, оставив едкий дым, оплавленные черепки и бесформенные острые куски...»

«...темнели и чадили головенки, расквашенный грязный двор... представлял из себя что-то до жути окончательное и безнадежное»

Это совпадение свидетельствует о том, что разорение жизни, власть зла и безразличия способны нанести страшный удар даже самой высокой нравственной силе.

И все-таки душа Ивана Петровича не умерла. Глубокая усталость от долгой безрезультатной борьбы, мысли о смерти в сцене пожара сменяются новой вспышкой страдания. Но что же дальше, за чертой пожарища, куда он уходит, «вступая в обретенное одиночество» внутренней пустоты?

Как бы ни было широко символическое обобщение, заключенное в образе «пожара», оно все-таки не доведено до размеров глобального апокалиптического несчастья. Доказательство тому и в системе образов (единомышленники Ивана Петровича), и в структуре повествования (Сосновке противопоставлен поселок, где живет сын Ивана Петровича Борис), и, наконец, в символическом образе «земли». Да, и «на земле, что не затоплено, то опорожнено лесозаготовками, и ни заботы этой земле, ни привета». Но все же пожарище — лишь часть ее, часть необозримой дали, вечного начала. Земля у Распутина — словно бы живое, имеющее душу существо: «Тихая, печальная и притаенная, будто и она страдала от ночного несчастья...». Но будучи истоком всего живого, она сильнее страдающего человека. Ее молчание в момент ухода Ивана Петровича — это ожидание преодоления. Встречает или провожает его земля, зависит от него самого, от того, какое он примет решение в глубоком, поразившем его одиночестве, сумеет ли понять, что Земля способна возродиться, но не самопроизвольно, а волей, действием человека, возрожденного человека.

Читатель спрашивает

«Как правильно сказать: *отгруженный* или *отгружённый*?»

А. К. Баркова, Липецк

Норма *отгруженный*. Вторая форма — устареваящая.

«Почему мы говорим *тянуть волынку*, если речь идет о каком-то промедлении?»

Н. П. Кравцова, Елабуга

Это выражение обязано своим происхождением слову *волынка* — украинский музыкальный инструмент, который издаёт тягучие, монотонные звуки. Это и послужило поводом сделать «волынку» символом медлительности, надоедливости, монотонности.

Из Нормативно- стилистического словаря русского языка

Потребительный — **потребительский**. В современном русском языке слово *потребительный* означает «относящийся к потреблению» и выступает в составе экономических терминов: *потребительная стоимость* — «полезность вещи, ее способность удовлетворять какую-либо человеческую потребность»; *потребительная стоимость рабочей силы* — в политэкономии «способность рабочего создавать в процессе капиталистического производства прибавочную стоимость». *Потребительский* — имеет значение «относящийся к потребителю», «служащий для удовлетворения нужд потребления»: *потребительский спрос, потребительская кооперация, потребительские товары*.

Сегодня во всех сочетаниях — за исключением приведенных выше терминов — используется прилагательное *потребительский*: «Теперь, пожалуй, разных толкований о достоинствах товара не должно быть. Главное в нем потребительские свойства. Смотрится, нужен, надежен, полезен, доступен по цене — стало быть, будет у него покупатель» (из печати); «Планирование с „птичьего полета“, сверху не может учесть всех сложностей потребительского рынка... Причем цены по-прежнему чаще формируются по затратным признакам, а их потребительная стоимость, совпадение с рыночной конъюнктурой учитываются слабо» (из печати).

Только прилагательное *потребительский* имеет оценочное значение (с оттенком неодобрения) — «узкопрактический, основанный на стремлении только к удовлетворению своих интересов»: *потребительские настроения, потребительский подход, потребительское отношение*.

Поход. Одно из значений этого существительного — «военные действия против кого-чего-либо, военная кампания»: *итальянский поход Суворова, крестовые походы*. На его основе сформировалось переносное употребление: *поход за качество, поход против пьянства*, где *поход* — это «организованные действия для борьбы за что-либо или с чем-либо». В данном значении слово *поход* употребляет-

ся только в языке средств массовой информации и по существу представляет собой публицистический штамп с выветрившейся образностью и экспрессией.

Предел чего-либо — «пространственная или временная граница чего-либо», «последняя, крайняя грань, степень чего-либо»; употребляется с родительным падежом зависимого слова: *предел города, предел зимы; предел совершенства, предел мечтаний*. В оборотах *положить предел, настал предел.., не знать предела чему-либо* зависимое слово, относящееся к словосочетанию в целом, принимает форму дательного падежа: *положить предел беспорядку, настал предел терпению, не знать предела восторгам*.

Почтамт (заимствование из немецкого языка — Postamt) — «главное почтовое учреждение населенного пункта». Поскольку в самом значении существительного содержится указание на то, что *почтамт* — *главное* почтовое учреждение, словосочетание *главный почтамт*, порой встречающееся в разговорной и книжно-письменной речи, избыточно (плеонастично), а следовательно, ненормативно.

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Электронизация — широкое внедрение электронно-вычислительной техники в народное хозяйство, в науку и быт. Ряд таких слов, образованных посредством суффикса *-изация*, постоянно пополняется. Своеобразие слова *электронизация* проявляется в том, что все существительные с суффиксом *-изация*, имеющие значение процесса, формально соотносятся с глаголами (*механизация* — от *механизировать*) или с существительными (*диспетчеризация* — от *диспетчер*), новое же слово соотносится структурно с первой частью сложного прилагательного *электронно-вычисли-*

тельный. Это свидетельствует о расширении границ действия самой словообразовательной модели и о ее высокой продуктивности.

Вот пример употребления слова *электронизация*: «Современный этап автоматизации описывается на революцию в электронно-вычислительной технике, электронизацию народного хозяйства... Ставится задача широкой электронизации машин и оборудования, выпускаемых для всех отраслей. За такой техникой будущее» (Правда, 1986, 4 марта).

Г. И. Миськевич,
кандидат филологических наук

"КРОКОДИЛ"

смеется

Н. В. Солоник,
доцент Ленинабадского пединститута

Каждому приходилось слышать и читать высказывания, которые вызывают улыбку или смех. Например: «Внимание, товарищи отдыхающие! У нас на пляже находится верблюд, при нем — фотограф. Верблюд будет два дня, фотограф — один. Желающие, подходите к верблюду» (из объявления в пансионате). Или: «Девочки шли по снегу и дружно хрустели ногами» (из школьного сочинения). Из выступления на собрании: «В нашем доме проживает не шесть, как это числится у вас по списку, а семнадцать собак. Из них только три собачки уплатили налог, а остальные на поставленный вопрос, когда же уплатите, отвечают грубостью».

Своеобразным словарем такого рода изречений является рубрика «Нарочно не придумаешь» в журнале «Крокодил». Профессиональный лингвистический анализ позволяет сделать интересные наблюдения над особенностями этого материала. Ряд таких наблюдений содержится, в частности, в статье Н. Г. Михайловской «Словесные курьезы или „Крокодил“ смеется», опубликованной в самом первом номере журнала «Русская речь» (1967 г.). Практика неподготовленной устной речи или плохо продуманной письменной и ныне составляет свою продукцию на страницы «Крокодила», а заодно с ней — и материалы для изучения. Так, обследуя подборку «Нарочно не придумаешь» за 1982–1985 годы, можно убедиться в том, что природа разных курьезных изречений вовсе не одинакова. Существует по крайней мере три фактора, способных формировать в них смешное.

Во-первых, описываемые ситуации оцениваются как забавные и вызывают улыбку. Во-вторых, целые мысли по разным поводам, позволяющие относиться к ним снисходительно-критически, с юмором. И, наконец, языковая форма высказываний, допускающая самые неожиданные истолкования.

Примером текста, комичность которого определяется реальным положением дел, может служить такой: «В секции „Брюки“ вам

предложат пиджаки размерами с 44-го по 64-й» (Крокодил, 1985, № 3). Само сообщение в этом высказывании не является смешным: оно, видимо, соответствует действительности в том магазине, о котором идет речь. С точки зрения языковой формы здесь тоже все в порядке. Курьезен сам факт: в секции «Брюки» продаются не брюки, а пиджаки. Таким образом, объектом улыбки здесь служит несообразность вещей в самой жизни. Или из объявления в поликлинике: «Прием больных гриппом в медвытрезвителе» (1985, № 30).

Бывают тексты, в которых вызывает смех выражаемая мысль. В репортаже о футболе комментатор заявляет: «Закончилась четырнадцатая минута футбольного поединка и тут же началась... пятнадцатая» (1985, № 29). Казалось бы, ничего смешного здесь нет: действительно, после 14-й минуты идет 15-я, но нелепым выглядит сам факт комментирования этой очевидности.

Или такое: «И вот футболисты „Динамо“ бросились в атаку к воротам противника. Наверное, хотели забить гол» (1984, № 29). Ну, конечно, *хотели!* Предположение комментатора (*наверное, хотели...*) вызывает улыбку. Из объявления: «Овощной базе срочно требуются пожилые женщины для засолки и молодые девушки для закваски» (1985, № 11) — немотивированность заявки очевидна, она и создает соответствующую эмоциональную реакцию.

Таким образом, смешное в высказываниях нередко порождается неязыковыми (или, как говорят ученые-языковеды, экстралингвистическими) причинами. Их анализом, видимо, могли бы заинтересоваться администраторы и хозяйственники, с одной стороны, и логики — с другой.

Для лингвистов же особый интерес представляют «шедевры» иного типа — такие, в которых смешное порождается именно языком высказывания. В заявлении читаем: «Прошу выделить мне ссуду на хозобзаведение, так как ко мне приезжает жена в рассрочку на шесть месяцев» (1985, № 4). Нетрудно видеть, что описанная ситуация ничего смешного в себе не содержит. Улыбку вызывает чисто языковой фактор: здесь нарушен порядок слов. Достаточно восстановить его, и высказывание потеряет комичность: «Прошу выделить мне в рассрочку на шесть месяцев ссуду на хозобзаведение, так как ко мне приезжает жена».

Вот объявления, в которых искажен порядок слов: «Берусь нянчить ребенка вместе с мужем», «Меняю комнату в трехкомнатной квартире; есть еще одна соседка со всеми удобствами» (1983, № 31); «Всех желающих приобрести уголь просим написать заявление и сдать председателю МК в количестве одной тонны» (1982, № 10) — надо было написать: «Вместе с мужем берусь нянчить...»;

«Меняю комнату в трехкомнатной квартире со всеми удобствами...»; «Всех желающих приобрести уголь в количестве одной тонны...». Из заявления в товарищеский суд: «Кравченко Дуся, сорока девяти лет, без намордника живет с собакой, часто кусается» (1982, № 35) — здесь необходимо более подробное изложение, например, такое: «У Кравченко Дуси... собака бегаёт без намордника и часто кусается». Из протокола допроса: «Двигатель я привез в сумке и спрятал его в собачьей будке, где проживает моя бабушка» (1984, № 35) — после слова *будке* надо добавить: *у дома, где...*

Самым распространенным лингвистическим фактором, порождающим улыбку слушателей, выступает вольный перенос наименования с одного предмета на другой, смежный с ним (в лингвистике это принято называть метонимией). На доске объявлений в одном из институтов читаем: «Товарищи студенты! *Инфекционные болезни* будут у вас длиться до конца этого семестра» (1984, № 6) — имеется в виду учебный курс по этим болезням. На почтамте: «*Телеграф на больничном*, начнет работу со следующей недели» (1985, № 5) — наименование учреждения перенесено на работающего в нем телеграфиста. В общежитии: «Товарищи, обувь чистить *идите в мусоропровод*» (1984, № 5) — подразумевается место, соседствующее с мусоропроводом. На курсах кройки и шитья: «В семнадцать часов *собрание мужских брюк и сорочек*» (1985, № 30) — речь идет о людях, обучающихся кройке и шитью этих вещей. Сравните также: «Мастерская закрыта. Все *мастера на коллективных антеннах*» (1982, № 28); реплика в парикмахерской: «Ира! Посмотри в сушилке: там не твои *брови сидят?*» (1985, № 3); из объявления: «Второго июня будет производиться прививка собакам. Просьба всем собакам *явиться*» (1985, № 11).

Очень часто смешное порождается заменой какого-либо компонента в высказывании случайно созвучным словом. На одном педсовете можно было услышать: «У нас в школе нет мужского воспитания, поэтому все мальчики растут какие-то однополые» (1985, № 5). А какими же им расти? Конечно, однополыми! Видимо, хотели сказать об односторонности воспитания детей.

В книге отзывов и предложений читаем: «Мы, отдыхающие, выражаем благодарность всему коллективу профилактория. Отлично обслуживали и работники *пищевода*» (1984, № 27) — конечно, здесь имеются в виду работники *пищеблока*. Или: «Продается велосипед *полугончий*» (1985, № 2) — автор хотел сказать: *полугонимый*. Из меню: «Котлеты с *гарнитуром*» (1985, № 1) — конечно, с *гарниром*. Из рекламы: «В наш магазин поступили в продажу *подонки*» (1982, № 20) — речь, несомненно, идет о *поддонах*.

Часто смех вызывается двусмысленностью высказываний, возможностью интерпретировать слово или выражение в омонимичных смыслах: «Очень благодарна врачу К. После операции чувствую себя хорошо. Он был для меня настоящим отцом. Хочу, чтобы он бы *отцом и для моих детей*» (1985, № 22); из выступления на собрании в школе: «Вот Максим Жук, ученик первого класса. Он быстро схватывает *материал*; на ходу, с улыбкой и удивительно легко его *переваривает*» (1985, № 4).

А вот в тексте соединены противоречащие друг другу понятия: «Ушла на *пятиминутку*. Буду через *час*»; совмещены в одном контексте конструкции с разными функционально-стилистическими окрасками, например в официальном документе содержатся обиходно-разговорные элементы: «Я, Игнатов, на работу не выходил, потому что покрасил усы, но, переборщив, 26 и 27 декабря отмывал их спиртом, в результате чего наглотался и проспал»; «Я третьего июля не была на работе, т. к. приезжали сваты, пропивали дочь» (1982, № 30); отсутствуют какие-то слова в высказывании или описании, к примеру, из заявления в госстрах: «Я мылся в бане, пол был скользкий. Я поскользнулся, сел на печь и поехал в больницу» (1985, № 4) — здесь пропущено слово *обжегся*, что привело к искажению смысла, позволяющему предположить, что в больницу человек *поехал на печи*. В ряде случаев стандартное выражение, соотносимое с определенным содержанием, вмещает иное, лексически для него запрещенное: «Берегите *мусоропровод*! Это ваш дом, в котором вы живете» (1984, № 10).

Анализ подобного материала на занятиях по лексике, синтаксису и стилистике может стать одним из важных звеньев в работе над культурой речи школьников и студентов.

Читатель спрашивает

Наш участковый врач говорит *инсульт*, а в словаре это слово дается с ударением *инсульт*. Я сказала об этом врачу, но не убедил ее. Кто из нас прав?

Е. В. Проколова, Мытищи

Вы обе правы: *инсульт* употребляется в профессиональной речи медиков. Литературная же норма — *инсульт*.

Специализация

Е. М. Лазуткина,
кандидат филологических наук

Телефонной Справочной службе Института русского языка АН СССР часто задают вопрос о синтаксических правилах употребления существительного *специализация*. Это слово восходит к латинскому *specialis* «особый» и имеет в современном русском языке ряд значений. Рассмотрим два из них:

1. В значении «приобретение специальных знаний, навыков, обучение какой-либо специальности» слово *специализация* сохраняет управление всех форм глагола *специализироваться*, от которого оно образовано, и употребляется со следующими предложно-падежными формами имен существительных, означающих область знаний, раздел науки, специальность, — *по чему-либо, в чем-либо, на чем-либо, в области чего-либо* (книжное): «После специализации по анатомии в известном в то время Гунтеровском университете он [Вильям Гевсон] получил звание прозектора и рентитора анатомии» (Михайлов В. Тайны крови. М., 1982); «Ему предстоит специализация в высшей алгебре», «Френкелю пришлось быть самоучкой в теоретической физике и почти без чьей-либо помощи специализироваться в избранной им области» (Кедров. Повесть о Френкеле); «...даже сами американские наблюдатели, специализирующиеся в области спецслужб, считают, что „явного изменения в статусе американской разведки не произошло“» (Кассис В., Колосов Л. Из тайников секретных служб. М., 1981); «Дочь заканчивает Тимпразевку и специализируется тоже на селекции, но только лекарственных трав» (Наш современник, 1982, № 11).

Наиболее употребителен (во всех функциональных стилях) дательный падеж зависимого существительного — *по чему-либо: специализация по русскому языку*.

2. Особенно распространенным стало значение «закрепление за какой-либо специальной областью или сферой использования; предназначение для использования в чем-либо», в котором слово *специализация* может употребляться со следующими падежными

формами записанных имен существительных, означающих деятельность или состояние, — *на чем-либо, по чему-либо, в чем-либо*: «...целесообразность специализации фабрики на пошиве верхней одежды обосновал привлеченный Свечкиным лучший экономист области...» (Киреев Р. Подготовительная тетрадь. М., 1983); «Из мероприятий по индустриализации непосредственно монтажных работ трестом внедряется и специализация бригад по отдельным видам монтажных работ» (Григорьев А. Повышение индустриализации монтажных работ в тресте «Сибирпроммвентиляция». М., 1976); «Специализация мастерской в изготовлении металлоизделий» (радио).

Возникает вопрос: взаимозаменяемы ли эти формы, в каких текстах они могут употребляться, закреплены ли за определенными разрядами существительных?

Приведенные примеры показывают, что словосочетания с разными предлогами (*по* — с дательным падежом, *в, на* — с предложным) одинаково нормативны во всех типах текстов, однако наиболее употребителен предложный падеж с предлогом *на*: «Специализация ателье на пошиве мужских сорочек» (радио). При этом форма *на чем-либо* распространена так широко, что можно говорить о формировании своеобразного речевого клише.

После существительного *специализация* могут стоять слова в родительном падеже, имеющие значение объекта действия: «Специализация молочного животноводства создала отдельные производственные подразделения и целые хозяйства, главным делом которых стало выращивание молодняка» (Сельская жизнь, 1984, 21 дек.); «...наблюдается резкая специализация наук, связанная с углублением знаний, выработкой специфического языка...» (Португал В. Беседы об АСУ. М., 1977), или называющие производителя действия: «Новая форма организации студенческих отрядов по принципу агроконвейера „Поле — прилавок“ — результат развития агропромышленного комплекса страны, растущей специализации студенческого движения, желания комсомольцев участвовать в выполнении Продовольственной программы страны» (Комсомольская правда, 1985, 24 сент.); «...все большее признание получает идея о целесообразности не столько узкой, сколько рациональной специализации исполнителей...» (Омаров А. Руководитель. М., 1984).

Таким образом, в зависимости от своего значения слово *специализация* может употребляться с отвлеченными существительными с предлогами *по, в, в области чего-либо, на*, а также с конкретными и отвлеченными существительными в родительном падеже без предлога,

«Один стоит целой академии»

К 200-летию со дня рождения Г. П. Павского

И. Л. Леднева

Известный русский филолог и педагог XIX столетия Герасим Петрович Павский родился в марте 1787 года в Павском погосте (от названия которого и происходит его фамилия) Лужского уезда Петербургской губернии. Первые навыки чтения и письма, изучение букваря, часослова и псалтыри начались в семье. Г. П. Павскому было неполных 10 лет, когда отец — священник отвез его в Петербург и определил в Александро-Невскую семинарию, преобразованную в 1798 году в главную семинарию. Здесь наряду с другими предметами преподавались языки — греческий, латинский, немецкий, французский, древнееврейский.

В 1809 году в Петербурге была открыта духовная академия, получившая статус высшего учебного заведения, и Г. П. Павский оказался в числе ее студентов. Он продолжал заниматься языками, отказавшись от столь же тщательного изучения других наук, в частности математики. Именно в этот период формируются собственные научные взгляды Г. П. Павского, основанные на лингвистическом изучении евангелия и Библии, которое было возможно благодаря его прекрасному знанию языков.

После окончания духовной академии со степенью магистра Г. П. Павский был оставлен в ней в качестве преподавателя. Началась его педагогическая деятельность, которая продолжалась в течение 20 лет (1814—1834). С 1819 года он — профессор только что открытого Санкт-Петербургского университета. Деятельность Г. П. Павского представляла собой явление новое, небывалое для учебного заведения: уровень его лекций был очень высок, аудитория всегда полна слушателями. Ученик Г. П. Павского, происходивший из крепостных и ставший впоследствии академиком, А. В. Никитенко вспоминал, что в его чтениях «было что-то совершенно своеобразное, ему одному присущее, важность и почти младенческое добросердечие, сила и простота, соединенная с глубиной воззрений и удивительным богатством знания — и действие этих чтений содержало в себе так много связующего душевные силы слушателей с предметом учения, что для них становилось одним и тем же — знать, убеждаться, чувствовать».

В 1826 году Г. П. Павский, назначенный вместе с В. А. Жуковским законоучителем к наследнику царя и к великим кня-

гиям, вышел из университета, оставшись только его почетным членом. А в 1835 году из-за неблагожелательства московского духовенства он был отчислен от императорского двора. «Удаление мое,— написал позднее в автобиографии Г. П. Павский,— несколько не опечалило меня, а, напротив, радовало, потому что я, по своему нраву, несколько не способен был к придворной жизни... Другие жалели, а я — несколько...» (Русская старина, 1880, т. 27, апрель).

Оставив службу, Г. П. Павский до конца своей жизни (1863) занимался научной деятельностью, в частности изучением русского языка. Филологические сочинения в его трудах занимают весьма значительное место. Назовем и кратко охарактеризуем только некоторые работы ученого. Так, Г. П. Павский участвовал в подготовке «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 года, составил «Записку о русском словаре», опубликованную в «Известиях ОРЯС» (1852, т. I, вып. 8). Замечания Г. П. Павского помещены также в книге «Мнения о новом издании русского словаря и правила издания, утвержденные II Отделением императорской АН» (СПб., 1854). Попытку создания Г. П. Павским словаря представляют обнаруженные в рукописях после его кончины «Материалы для объяснения русских коренных слов посредством иноплеменных...» Особое

место среди филологических работ ученого занимает прекрасно сделанный перевод «Слова о полку Игореве». До сегодняшнего дня он сохранился не весь: начало его утрачено; в целом же несомненные литературные достоинства перевода сочетаются с детальным соответствием тексту оригинала.

Вершиной в творческом наследии Г. П. Павского стали «Филологические наблюдения над составом русского языка» (I изд., 1841; II изд., дополненное и переработанное, 1850). Это сочинение, по отзывам современников, «явилось в свет в то время, когда у нас... только начала устанавливаться правильная истинно научная обработка отечественного языка» (Отчет по II Отделению АН за 1863 год... СПб., 1864). Неслучайно в обозрении книг, вышедших в России в 1841 году, отмечено, что этот труд «отличается новым и глубоким взглядом на русский язык» (Журнал Министерства народного просвещения, 1843, ч. 40, октябрь).

Основными аспектами «Филологических наблюдений» стали: фонетический, графический, орфографический (о простых и сложных звуках, служащих основанием русскому слову, и о письменном их изображении); морфологический: имя существительное, глагол, во II издании — частицы. Концепцию автора, представленную в этом труде, рассматривали многие

отечественные ученые-филологи: Ф. И. Буслаев, А. Х. Востоков, П. А. Лавровский и другие. Рецензенты «Филологических наблюдений» отмечали ряд бесспорных достижений Г. П. Павского в изучении русского глагола: принятую систему двух спряжений, которая в 40-е годы XIX столетия еще не утвердилась в отечественном языкознании; определение спряжения по гласным *-e-* — *-и-* в окончаниях 2-го и 3-го лица настоящего времени. «Анатомия ваша русских глаголов теперь ничего желать не оставляет нам, занимающимся грамматикой», — писал ему академик П. А. Плетнев, известный критик, издававший вместе с А. С. Пушкиным и после его кончины журнал «Современник» (Русская старина, 1880, т. 28, май).

Много споров вызвала созданная им система степеней, выражающая качественное своеобразие русского глагола. «Филологические наблюдения» представляют, без сомнения, новый этап в истории изучения видовых, качественных значений глагола и их взаимосвязи с временными характеристиками. Современное противопоставление глаголов совершенного и несовершенного видов имеет длительную историю развития. В основе его — разный характер протекания действия во времени безотносительно к моменту речи: *рубить* — *срубил*. Точкой отсчета временного значения яв-

ляется момент речи: до момента речи — прошедшее время (*рубил*); совпадающее с моментом речи — настоящее (*рублю*); после момента речи — будущее время (*буду рубить*); прошедшее (*срубил*); настоящее — будущее (*срублю*).

Видовое значение с моментом речи не связано, и этим близкие друг другу грамматические категории времени и вида в современном русском языке отличаются друг от друга. В свою очередь различный характер протекания действия во времени безотносительно к моменту речи (то есть видовое значение глагола) может быть рассмотрен в нескольких аспектах.

Во-первых, с точки зрения того, какова сущность самого действия — целостного (сов. вид) или членимого в своем протекании на отдельные фазы, отдельные моменты (несов. вид). Это противопоставление, формирующее сегодня грамматическую категорию вида, постепенно оформляется в русском языкознании. Впервые обратился к изучению глагола на русском языковом материале М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» (1755).

Во-вторых, в основу вида может быть положена идея длительности (несов. вид) — недлительности (сов. вид) протекания действия. Этот аспект глагольного действия начал разрабатывать Г. П. Павский, пользуясь

термином *степень*, хотя в данном значении в первой половине XIX века уже утвердился термин *вид*. Термин *степень* в отличие от *вида*, по мнению ученого, однозначно выражает содержание глагольного качества, в основе которого — «мера длительности» действия. И это значение подчиняет себе все другие элементы качества: значение однократности — многократности ассоциируется со значением меньшей или большей степени длительности, а результативности — с представлением о ментальности действия.

Анализ различных качественных систем второй половины XVIII — первой половины XIX века позволил прийти к выводу, что впервые понятие *степень* для характеристики «образа совершения действия» глагола, его лексико-грамматического значения «направленности» было использовано известным русским филологом первой половины XIX столетия Н. И. Гречем (1787—1867) в его «Пространной русской грамматике» (1827). Павский же стал первым, кто рассмотрел конкретные лексико-грамматические качественные значения и создал систему трех степеней. Она выглядит следующим образом: I степень — глаголы однократные (*мелькнуть*, *кончить*, *пасть*); II степень — глаголы многократные неопределенные (*мелькать*, *почитывать*, *летать*); III степень — глаголы многократные

дальние (*читывать*, *хаживать*).

Система Г. П. Павского основана на ином, чем сегодня, признаке — кратности как проявлении большей или меньшей меры длительности. Традиционный термин *однократный глагол*, обозначавший ранее только один «крат» (один раз), теперь начинает обозначать мгновенность; *многократный глагол* — действие, расчленяющееся на несколько фаз. Хотя точка зрения Г. П. Павского на природу видового значения глагола не была «узаконена» в русском языкознании, его система степеней разрабатывалась в грамматических сочинениях лингвистов второй половины XIX века. И сегодня языковеды продолжают обращаться к плодотворным идеям Г. П. Павского; так, например, для уточнения сущности видового значения русского глагола важна мысль о характеристике протекания действия глагола не только во времени, но и в пространстве.

За заслуги в изучении русского языка, в деле развития отечественной филологии в 1858 году Г. П. Павский был избран действительным членом Петербургской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Высокую оценку творческого наследия ученого дал В. Г. Белицкий в рецензии на «Грамматические разыскания» В. А. Васильева; Г. П. Павский — «один стоит целой академии. Его „Филологическими

наблюдениями над составом русского языка“ положено прочное основание филологическому изучению русского языка, пока-

зан истинный метод для этого изучения».

Арзамас

А. Л. Дювернуа — лексикограф и педагог

М. В. Пржевальская

Известный русский ученый-языковед Александр Львович Дювернуа за свою короткую жизнь (он умер на 47-м году жизни) успел многое сделать для отечественной и мировой науки. Перу А. Л. Дювернуа принадлежат работы, свидетельствующие о широте его интересов: это исследования по сравнительному языкознанию и славянскому словообразованию, археографии и истории культуры. Особую известность приобрели его лексикографические труды, не потерявшие актуальности и в наше время, — это «Материалы для словаря древнерусского языка» и «Словарь болгарского языка».

Родился А. Л. Дювернуа в Москве 24 августа 1839 года (французская фамилия русского ученого объясняется тем, что предком его был француз из оставшихся в России после войны 1812 года). Рано лишившийся отца, он получил хорошее домашнее воспитание благодаря своей матери, вырастившей

трех сыновей, которые посвятили себя впоследствии занятиям наукой. После окончания гимназии А. Л. Дювернуа поступил на юридический факультет Московского университета, однако, чувствуя склонность к филологии и успешно выдержав экзамен по греческому языку, вскоре перешел на историко-филологический факультет. Здесь он слушал лекции замечательных ученых — Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, П. Н. Кудрявцева. Проявляя большие способности к лингвистическим занятиям, А. Л. Дювернуа изучал славянские языки, литовский, арабский, санскрит.

После окончания Московского университета (1861) А. Л. Дювернуа был оставлен при нем для «дальнейшего усовершенствования в науках». Вскоре молодой ученый опубликовал статьи «О годе изобретения славянских письмен» и «О происхождении *Варяг-Руси*» (Чтения Общества истории и древностей российских [ОИДР], 1862, № 2

и 4). Вторая из этих статей была удостоена золотой медали Московского университета.

В 1865 году А. Л. Дювернуа был командирован за границу для углубленного знакомства с курсом сравнительной грамматики индоевропейских языков, в связи с введением этого курса в Московском университете. Ученый посетил университетские города — Берлин, Тюбинген, Иену, Гейдельберг, был в Вене, занимался в библиотеках Пражского университета и Лидея. Отчеты А. Л. Дювернуа о поездках свидетельствуют о всестороннем внимании ученого к истории славян. Интерес к этой теме он пронес через всю жизнь.

Магистерская диссертация А. Л. Дювернуа «Об историческом наслоении в славянском словообразовании» (1867) показала широкую осведомленность автора в области индоевропей-

ского языкознания, «всех славянских наречий и говоров».

Признавая научную ценность исследования, в частности привлечения малодоступных текстов, некоторые ученые, например И. В. Ягич, вместе с тем упрекали А. Л. Дювернуа в отсутствии «критической осторожности» при анализе целого ряда слов, неправомочности отдельных сопоставлений. Кроме того, ряд замечаний касался «замысловатой и неудобопонятной» формы изложения, вследствие перегруженности работы малоупотребительной терминологией (см.: Энциклопедия славянской филологии. Под редакцией И. В. Ягича. Вып. 1. СПб., 1910). Впоследствии П. А. Лавров, ученик А. Л. Дювернуа, отмечал, что «немало темных слов в наших рукописных памятниках нашли здесь [в диссертации] объяснение при посредстве сравнения с родственными славянскими наречиями» (Лавров П. А. Александр Львович Дювернуа. [Некролог]. — Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Московского университета. М., 1887).

Работа в университете шла успешно: в 1867 году А. Л. Дювернуа был избран доцентом по кафедре сравнительного языковедения и в связи с этим прочитал вступительную лекцию «О методе и успехах сравнительного языковедения». Через два года ученый получил кафедру славянских наречий и обра-

тился к исследованиям в области славянской культуры. Им были опубликованы два труда: «Юрий Подебрад, избранный чешского народа. Публичная лекция, читанная в Славянском комитете» и «Стапислав Звонимирский и Ян Гус. Две главы из истории Пражского университета» (Московские университетские известия, 1868, № 3 и 1870, № 9; 1871, № 1, 3, 5). За работу «Система основных элементов и форм славянских наречий» (1872) ему была присуждена степень доктора славянских наречий и вскоре после этого — звание профессора. В 1882 году А. Л. Дювернуа издал подготовленную О. М. Бодянским часть «Изборника Святослава 1073 г.» В статье, сопровождающей эту публикацию, он доказал, что Изборник восходит к славянскому переводу, который был написан глаголицей.

А. Л. Дювернуа был прекрасным педагогом: его отличала тщательность и основательность подготовки к занятиям. Читая разные языковедческие курсы (при отсутствии хрестоматий), он использовал специально подготовленные им пособия, так называемые Чтения (на церковнославянском, сербском, чешском, польском языках), которые раздавал студентам. Слушатели высоко ценили его лекции и отмечали их доступность и занимательность.

Еще со студенческих лет А. Л. Дювернуа привлекала

лексикографическая работа. В течение всей жизни он собирал материал для словаря древнерусского языка. В основу были положены выписки из рукописей Синодальной библиотеки и Румянцевского музея, летописи, Юридические и Исторические акты, грамоты и договоры преимущественно XV—XVII веков. Однако, узнав о том, что И. И. Срезневский собирается приступить к изданию составленного им словаря древнерусского языка, А. Л. Дювернуа замедлил, а затем и вовсе прекратил эту работу (рукопись имела такое название: *Glossarium linguae Rossicae veteris dialecti*). А. И. Соболевский отмечал, что в случае опубликования труд А. Л. Дювернуа представлял бы собой «прекрасное дополнение к словарю Срезневского» (РФВ, 1886, т. XV, № 1). «Материалы для словаря древнерусского языка» А. Л. Дювернуа увидели свет только после смерти ученого, в 1894 году, благодаря самоотверженным усилиям его жены, Г. А. Дювернуа, и учеников, подготовивших к изданию разрозненные наброски словарных статей.

Эта работа действительно во многих отношениях дополняет «Материалы» И. И. Срезневского, расширяя их хронологические и жанровые рамки. Так, многие слова имеют иллюстрации из более поздних источников; есть ряд слов, не зафиксированных И. И. Срезневским;

разборщикъ, разрътье, рычагъ, сполохъ, толокно, толчея, горшечникъ; приведены различного рода словосочетания типа: *лѣпшій [знатный] мужъ, исчезнути живота [умереть], дворячество с путемъ* [почетное звание, связанное с исполнением обязанностей дворецкого во время путешествия правителя], *двуморховый* [узорчатый, рельефный] *бархатъ* и др., нередко словосочетания выносятся автором в заголовочную строку: *Всѣсти на конь; Выдати пошлинѣ и старинѣ съ нашими государи*. Толкования слов даны на классической и средневековой латыни, изредка присутствуют грамматические пометы. Однако многие словарные статьи вообще не имеют толкований, иногда нет и иллюстративного материала, а даны лишь отсылки к соответствующему памятнику письменности. «Материалы» А. Л. Дювернуа содержат около 6 тысяч словарных статей и представляют собой ценное пособие по исторической лексикологии и лексикографии и наряду с «Материалами» И. И. Срезневского являются одним из источников «Словаря русского языка XI—XVII вв.»

Вторым лексикографическим «детинцем» А. Л. Дювернуа был «Словарь болгарского языка. По памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати» (вып. 1—9. 1885—1889). Источниками его явились как произведения ново-

болгарской письменности, так и отдельные лексикографические труды. Для приобретения новейших изданий на болгарском языке А. Л. Дювернуа, при своих довольно ограниченных средствах, в 1880 году совершил за свой счет поездку в Болгарию. В результате кропотливой работы, стоившей ученому много сил и здоровья, появился в печати первый выпуск Словаря (1885), приуроченный к 1000-летию со дня кончины Мефодия.

Напряженный труд над Словарем, активная преподавательская деятельность подорвали и без того слабое здоровье ученого. Он умер в 1886 году от воспаления легких. Участвовавший в издании посмертных выпусков Словаря П. А. Лавров писал в некрологе о своем учителе: «Благородная личность... не позволяла ему прибегать в тяжелых лексикографических трудах к посторонней помощи по крайней мере для черновой работы... в одном своем лице хотел понести труд зодчего и чернорабочего...». Ученые высоко оценили этот труд. Так, известный филолог, историк-славист и педагог М. С. Дринов (болгарин по национальности) писал: Словарь «дает более того, что можно было ожидать, судя по его заглавию. В объяснение слов автор вносит иногда чрезвычайно интересный сравнительно-исторический элемент... Поражающе своим обилем и разнообразием выписки, которые он...

приводит в своем словаре из памятников, записанных в разных концах болгарской племенной области, заключают в себе богатейший материал для изучения болгарского языка и со стороны грамматических его особенностей, а также и со стороны бытового его содержания» (Дринов М. О Болгарском словаре А. Л. Дювернуа. СПб., 1892).

Александра Львовича Дювернуа отличала большая разносторонность интересов и занятий. Скупые строки энциклопедических словарей не дают полного представления о личности

этого незаурядного человека, всю свою жизнь положившего на алтарь науки. Он был членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Общества любителей истории; сотрудничал в «Московских ведомостях», делал краткие биографические обзоры посетителей этнографических выставок.

Труды А. Л. Дювернуа по сравнительному языкознанию, славянскому словообразованию, его лексикографические работы не потеряли своей значимости и в наше время.

Читатель спрашивает

«В разных словарях приводится различное написание слова *фломастер*: как *фломастер* и *фламастер*. Как же правильно? Пожалуйста, уточните его значение».

Р. М. Суржина, пос. Заречный, Свердловской обл.

В предупредном слове существительного *фломастер* следует писать гласный *о*. Это слово заимствовано из английского языка. В англ.: *flowmaster* написание *ow* передает гласный [ou].

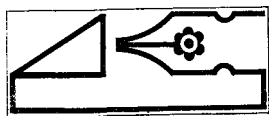
Так называют инструмент для письма в виде карандаша, содержащего пропитанный специальным красителем материал. Фломастеры широко применяются для выполнения оформительских работ.

Художественное слово

И. А. Бунина

О. Е. Вихрян

Роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» в ряду русской автобиографической прозы занимает особое место. В отличие от других произведений, созданных в этом жанре, бунинская книга — не просто мемуарные описания, не воскрешение давно отживших впечатлений, а художественное отражение, художественное переосмысление образа повествователя, в постоянном развитии и переменчивости. Не случайно Бунин категорически возражал против отождествления событий своей жизни с событиями, происходящими в «Жизни Арсеньева». В 1928 году в парижской газете «Дни» он писал: «...Я вовсе не хочу, чтобы мое произведение (которое, дурно ли оно или хорошо, претендует быть, по своему замыслу и тому, произведением все-таки художественным) не только искажалось, то есть называлось неподобающим ему именем автобиографии, но и связывалось с моей жизнью, то есть обсуждалось не как «Жизнь Арсеньева», а как жизнь Бунина. Может быть, в «Жизни Арсеньева» и впрямь есть много автобиографического. Но говорить об этом никак не есть дело критики *«художественной»* (Бабореко А. К. И. А. Бунин: Материалы для биографии. М., 1983, с. 47).

Правда, известно и другое суждение писателя по тому же поводу: «Можно при желании считать этот роман и автобиографией, так как для меня всякий искренний роман — автобиография... В любом произведении находят отражение мои чувства» (там же).

В обоих высказываниях — художественный подход Бунина к автобиографической тематике, отмеченный своеобразной авторской позицией, выраженной в романе с помощью композиции и языковых средств. В способе построения этого произведения усматривается орудельная система авторских оценок, отношения к изображаемому. Позиция автора в «Жизни Арсеньева» и позиция рассказчика, ведущего повествование, во многом близки, но не тождественны. Главные идеи в романе высказывает повествователь, и в его речи содержатся авторские оценки.

Проблема нравственного становления, «летопись душевной жизни» героя, история его духовного роста, творческого самосознания будущего писателя является ключевой в этом романе. Уже на первых страницах, где происходит знакомство с маленьким Алешей Арсеньевым, перед читателем предстает неординарный герой, воспринимающий окружающее образно и очень по-своему. Алеша еще почти ничего не знает об этом мире, и когда перед сном он смотрит в окно на одинокую звезду, она для него — средоточие всего таинственного, непознанного: «...поздним вечером, когда сад уже чернел за окнами всей своей таинственной ночной чернотой, а я лежал в темной спальне в своей детской кроватке, все глядела на меня в окно, с высоты, какая-то тихая звезда... Что надо было ей от меня? Что она мне без слов говорила, куда звала, о чем напоминала?» (Бунин И. А. Собр. соч. в 9-ти тт. Т. 6. М., 1966, с. 10; в дальнейшем цитируется это издание, курсив наш — О. В.).

Картина оживает с помощью олицетворения: звезда в восприятии героя «говорила», «звала», «напоминала». Необходимое впечатление создают в тексте и риторические вопросы.

Бунинский роман композиционно выстроен так, что его герой и повествователь на равных обладают правом голоса. Это позволяет автору с наибольшей убедительностью отразить самые важные, значимые моменты в формировании личности своего героя. Вот, например, как реализуется авторская позиция в детских описаниях Алеши:

«Всего же поразительнее оказалась в городе вакса. За всю мою жизнь не испытывал я от вещей, виденных мною на земле, — а я видел много! — такого восторга, такой радости, как на базаре в этом городе, держа в руках коробочку ваксы. Круглая коробочка эта была из простого лыка, но что это было за лыко и с какой несравненной художественной ловкостью была сделана из него коробочка! А самая вакса! Черная, тугая, с тусклым блеском и упоительным спиртным запахом! А потом были еще две великие радости: мне купили сапожки с красным сафьяновым ободком на голенищах (...) и ременную плеточку с свистком в рукоятке... С каким блаженным чувством, как сладострастно касался я и этого сафьяна, и этой упругой, гибкой ременной плеточки! Дома, лежа в своей кроватке, я истинно замирал от счастья, что возле нее стоят мои новые сапожки, а под подушкой спрятана плеточка. И заветная звезда глядела с высоты в окно и говорила: вот теперь уже все хорошо, лучшего в мире нет и не надо!»

Речь маленького Алеши передана здесь с помощью необычного сопоставления: «всего поразительнее» — «вакса» и словесного

ряда с положительной экспрессивной окраской: *восторг, радость, несравненная художественная ловкость, упоительный запах, блаженное чувство, замирал от счастья, все хорошо, лучшего в мире нет и не надо*. Образ далекой звезды приобретает черты определенности: она уже не *какая-то*, а *заветная*, и мальчику уже известно, о чем она «говорит». И риторические вопросы сменяются восклицанием...

По-иному реализуется оценочная позиция повествователя, когда он «по-взрослому» говорит о впечатлениях раннего детства: «Бедная была эта радость, столь же бедная, как и та, что испытывал я от ваксы, от плеточки (Все человеческие радости бедны, есть в нас кто-то, кто внушает нам порой горькую жалость к самим себе)». И уже перед читателем выстраивается совершенно другой словесный ряд: *бедная радость, горькая жалость*.

Таким образом, авторская позиция представлена здесь в виде двух противоположных точек зрения, высказанных героем и повествователем.

Постепенно, по мере взросления Алеши Арсеньева, позиции повествователя и персонажа сближаются, что немедленно выражается на языковом уровне. Это интересно проследить на примере изменения оценок одних и тех же событий, наблюдаемых героем в разное время. Особенно показательны впечатления Алеши — первое и последующие — от уездного города: «...На первом месте стоит *мое первое в жизни путешествие, самое далекое и самое необыкновенное из всех моих последующих путешествий*. Отец с матерью отправились в ту заповедную страну, которая называлась городом, и взяли меня с собой(...). Как въехали мы в город, не помню. Зато как помню городское утро! *Я висел над пропастью, в узком ущелье из огромных, никогда мною не виданных домов*, меня ослеплял блеск солнца, стеклов, вывесок, а надо мной на весь мир разливался какой-то дивный музыкальный кавардак: звон, гул колоколов с колокольни Михаила Архангела, возвышавшейся надо всем в таком величии, в такой роскоши, какие и не снились римскому храму Петра, и такой громадой, что уже никак не могла поразить меня впоследствии пирамида Хеопса...»

Во второй раз Алеша Арсеньев приезжает в город поступать в гимназию. Он подросток и смотрит на окружающее уже другими глазами: «Сказочная дорога в город, в котором я не был со времени моего первого знаменитого путешествия, самый город, столь волшебный некогда, — *все было теперь уже совсем не то, что прежде, ничем не очаровало меня*. Гостиницу возле Михаила Архангела я нашел довольно невзрачной, трехэтажное здание гим-

нази за высокой оградой, в глубине большого мощеного двора, я припал как нечто уже знакомое, хотя никогда в жизни не входил я в такой огромный, чистый и гулкий дом».

В юности взгляд героя становится еще более «приземленным»: *«Город был теперь другой, совсем не тот, в котором шли мои отроческие годы. Все было простое, будничное,— только иногда, проходя по Успенской улице мимо сада и дома гимназии, ловил я что-то как будто близкое душе, когда-то пережитое».*

На глазах читателя бунинский герой взрослеет, заметно меняется его отношение к окружающему миру, происходит переоценка ценностей, и это находит отражение в использовании автором художественных средств, в первую очередь таких, как приемы гиперболизации, олицетворения и др. Сначала: город — «волшебный», «заповедная страна»; повсюду: «величие», «роскошь»; первое в жизни путешествие кажется герою «необыкновенным», перед ним простирается «сказочная дорога»; потом — «все... уже совсем не то», и это другое «ничем не очаровало», «город был теперь другой», «все было простое, будничное». А ведь казалось бы совсем недавно, в детстве: «висел над пропастью, в узком ущелье... никогда... не виданных домов», и тогда его «ослеплял блеск солнца, стеклов, вывесок», и вот уже в отрочестве совсем иная картина: «гостиницу... я нашел довольно невзрачной».

Эти примеры наглядно убеждают, что позиции повествователя и героя постепенно сближаются. И напротив, границы художественного пространства и времени в этом романе зримо расширяются. Подобный ретроспективный взгляд органично входит в систему авторских оценок в романе, для Бунина это так же важно, как и проблема памяти.

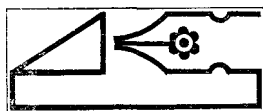
Бунин отмечал в свое время: «Ничто не определяет нас так, как род наших воспоминаний» (Бунин И. А. Повести и рассказы. Л., 1985, с. 626). «Жизнь Арсеньева» — роман-воспоминание. Не случайно слово *помню* встречается на его страницах около сорока раз. Столь же частотно использует автор такие слова, как *память*, *воспоминание*, *запоминание*, что позволяет соединить воедино два временных плана — прошлое и настоящее повествователя.

Разумеется, трудно в небольшой статье раскрыть эстетическое богатство бунинского романа «Жизнь Арсеньева». Но даже краткое рассмотрение его некоторых художественных особенностей позволяет судить об авторской позиции, иерархически вбирающей в себя точки зрения повествователя и персонажа. А это, думается, в какой-то мере приоткрывает священную тайну мастерства замечательного русского писателя.

«Не покладая рук...»

Тема труда в образных выражениях

Т. А. Зуева

Своеобразие жизни того или иного народа, строй мыслей и чувств находят свое непосредственное отражение в его языке. В этой статье рассказано о фразеологических оборотах. Обладая свой-

ством яркой выразительности, они в отличие от слов не только называют, но и определенным образом оценивают обозначаемые ими явления окружающего мира. В них в образной форме выражается мнение народа, его взгляд на жизнь.

Наиболее тесно связаны с повседневной жизнью народа, его бытом фразеологические обороты, характеризующие трудовую деятельность человека. «Жизнь и труд рядом идут», — издавна гласит народная поговорка. Фразеологизмы передают ту нравственную атмосферу, в которой живет, трудится, строит свои взаимоотношения рабочий человек. Глубокие жизненные наблюдения и социальные обобщения народа-труженика, высоко ценящего труд, умеющего и любящего трудиться, лежат в их основе.

Трудовая деятельность человека довольно разнообразно представлена в этих фразеологических оборотах.

Так, о профессиональных навыках говорится во фразеологизмах *золотые руки*, *мастер своего дела*, *на своем месте*, *средней руки*, *гайка слаба*. Приведем примеры из языка художественной литературы: «Мишка Пряслин неожиданно для всех стал незамеченным кузнецом. *Золотые руки* оказались у парня!» (Абрамов. Братья и сестры); «Бывший бригадир пчеловодов Дементьева пошла на пасеку. Но одно дело — руководить, а другое — самой работать, и не просто работать, а быть *мастером своего дела*» (Можаяев. В Солдатове у Лозового); «Шутить-то ты [Любишкин] умеешь, факт, а вот работу поставить — *гайка у тебя слаба!* Тоже, бригадир!» (Шолохов. Поднятая целина);

о неравнодушном отношении к делу, умении работать увлеченно, творчески — *вкладывать душу*, *по душе*, *с огоньком*, *окушаться* (*погружаться*, *уходить*) *с головой*: «Каждый стоял на своем, а особенно Родион Потапыч, *вложивший* в новое дело *всю душу*. Это был своего рода фанатизм коренного промыслового человека» (Мамин-Сибиряк. Золото); «Как вам сказать... Характер

у меня покладистый, работать я привык, а все дело в том, что труд имеет смысл ведь только тогда, когда он *по душе*» (Мамин-Сибиряк. На большой дороге).

С большим уважением отзывается народ о тех, кто трудится добросовестно, с полным сознанием ответственности за порученное ему дело, и критикует работу, выполненную небрежно, плохо, наспех, — *на славу, пальца не подсунуть, по всем правилам искусства, тям-ляп (тяп да ляп, тям и ляп)*: «Новую шинель уж я вам сошью *на славу*» (Гоголь. Шинель); «Вот нынче потолкуем. Он у меня парень-то дельный; ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так *пальца не подсунешь*» (Островский А. Свои люди — сочтемся!).

Во фразеологизмах *лодыря гонять, лежать на боку (печи), праздновать лентяя, гранить мостовую* пренебрежительно говорится о тех, кто ведет праздный образ жизни, о лентяях, болтунах, бездельниках: «Прохор поднял на Протасова крупные, строгие глаза, сказал: „Надо украшать землю, обстраивать, а не *лодыря гонять*“» (Шишков. Угрюм-река); «Наивные байбаки *лежат себе на печи* и ничего не делают...» (Тургенев. Дворянское гнездо).

Известно, что труд не всегда был неизменным по своей социальной и общественной сути. Тяжелый подневольный труд на «хозяина», помещика, капиталиста, запечатлен во фразеологизмах *гнуть (ломать) спину (горб, хребет); тлнуть (вытлывать) жилы; выжимать сок*: «Все эти Анны, Марьи, Пелагеи с раннего утра до потемок *гнут спины*, болеют от непосильного труда» (Чехов. Дом с мезонином).

Меняется жизнь, характер социальных отношений, и уходят в прошлое, теряют свой прежний смысл фразеологизмы, воспроизводящие старые рабские отношения между людьми, основанные на эксплуатации человека человеком. Мы встречаемся с ними в основном в произведениях художественной литературы, где они используются с определенными стилистическими целями: передают колорит эпохи, создают достоверность изображаемых ими событий (о чем и свидетельствуют приведенные примеры).

Иным содержанием наполняется труд в социалистическом обществе, становится по-настоящему свободным, творческим. Эти изменения и определяют употребление фразеологических единиц, характеризующих трудовую деятельность человека. В них находит свое выражение рост творческой активности, сознательности народных масс. Особенно наглядно свидетельствуют об этом материалы современной печати:

«А где же наша настойчивость, где принципиальность рабочих-коммунистов? Почему не спрашиваем с формалистов и не

засучиваем рукава сами? Нужно самим брать дело в свои руки, не надеяться на готовенькое, а ускорять развитие экономики» (Правда, 1986, 19 июля); «*Нельзя в обстановке перестройки сидеть сложа руки, ждать, когда на хорошую идею получишь добро сверху, или руководствоваться устаревшими инструкциями, которые не отвечают новым требованиям*» (Правда, 1986, 12 июля).

Приведенный материал показывает, что большинство фразеологических единиц этой тематической группы имеет прозрачную внутреннюю форму. Их целостное значение возникает либо на основе метафорического переосмысления омонимичного свободного словосочетания: *палец (пальцем) о палец не ударить, пускать мыльные пузыри, загыкать (лагать) дыры (прорехи), ходить (слоняться) из угла в угол*; либо формируется на основе какого-то одного, ведущего в смысловом отношении компонента: *не за страх, а за совесть; служить верой и правдой; мастер на все руки; скор на руку* — здесь такими компонентами являются слова *совесть, вера, правда, мастер, скор*.

Повышенной экспрессивностью отличаются те фразеологические обороты, в основе внутренней формы которых лежит нереальная ситуация, их значение строится на основе «соединения несоединимого»: *носить воду решетом, толочь воду в ступе, переливать из пустого в порожнее, пылью торговать, решетом в воде звезды ловить*.

Образность большинства фразеологизмов предельно конкретна; она основана на представлении о бытовых предметах: *вертеться колесом, садиться не в свои сани, на живую нитку*; о частях тела человека: *не ударить лицом в грязь, разиня рот, на большой палец*; о животных, насекомых: *вертеться (кружиться) как белка в колесе, комар носа не подточит*; о различных трудовых процессах: *ни шить, ни распороть; лапти плести; без сучка, без задоринки (без сучка и задоринки)*. Следует отметить, что в состав многих фразеологизмов входит слово *рука* в различных надежных и числовых формах: *руки чешутся, приложить руку, не утруждая рук, горит в руках, стоять руки в брюки, набивать руку*.

Смысловое значение фразеологизма тесно связано с грамматическим. Это в полной мере относится и к описываемой группе, ядро которой составляют глагольные фразеологизмы: *считать ворон (галок), натирать мозоли, стоять на своем посту, умываться пбтом*. Наряду с глагольными употребляются и наречные обороты: *через пень колоду, в поте лица, не разгибая спины, с прохладцей (прохладцем)*. Выступая в составе сказуемого, они дают качественную характеристику выполненной работе: «Всемерно

поощряя инициативный, высокопроизводительный труд, одновременно нужно строго взыскивать с тех, кто работает, как говорится, „*через пень-колоду*“.., нарушает трудовую дисциплину» (Правда, 1986, 20 сент.). «Он, Иннокентьев, именно что делает дело, работает *в поте лица*, и польза от этого не ему одному...» (Новый мир, 1986, № 4).

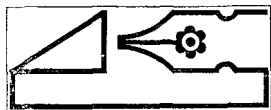
Тесно связанные с трудом человека, описываемые фразеологизмы имеют, как правило, разговорную стилистическую окраску. Писатели используют их преимущественно в речи героев своих произведений как средство выразительности. Так, например, в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина», основным героем которого является народ, строящий новую жизнь в деревне, они характеризуют речь деревенских тружеников — Любишкина, Шалого, Вари Харламовой: «— Зараз работает у меня [Любишкина] двенадцать плугов. Плугарей насилу собрал. Один Кондрат Майданников *ворочает, как бык*, а что Аким Бесхлебнов, Круженков... и другие, то это горячие слезы, а не плугари!— Но Шалый властно повел рукой, будто отстраняя этот никчемный довод, сказал: — Раньше, в единоличной жизни, ты [Островнов] на работу был злой, по-волчьему, без упуска, хватался за любое дело, лишь бы копейку лишнюю тебе где-нибудь сшибить, а зараз ты работаешь *спустя рукава*, как все одно для отвода глаз...»; «— Он [Обнизов] с себе последнее съмет, лишь бы нашим помочь! Он *рук не будет покладать* на работе!..»

В сказах П. П. Бажова фразеологизмы создают живую меткую речь дедушки Слышко: «Старшие ребята зарабатывать маленько стали, да и Танюшка *не сложа руки* сидела. Она, слышко, научилась шелками да бисером шить». Он, этот человек-от, ученый был, тоже из вольных... Прощение написать, пробу смыть, знаки оглядеть — все *по совести* делал, не как иные прочие...» (Малахитовая шкатулка).

Таким образом, тематическое многообразие фразеологических единиц, характер их мотивировки, отмеченные смысловые и грамматические особенности позволяют выделить эту группу в качестве самостоятельной из фразеологического состава современного русского языка. Активное употребление их в речи свидетельствует о том, что они являются одним из основных средств характеристики трудовой деятельности человека в языке.

Смоленские отказные книги XVII века

В. С. Картавенко

Трудно переоценить значение любых источников по истории Смоленской земли в связи со сложностью судеб этого края. Если памятники письменности северных земель сохранились в громадных количествах, то смоленские, дошедшие до нас, уцелели чудом. Только во время Великой Отечественной войны смоленские архивы были разграблены и многие ценнейшие материалы увезены и не найдены до настоящего времени.

Среди сохранившихся смоленских памятников письменности — отказные книги XVII века, до сих пор еще не исследованные лингвистами. А между тем важность их исследования с точки зрения лексики не вызывает сомнений, поскольку они позволяют выявить интересные сведения, восполняющие недостающие звенья в истории языка.

На важность изучения отказных книг первым указал С. И. Котков. Под его руководством была подготовлена и осуществлена публикация южновеликорусских отказных книг XVII века.

Смоленские же отказные книги до последнего времени были неизвестны лингвистам и поэтому пока еще не вошли в научный оборот. Лишь недавно они взяты из запасников Центрального государственного архива древних актов (ф. 1209). Всего в нем насчитывается двенадцать книг, хронологические рамки которых определяются с 1655 по 1701 год.

Написаны они скорописью (так называлось быстрое слитное рукописное письмо), со свойственными этому письму характерными признаками, в частности пропуском гласных (напр., *дрвня* вместо *деревня*, *книги* вместо *книжки* и др.), передачей цифр буквами, отсутствием знаков препинания, как и в других документах XVII века. Отсутствует в текстах буква *и* краткое: *черной ручи*.

Почти во всех книгах есть точные указания на принадлежность писцов к смоленским уроженцам: «А отказывал и отказные книги писал белские приказной избы подъячей Гришка Екимов веленью руку приложил».

Отказными книги назывались потому, что должны были состояться из своеобразных документов — *отказов*, закреплявших передачу земельных угодий военным служивым людям за несение государевой службы. Начинались они указанием, на основании каких распоряжений и по «чьему челобитью» возбуждается дело об отказе; потом назывались люди, которые должны были выехать на место и заниматься выяснением дела, «участвовать (свидетельствовать) при отказе», перечислялись угодья, указывались точные границы земельных владений; итогом был заключительный акт — отказ челобитчику земельных угодий.

Такая строгость композиции характеризует отказные книги как деловые документы. Вместе с тем в их содержании отразилось богатство языка того времени. Часто писец не ограничивался простым перечислением фактов, а очень подробно описывал то или иное земельное владение. В таком случае скупой юридический документ превращался в довольно красочное и яркое описание. Именно такой пространный рассказ представляет большой интерес с лингвистической точки зрения. Содержание рассматриваемых книг отразило многие стороны тогдашней жизни, но особенно ярко в них представлена географическая терминология. Большую роль в ее формировании сыграл народно-разговорный язык, ставший одним из основных источников научной терминологии. Довольно часто такие слова и даже слова диалектные становились географическими терминами. Так, *лука*, *излучина*, *верховье*, *мыс* пришли из народно-разговорного языка и являются сейчас общепринятыми географическими терминами.

Слово *лука* употреблялось в смоленских говорах XVII века в значении «изгиб берега, изгиб, поворот реки». Об этом и свидетельствуют данные отказных книг: «К дровне Сирушеве сешных покосов по реке Днепру в луках подле перевозу на двести копен»; «Пашни и перелогу и лесной поросли шесть волок сешных покосов по реке Медведке по лукам и по заполю и по закустьем на пятьдесят копен». Сейчас слово *лука* входит в состав современного русского литературного языка и является термином в географической науке.

Слово *излучина* бытовало в смоленском диалекте с аналогичным значением: «С старые дороги рвом до речки Лосменки рвом на излучину». В конце XVIII века оно входит в состав русского литературного языка, о чем свидетельствует его фиксация в «Словаре Академии Российской» 1806 года. В настоящее время слово не только является литературным, но и входит в состав географической терминологии.

Верховье в XVII веке наряду с понятием «вершина» (горы) обозначало и «исток реки»: «Та речка Каменка розахлась по болоту и тем болотом просто в верховье речки Перинки и прошод небольшое от верховья речкою Перинкою вниз по правую сторону па берегу той речки Перинки...» и т. д. Еще в конце XVIII века *верховье* воспринималось как простонародное, на что и указывает «Словарь Академии Российской» 1789 года. Однако уже в «Словаре Академии Российской» 1806 года слово приведено без помет. В научной географической литературе с 30-х годов XVIII века преобладающим среди названий, обозначающих начало реки, становится именно *верховье*. Этот термин широко употреблял и М. В. Ломоносов.

Слово *мыс* — «часть суши, острым углом вдающаяся в водное пространство» также представлено в смоленских отказных книгах XVII века: «А с того ручья мхами ж в остров мыс из мысов мхами ж в речку Везовню большую». Оно засвидетельствовано уже в «Лексиконе Вейсмана» 1731 года. Сейчас оно является общеупотребительным и принято в качестве термина в географической науке.

Отказные книги интересны и тем, что в них представлена лексика, не получившая отражения в других письменных памятниках и не зафиксированная лексикографическими трудами.

Например, группа слов, связанная с названиями леса: *берносечка*, *закустье*, *старосека*.

Берносечка, судя по контексту, обозначало «место в лесу, где рубили деревья на бревна»: «Отказано ему Казимеру Кузмицкому дрвни Кузнецовой от границы Хоневской и Швердинской в третьем поле волока земли на ней пашенная земля да бернасечка и той бернасечке пашенная земля и лес...»

Старосека — «место в лесу, где раньше рубили деревья»: «В Лошкареве в сенных покосех в старосеке...»

Слова *берносечка* и *старосека* не выявлены пока в других памятниках, и это позволяет предположить, что их распространение было ограничено в XVII веке Смоленским краем. В дальнейшем эти слова, очевидно, вышли из употребления — в лексикографических трудах они не отмечены.

Слово *закустье* употреблялось в смысле «место за кустами»: «Пашни и перелогу и лесной поросли шесть волок сенных покосов по реке Медведке по лукам и по заполью и по закустьем на пятьдесят копен». В XIX—XX веках слово продолжает бытовать в говорах. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля оно поясняется как «место за кустами, по ту сторону кустов». В настоящее время, по свидетельству «Словаря русских

народных говоров», слово *закустье* известно с тем же значением в ярославских говорах.

Не зафиксированы в других памятниках, кроме смоленских, слова *лужевица*, *лужмина* с общим значением — «низкое место, луг у реки»: «Того ж сена Пнева сеньные покосы к дрвие по реке Днепру по обе стороны в луках в лужевице...»; «к тем пустошем истари належит со всякими угоды по старым межам и копцам и граням и урочищам с пашными нивы и с сенокосными луги и с малыми лужки и с лужмины...»; «да на Оболоне сеньных покосов на пятнадцать копен».

Залив, излучину реки обозначали словами *завонь*, *лучка*: «Да тот же дрвни Усове пашенная земля за рекою завонь с танею»; «По реке Малохве сеньных покосов по обе стороны обытока с лучкою да лучка меж царевых лук».

Составные термины *мох журавник* и *мох ковчеватик* (*ковчеватик*) соответственно обозначали «моховое болото, поросшее клюквой» и «моховое болото с кочками»: «От коктя в мох журавник от того мху лесом черным пашенным»; «...у мху ковчеватика да за мхом чистиком тритцать одна четь [четверть] с осминою».

В смоленском диалекте в настоящее время известно слово *журавина* — «клюква», с этим же значением оно входит в словарный состав литературного польского и белорусского языков. Слово *кочка* в современных тамбовских говорах обозначает кочку.

Содержание смоленских отказных книг XVII века подтверждает, что описываемые документы являются важнейшим источником по изучению словарного состава смоленского диалекта рассматриваемого периода.

Смоленск

Э. А. Вартањян

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ, ИЛИ ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Новая книга известного популяризатора лингвистической науки Э. А. Вартањяна, вышедшая в издательстве «Детская литература» (М., 1986), адресована школьникам старших классов. Содержащиеся в ней занимательные топонимические рассказы представляют интерес и для широких кругов любознательных читателей.

В живой и увлекательной форме автор повествует об истории многочисленных русских и иноязычных географических названий от древнейших времен до наших дней. Э. А. Вартањян рассматривает мотивы наименования, языковую принадлежность топонимов, их значение и происхождение, а также те изменения, которые топонимы претерпевают с течением времени.

На карте нашей Родины немало географических названий, связанных с именами революционеров и ученых, гениальных мыслителей и первопроходцев, государственных и общественных деятелей, военачальников, выдающихся представителей литературы и искусства. В книге интересно рассказано о таких названиях, как *Ильичевск*, *Пушкин*, *Лев Толстой*, *Архипо-Осиновка*, в которых запечатлена благодарная память современ-

ников и потомков. Как справедливо отмечает автор, топонимы, присвоенные географическим объектам в честь выдающихся людей нашего Отечества, — это своеобразная вторая жизнь замечательных людей.

Повествуя об истории одного из таких имен — мужском имени Камо, популярном в настоящее время на Кавказе, — автор привлекает факты, малоизвестные широкому читателю. Все знают, что в этом имени отражена память о легендарном революционере С. А. Тер-Петросяне, которого В. И. Ленин характеризовал как человека «совершенно исключительной преданности, отваги и энергии», а М. Горький называл «художником революции». Однако не всем, по-видимому, известно, как появилось имя *Камо*. По своему происхождению оно является не личным именем, а прозвищем, возникшим из дружеской шутки. Сам Камо вспоминал об этом так: «Когда я учился в Горьком городском училище, товарищи в шутку стали называть меня Камо или Камо после того, как однажды, отвечая на вопрос учителя, я вместо „чему“ сказал „каму“». Так дружеское прозвище стало партийным псевдонимом революционера, этим именем назван

и городок в Армении близ озера Севан.

Среди большого количества разнообразных топонимов в книге Э. А. Вартапяна рассмотрены географические названия, образно говоря, побывавшие под прессом. Это сложносокращенные слова и аббревиатуры, активно образующиеся в современном русском языке. Многие из них вполне привычны для нас, мы легко можем объяснить происхождение таких названий, как *Евразия*, *Сенегамбия*, *Турксіб*, *БАМ*, *КАТЭК*. А как «расшифровать», например, название *Кимовск*? Познакомившись с книгой, читатель узнает, что свое имя город *Кимовск* Тульской области получил в 1952 году в честь Коммунистического интернационала молодежи.

В книге Э. А. Вартапяна собрано много интересных случаев, связанных с переходом собственных имен (географических названий) в нарицательные по принципу «место — изделие». Например, во французском курортном городе *Пломбьер* впервые «изобрели» мороженое, приготовленное из сливок, фрук-

тов, ягод, цукатов и крема. Несмотря на то, что к настоящему времени содержание лакомства претерпело изменения, оно не стало от этого менее популярным. Название мороженого закрепилось в русском языке через посредство немецкого языка в форме *пломбир*. Так географические названия оставляют свои многочисленные автографы.

В конце книги читатель найдет указатель топонимов, который поможет ему отыскать интересующие его названия, и список литературы по топонимике — знакомство с ним позволит расширить и углубить представления об особенностях функционирования географических названий. Рассказы о жизни и приключениях топонимов читаются с интересом. Можно надеяться, что новая книга Э. А. Вартапяна с вниманием будет встречена читателем и займет свое достойное место в ряду других научно-популярных работ о географических названиях.

А. В. Барандеев,
кандидат филологических наук

В. К. Былинин, А. В. Грихин САТИРА XI—XVII ВЕКОВ

В 1986 году в серии «Сокровища древнерусской литературы» издательство «Советская Россия» выпустило книгу «Сатира XI—XVII веков», подготовленную кандидатами филологических наук В. К. Былининым и А. В. Грихиным. Издание впервые полно представляет процесс развития древнерусской сатиры от ее истоков, восходящих к первым векам древней русской литературы. До сих пор мы были знакомы с одной древне-

русской сатирой — демократической сатирой XVII века, глубоко проанализированной и опубликованной в трудах В. П. Адриановой-Перетц. Это хорошо известная ныне литература городских низов, направленная против светских и духовных властей, социальной несправедливости и распространенных пороков. Демократическая сатира «бунташного» столетия хорошо представлена и в новом издании, но уже как часть значи-

тельно более глубокого и обширного потока русской сатирической литературы. Большинство текстов, представленных в книге и снабженных переводом и хорошими комментариями, до сих пор были неизвестны широкому читателю. Многие сочинения не были известны и специалистам: они впервые публикуются и даже впервые упоминаются в научной литературе.

До своего бурного расцвета в XVII веке русская сатира прошла длинный путь, отмеченный немалыми достижениями. Ее истоки восходят к XI веку, когда в литературе начинает формироваться сатирический стиль. Его элементы прослеживались еще в традиционной литературе, которую Древняя Русь усвоила с принятием кириллической письменности. Среди распространявшихся на Руси книг была не только богословская, но и учительная литература, «гомилетика». Обличая, часто весьма язвительно, «супротивные» христианству обычаи и действия, священное писание и сочинения различных «отцов церкви» служили зарождению сатирического стиля, который переносился на русскую почву в живых, ярких словах русских проповедников: Серапиона Владимирского, Даниила Заточника и многих других.

Следует подчеркнуть, что обращение к предысториям сатирического стиля в литературе Древней Руси во многом определяется как происхождением наиболее ранних русских сочинений из церковной среды, так и трудностями изучения народной языковой культуры столь раннего времени. Связь зарождения сатирического стиля с традиционной переводной литературой, прослеживаемая по источникам, не приводит к отрицанию мысли, что нечто по-

добное уже существовало к тому времени в народной культуре. Ведь и в сатирическом описании новгородских бань в «Повести временных лет», и в «мирских притчах» «Моления» Даниила Заточника, и в ряде других текстов влияние народной сатиры несомненно присутствует.

Развитие сатирического стиля соответствовало обострению социально-политических и идейных противоречий в русском обществе. «Великое разорение» второй половины XVI века соответствовало той стадии, когда сатира готова была вылезнуться в собственно сатирическую литературу. Это и произошло в «Смутное время» начала XVII столетия. Острейший накал социально-политической и идейной борьбы в ходе гражданской войны и иностранной интервенции определил появление публицистики резко-обличительного стиля, превратил сатиру в самостоятельное оружие борьбы.

Опубликованные в книге сатирические тексты условно разделены по своей направленности на несколько групп (имеющих и более дробное деление): сатиру политическую, социальную, бытовую и церковную.

Интереснейший раздел книги составляет политическая сатира. Читатель встретит здесь рассказы из «Повести временных лет», яркие отрывки из переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским, остро-сатирические послания патриотов «Смутного времени» к интервентам и «всем изменникам», казаков в Азове — турецкому султану и другие... Не могут не привлечь внимания сатирические портреты и характеристики современников: епископов, митрополитов, патриархов и князей XIV—XV вв., Бориса Годунова и самозванцев, бояр и духовенства в «Смутное время».

Глубокие корни социальной сатиры прослежены составителями уже в «Слове Даниила Заточника». Через древнерусские литературные сборники и летописи, сочинения Максима Грека, народные стихи и стихотворные послания И. Фуникова и А. Подольского ведет нас книга к огромным богатствам социальной сатиры XVII века.

В разделе, посвященном древнерусской бытовой сатире, составители знакомят читателя с остроумными текстами Киево-Печерского патерика, притчами, словами Максима Грека, митрополита Даниила, Ивана Грозного, стихами неизвестных поэтов периода «Смуты» и Симеона Полоцкого, сатирами Аввакума Петрова и Феофана Прокоповича, «смеховными» рецептами и советами, пьесами и повестями, горестно-насмешливым «Размышлением подьячего о жизни своей по алфавиту» С. Левицкого и множеством других сочинений, как в зеркале отражающих проблемы русской жизни на протяжении многих веков.

О выдающейся роли церковной сатиры в формировании этого жанра древнерусской литературы свидетельствуют замечательные памятники, использованные в последнем разделе книги: поучение Серапиона и послания Геннадия Новгородского, сочинения Иосифа Волоцкого против еретиков и «Написание» Ивана Наседки о Марти-

не Лютере, «Изложение на лютеры» и стихотворная сатира на русское духовенство, «Калязинская челобитная» и пламенные, полные сарказма обличения протопопа Аввакума. Книга показывает, что церковная сатира не всегда была реакционной, что в религиозной форме шла борьба передовых и консервативных элементов общественной мысли.

С горечью приходится сознавать лишь то, что это прекрасное издание стало последней работой замечательного филолога Вячеслава Андреановича Грихина, автора многих книг и фундаментальных исследований по истории древней русской литературы. В расцвете творческих сил оборвалась жизнь ученого, посвятившего ее благороднейшей задаче — возвращению русской культуре забытых сокровищ русского языка и литературы. Талантливый ученый и педагог, он успел за свою короткую жизнь не только создать научные труды, но и воспитать, взрастить немало достойных учеников, продолжателей своего дела. Книга «Сатира XI—XVII веков» — одно из многих свидетельств его неутомимой деятельности на благородном и привычном для него поприще бескорыстного служения науке, обществу, Родине.

*А. П. Богданов,
кандидат исторических наук*

«Князю Игорю не быть!»

В. К. Котельников,
кандидат филологических наук

«Слове о полку Игореве» много так называемых «темных мест», не поддающихся расшифровке и, естественно, затрудняющих перевод древнерусского текста. Таким «темным местом» считается и инфинитивная конструкция в отрывке, где повествуется о побеге Игоря из половецкого стана.

«Комон в полуночи Овлур свисну за рекою:
велит князю разумети;
«Князю Игорю не быть!» — кликну.
Стукну земля, въшумé трава,
вежи ся половецкий подвизашася;
а Игорь князь поскочи горностаем к тростию,
и белым гоголем на воду».

И хотя перевести ее, на первый взгляд, легко (есть синтаксические аналоги в современном русском языке), грамматическое оформление и смысл этой структурной единицы вызывают недоумение.

1. Данная фраза по смыслу не сочетается с последующим изложением. *Князю Игорю не быть!* равнозначно *Князю Игорю не жить!* К тому же форма инфинитива подчеркивает неизбежность события. Эти слова вкладываются в уста Овлура, который и не пытается уничтожить Игоря, а напротив — помогает ему бежать из плена. Если же считать эту фразу пророческими словами автора, предвосхищением событий, последующих за побегом, то и они не сбываются, в отличие, например, от слов: «Быти грому великому! Итти дождю стрелами с Дону великаго!»

Осознавая несостоятельность этой фразы в том виде, как она представлена в тексте «Слова», переводчики пытаются расширить ее.

Первый такой опыт принадлежит А. И. Мусину-Пушкину (1788). В его переводе предложение «Князю Игорю не быть!» выглядит: «Князю Игорю тамо не быть!»

Эта идея в наше время развита В. И. Стеллецким (1981). «Я понимаю, — пишет исследователь, — эти слова как слова Овлура. Грамматически это место в тексте разясняется как безличное инфинитивное предложение, выражающее сильное желание, и с совершенно закономерным в этом случае дательным падежом

князю Игорю при инфинитиве... Я предполагаю,— продолжает он,— здесь генетическое стилистическое родство с фольклором, в частности с народными заклинаниями. Выражение „Князю Игорю не быть!“ сжато передает основную часть часто встречающейся формулы „отсыла“ народных заклинаний: „тут тобі не бути“, „тебе тут не быть“ и т. п.»

Расширяет инфинитивную конструкцию при переводе и Д. С. Лихачев (1983), оставляя эти слова за автором:

«Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
велит князю разуметь:
князю Игорю не быть в плену!
Кликнула,
Стукнула земля...»

Другие исследователи «Слова» это предложение вообще опускают или трансформируют, заменяя грамматические формы или слова:

«В полночь Овлур свистнул коня за рекою; велит князю не дремать. Кликнул; стукнула земля, зашумела трава...» (И. П. Еремин, 1957). «Князя Игоря нет!» (Д. Н. Дубенский, 1844. А за ним — С. Шамбинаго, В. Ф. Ржига, 1934; Н. К. Гудзий, 1938); «Князю Игорю (понять) не пришлось» (А. С. Орлов, 1938).

2. Вызывает сомнение форма инфинитива на *-ть* (*не быть*). Дубенский в 1844 году полагал, что *не быть* — сокращение *не быти*. Но текст «Слова» не подтверждает такого предположения. Из тридцати восьми форм инфинитива, встречающихся в повести, тридцать семь оформлены суффиксом *-ти*, и только одна форма — суффиксом *-ть*. Три раза автор «Слова» употребляет глагол *быти* («Иудеж бы потяту быти, неже полонену быти! Быти грому великому!»), и вдруг — *не быть*! С. П. Обнорский (1953) отмечал, что формы инфинитива на *-ть* в живом русском языке появились в XII—XIII веках в период наделения редуцированных гласных *ъ* и *ь*, то есть в то время, когда разворачивались события поэмы и когда она была создана, но в литературном древнерусском языке вплоть до XVIII века регулярно использовались формы инфинитива на *-ти*. Следовательно, *не быть* в поэме нельзя вообще рассматривать как инфинитив.

3. Безличные инфинитивные конструкции несут в себе пассивное значение. Поэтому из абзаца, в котором дается цепь конкретных активных действий (*свистнул, велит разуметь, стукнула, задвигались* и т. д.) конструкция *Князю Игорю не быть!*, если ее не оформить прямой речью, выпадает. Она искусственна, не вписывается в контекст ни с точки зрения ритма, ни с точки зрения

синтаксиса. Нельзя ее считать и фразеологизированной структурой, поскольку для нее в чистом виде нет аналогов ни в древнерусском, ни в современном русском языках, ни в русских народных говорах, а любое расширение этой конструкции меняет значение *не быть*. Сравним, например: *не быть тебе* — умереть, не существовать; *не быть тебе тут* — уйти, уехать; *не быть тебе князем* — не властвовать, не править. Поэтому сомнительно, что автор «Слова», тонко чувствующий язык, сжал эту фразу за счет такого короткого слова, как *тут* или *там*.

Вполне вероятно, что анализируемой синтаксической конструкции в тексте «Слова о полку Игореве» вообще не было. Она возникла в результате ошибочного деления текста на предложения еще А. И. Мусиным-Пушкиным. И эта ошибка повторяется от издания к изданию. Ведь текст абзаца может быть реконструирован и другим образом:

«Комон в полуночи Овлур свисну за рекою:
велит князю разумети, князю Игорю.
Небыть кликну: стукну земля, въшуме трава,
вежи ся половецкии подвизашася.
А Игорь князь поскочи горностаем к тростию,
и белым гоголем — на воду».

При такой расстановке фраз текста, во-первых, выдерживается ритмический рисунок абзаца. Во-вторых, в конструкции «велит князю разумети, князю Игорю» наблюдается вполне логичная конкретизация, так как в половецком стане кроме Игоря были еще три русских князя. К тому же в «Слове» случаи аналогичной конкретизации — не редкость: «... о пълку Игореве, Игоря Святъславлича»; «...были пълци Олговы, Ольга Святъславлича»; «Плачет мать Ростиславля по уноши князи Ростиславе».

В-третьих, в русском языке наряду с формой инфинитива *не быть* есть имя существительное *небыть*. Оно зафиксировано Далем и находится в одном словарном гнезде со словами: *небывалый, небывое, небыль, небылица, небывальщина, небытие, небытие, небытность, небытик*. Слово *небыть*, к сожалению, Даль не объясняет и примерами не иллюстрирует.

Небыть образовано по той же словообразовательной модели, что и имя существительное *нежить* и, очевидно, между ними есть такая же синонимическая связь, как и между словами *быть* и *жить*. Слово *нежить*, в свою очередь, является собирательным для обозначения фантастических существ (леших, домовых, полевых, водяных, русалок, кикимор) в старых языческих верованиях, а Игореве песнь насквозь пропитана язычеством. Это и упоминание языческих богов (Велес, Стрибог, Дажьбог, Хорс), включение в

текст символических названий скорби и печали (Карна, Жля) и сил природы (солнце, ветер, вода). Поэтому слово *небыть*, обозначающая какого-то злого духа, препятствующего побегу Игоря из плена в полночь, легко вписывается в текст песни. *Кто-то* откликнулся, *кто-то* стукнул по земле, *кто-то* зашумел в траве. Для автора, верующего в духов, это прежде всего *нечисть*, которую он и обозначает словом *небыть*.

Глагол *кликну* и имя существительное *клик* в «Слове о полку Игореве» встречаются только в предложениях: «Дети бесови кликом поля перегородиша»; «Кликну Карна и Жля»; «Небыть кликну». В первых двух *клик* связан с несчастьем, бедой. Это и естественно, недаром в русском языке существует устойчивое сочетание «накликать беду». Ясно, что и в третьем предложении то ли леший, то ли полевой (одним словом, — *небыть*) пытался беду накликать (ведь в ситуации побега ни Овлур, ни Игорь кричать не могли). И как выясняется — безуспешно: за Игорем устремляется погоня.

Перевод этого «темного места» можно представить таким образом:

«Коня в полночь Овлур свистнул за рекою:
велит князю разуметь, князю Игорю.
Нечисть кликнула: стукнула земля, зашумела трава,
вежи половецкие (сами) собой задвигались.
А Игорь князь побежал, как горпостай, в тростник,
и белым гоголем — на воду».

Бирск

Читатель спрашивает

«В военной литературе встречаю часто название пулемета *максим*. Почему это слово всегда пишется с маленькой буквы?»

Н. М. Назарова, Гомель

В данном случае *максим* — не имя, а лишь модель пулемета, поэтому и пишется с маленькой буквы (ср. *ом*, *рентген*, *наган*, *галифе*).

•
 КТО ОНИ-
 КУРСКНЕ
 «КЪМЕТИ»?
 •

И. З. Баскевич,
 писатель, кандидат филологических наук

Новгород-Северский князь Игорь Святославич зовет своего младшего брата Всеволода принять участие в походе против половцев. Всеволод не заставляет себя ждать и с готовностью отвечает: «Седлай, брате, свои брззьи комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска папери. А мои ти куряни сведоми къмети...»

Кто же они такие — курские *къмети*, воспетые в «Слове о полку Игореве?»

«Свое первоначальное значение в данном месте слово *къмети* почти уже утратило, — указывает академик Д. С. Лихачев. — Здесь оно приобрело значение «лучших, отборных воинов» (Слово о полку Игореве. М.—Л., Наука, 1950). Соответственно — и в поэтических переводах великого памятника древней Руси о курянах говорится как об *искусных, опытных ратниках, витязях, дружинниках, как о бывалых воинах.*

Такое именно прочтение слова *къмети* подсказано и эпитетом *сведоми*. Устаревшее *сведомый* в словаре В. И. Даля толкуется «знающий что, увдомленный о чем» (сравните современные *сведать, сведения, сведущий*). Говоря, что куряне «сведоми къмети», Всеволод Святославич тем самым отличает их от каких-то других воинов, которые могут в ратном деле быть и «несведоми», неопытны, неискусны.

Правда, в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» (вып. 5, Л., 1978) *сведомый* разъясняется иначе: «общезвестный, общепризнанный». Такой перевод согласуется с осмыслением сло-

ва *къмети*, как обладающим не только содержательным значением «воины», но и определенным оценочным — «отборные». Отборные воины могут быть признанными, известными, а могут и не обладать славой. Однако ни лингвистической, ни какой-либо другой аргументацией этот перевод не подкреплен. Между тем в поэме достаточно ясно сказано, почему же куряне — *сведоми къмети*. Буй тур Всеволод говорит не об их широкой известности и признании, а о суровых условиях приграничья, в которых — на краю половецкого поля — росли и мужали курские воины. Они «под трубами повити, под шеломы възлелеяни, конець копия въскрѣмлени, пути им ведоми, яругы имъ знаеми, луци у них напяржени, тули отворени, сабли пзѣострени; сами скачють, акы серыи влъци в поле, ищучи себе чти, а князю славы». Куряне должны были быть все время начеку, чтобы отражать неожиданные вражеские наскоки, успешно сражаться с противником. Потому-то они — *сведоми воины*, знающие свое дело.

В общем контексте произведения слово *къмети*, очевидно, не имеет того оценочного значения, какое ему нередко приписывается. Другое дело, что в сравнении с синонимичными *воин*, *дружинник*, *витязь*, *ратник*, *рыцарь* оно может обнаружить какой-то особый смысл. Какой именно?

Исследователь «Слова о полку Игореве» С. С. Воинов похвалу Всеволода курянам рассмагивает не столько, как точное воспроизведение того, что было в действительности, сколько в качестве литературного приема. Вряд ли, по мнению С. С. Воинова, князь стал бы похвастаться своей дружиной, ему достаточно было сказать о ее готовности к выступлению (Воинов С. Сладок хмель веков.— «Алтай», 1985, № 1). Со стороны чисто фактической достоверности это место поэмы может представиться еще менее убедительным, если мы учтем, что Всеволод хвалит даже не свою княжескую дружину, а одних лишь курян. Хотя авторы многих работ, посвященных «Слову», и именуют Всеволода Святославича курским князем, стольным градом его был Трубчевск. Повествуя о походе Игоря в 1185 году, летописи указывают, что взял он с собой «брата Всеволода из Трубечка» (Ипатьевская летопись), что к месту общего сбора подошел «Всеволод из Трубеча» (Лаврентьевская летопись). По логике, княжеская дружина Всеволода в обычное время находилась в Трубчевске и, хотя в нее и могли входить куряне, конечно, состояла не только из них.

Как же объяснить, что Всеволод восхваляет только курян: «мои ти куряни сведоми къмети».

На соединение с Игорем Всеволод со своей дружиной шел не прямо из Трубчевска, а через Курск. У Оскола Игорь «жда два

днь брата своего Всеволода: тот быше шел инемь путем ис Курска» (Полн. собр. русских летописей, т. 2, М., 1962). Там он, очевидно, и пополнил свою дружину, в которую влились курские *къмети*. «На княжеском подворье (ранее Курск был княжеским городом.— И. З.) колыхались копья и шики дружины буй тура Всеволода, уходившего в знаменитый степной поход. Именно оттуда, с тех курских высот, прозвучало гордое Всеволодово слово», обращенное к курянам,— так представляет это событие писатель Евгений Носов (см.: Курская правда, 1982, 4 дек.). Все же не думается, что характеристика курян, данная в поэме от имени князя, могла быть сочинена «самим автором» произведения, как полагают некоторые исследователи. В то время, когда создавалось «Слово о полку Игореве», Всеволод был жив, и приписать ему речи, им не произнесенные, вряд ли было возможно. Остается предположить, что о его выступлении перед курянами автору было известно.

«Восхваление курян в „Слове о полку Игореве“ имело под собой реальную основу», — констатирует академик Б. А. Рыбаков (Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., Наука, 1971). Однако, рассказывая об Игоревом походе, ни Лаврентьевская, ни Ипатьевская летописи ничего не говорят именно о курянах, никак не выделяют их из общей массы русских воинов, которые, по свидетельству летописца, все «сражались мужественно». А вот в «Слове» курские мотивы играют весьма важную роль в утверждении героического звучания произведения, в выражении его основной идеи: народ — при княжеском единении — в состоянии дать сокрушительный отпор врагам, наседавшим на Русь. Обращение к курским воинам в этой связи очень и очень существенно.

В «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» (вып. 3, Л., 1969, с. 43—45) приведено множество различных интерпретаций слова *къметь*, *къметь* в ряде славянских языков. Как отмечал еще П. Лавровский, у одних славян (чехов, поляков, хорутан, хорватов) *къмет* означало простого селянина; у сербов так называли почтенных поселян, собиравшихся на различные совещания: княжеские, окружные и сельские, чинивших иногда, по приглашению тяжущихся, суд. Но как ни велики эти различия, под «кметами, кметями» разумели именно поселян, в одних случаях — обыкновенных, в других — почтенных. В «Словаре украинского языка» под редакцией Б. Д. Гринченко слово *кметь* переводится как «крестьянин, хлебопашец»; в Каневском же уезде было отмечено еще употребление слова *кмітливый* (*кметливый*) в значении «понятливый».

В. И. Даль записал в своем Словаре старинное слово *къметь* как южнорусское в двух значениях: «парень, крестьянин» и «зем-

ский воин, ратник». Есть основания предполагать, что и в белорусских говорах сохранились оба значения этого слова, хотя в «Толковом словаре белорусского языка» (т. 2, Минск, 1978) дан (без каких-либо примеров и ссылок) «канонический» перевод: «Воін, віцязь, дружиннік у старажытнай Русі». А вот в «Польско-русском словаре» (М., 1963) слово *кміесу* означает — «крестьянский», с пометой — «историческое». По сведениям слависта В. Ф. Кочнова, в Польше и теперь, когда речь идет о крестьянах стародавнего времени, употребляется (в живом разговоре) слово *кміес*. В вариантах с окончанием на *-ть* слово *кмет*, очевидно, склонялось по типу основ на *о* (р. п. *кмета*, мн. *кмет*); в вариантах с окончанием на *-ть*, характерных для региона, где формировалась Игорева рать, *кметь* должно было склоняться, как свидетельствуют В. И. Даль и Б. Д. Гришченко, по типу основ на *«і»* (р. п. *кмети*, мн. *кметей*).

Данные языка достаточно убедительно свидетельствуют о том, что *къмети*, о которых говорится в «Слове о полку Игореве», тем и отличались от других воинов, что были, во всяком случае на Руси, не рыцарями, не дружинниками-«феодалами», для которых ратное дело являлось профессией, а обыкновенными крестьянами, поселянами, которые брались за оружие в случае необходимости.

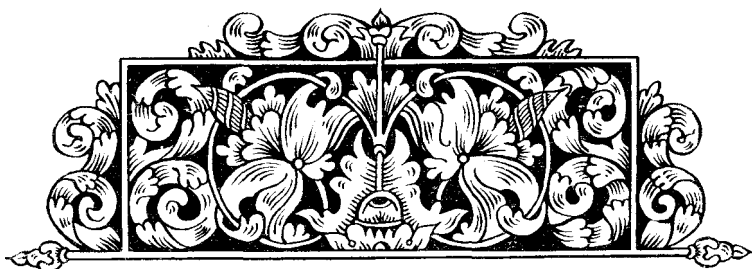
Представлять их как «витязей-дружинников» принципиально неверно, а рисовать их только «бывальными воинами» — значит обеднять социальное содержание понятия *къметь*.

«Что же это за „сведоми кмета“?/Что в поход подымали стяги?/ А по-моему, это были/Курские работяги», — так полагал поэт Николай Асеев (Богатырская поэма).

Восхваление курян как крестьян-воинов подчеркивает органическую народность «Слова о полку Игореве», возвышая его над феодальной, дружинной поэзией средневековья. Первоначальное, историческое значение слова *къметь* не может и не должно быть забыто.

Курск

Рисунок В. Леонова

„ВРЕМЕННОК“ ИВАНА ТИМОФЕЕВА

Я. Г. Солодкин,
кандидат исторических наук

реди многочисленных публицистических произведений начала XVII века одно из первых мест принадлежит «Временнику» Ивана Тимофеева, важнейшему источнику по истории России этого времени.

Иван Тимофеев сын Семенов (? — 1631) происходил, возможно, из среды подмосковных служилых людей (см.: Корецкий В. И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в.— Археографический ежегодник за 1974 г.). Не исключено, впрочем, что он был выходцем из старинной дьяческой семьи, так как с конца XV до середины XVI века известно немало Семеновых — приказных судей. В древней Руси до XIV века дьяком называли княжеского писца, а в XIV—XVII веках — должностное лицо, занимавшее ответственные посты в государственных учреждениях (*думный дьяк*, *приказный дьяк*). Из документов конца XVI века известно, что Иван Тимофеев служил в приказах, ведавших внутренними делами государства. Позднее он был дьяком в Новгороде, Астрахани, Ярославле, Нижнем Новгороде, Москве. Современники знали и ценили Ивана Тимофеева как широко образованного человека.

Над своим публицистическим произведением он трудился свыше трех десятилетий. Первые наброски о переживаемых событиях были сделаны им до 1598 года, при царе Федоре Ивановиче. Основная работа над «Временником» падает на годы шведского «пленения» Новгорода, главным образом на последний период оккупации (1615—1617). Автор, находясь в захваченном врагами городе, вы-

нужден был писать украдкой, таясь чужеземцев и «своих» доносчиков. Отдельные фрагменты сочинения Тимофеева появились в конце его жизни (не ранее 1626 г.).

«Временник» состоит из пяти глав, посвященных Ивану Грозному, его сыну Федору, Борису Годунову, Лжедмитрию I и Василию Шуйскому. Заканчивается он «Летописцем вкратце», очевидно, составленным редактором из фрагментов, не включенных автором в основные главы произведения. Главы «Временника» делятся на отдельные рассказы и отрывки, имеющие названия. Можно думать, что поначалу они располагались в хронологической последовательности.

Произведение свидетельствует о широкой начитанности его автора, подтверждая репутацию «книгоглотца», которой пользовался дьяк у современников. Тимофеев хорошо знал летописи, хронографы, так называемое «священное писание», агиографическую (житийную) и историческую литературу. Ему были известны, в частности, жития Бориса и Глеба, Никиты Переяславского, «Александрия» — сказание о походе Александра Македонского, «Троянская история», «История Иудейской войны», повести о Варлааме и Иоасафе, «о некоем юноше ростригшемся», «Степennая книга», возможно, «Повесть 1606 г.», послание патриарха Гермогена к русским тушинцам, трактат «О причинах гибели царств».

Взяться за перо, по словам самого автора, его побудило неодолимое стремление найти истоки переживаемой «великой разрухи Московского государства». По существу «Временник» представляет собой размышления писателя над причинами лихолетья. Описание же событий, свидетелем которых он был либо знал по рассказам очевидцев, занимает Тимофеева куда меньше. Особое внимание он уделяет обстоятельствам воцарения Бориса Годунова и разорению шведами Новгорода. Важное место отводится характеристикам исторических деятелей. Тимофеев рисует колоритные портреты Ивана Грозного, царей Бориса и Василия. Убедительно и ярко раскрывает двойственность их характеров, считая описание и дурных качеств, и добродетелей признаком беспристрастности писателя. Вместе с тем дьяк посвящает многословный панегирик царю Федору Ивановичу, тепло говорит о жене Грозного Анастасии, сыне и преемнике Бориса Годунова Федоре, с чувством симпатии рассказывает о Ксении Годуновой. Много восторженных строк уделяет писатель князю М. В. Скопину-Шуйскому, которого недалековидный царь Василий Иванович Шуйский подозревал в намерении занять престол. С уважением отзывается о Михаиле Романове и его родителях. Зато самозванцы, изменники М. Салтыков и Ф. Андропов, знакомые Тимофееву по службе в Новгороде

М. Татищев и Е. Телешнев получают презрительно-враждебную оценку.

По традиции, считая несчастья «божьей карой» за людские грехи, автор «Временника» стремится наполнить это понятие конкретным содержанием, выяснить разнообразные пороки своих современников, которые поставили страну перед гибелью. Первопричиной «всеконечного разорения» он называет «бессловесное молчание» соотечественников, то есть политическое безразличие, равнодушные к преступлениям власти. Именно это, по мнению автора, побудило и Бориса Годунова, и самозванцев домогаться престола, вызвало в людях эгоизм и трусость, породило неспособность действовать сообща, чем не преминули воспользоваться чужеземцы.

В главе «Царство царя Василия Ивановича Шуйского» есть замечательный рассказ «О вдовстве Московского государства», где свое отечество автор сравнивает с бездетной и одинокой вдовой, не имеющей добрых помощников и заступников. «Где владыки дома нет, там дом, как тело без души...», там и рабы «скоро становятся непослушными, вводят свои обычаи и законы и служат, как хотят...» Такой дом, размышляет автор, не огражден от «нестройения», и ворота в доме день и ночь не затворяются, что позволяет пролезть внутрь волкам и другим зверям.

Эта притча, спрашивает автор у современников, «не есть ли образ сиротства и нашей земли?» Вместе с тем народные выступления против угнетателей Тимофеев рассматривает как «безумный шум», противоестественные старания избавиться от верховной власти. Однако острый и наблюдательный взгляд писателя постоянно наталкивается на противоречия действительности, и под его пером рождаются правдивые рассказы о современниках, критическая оценка которых никак не совпадает с его теоретическими представлениями.

Как справедливо отмечала В. П. Адрианова-Перетц в Послесловии к «Временнику» (М.—Л., 1951, с. 350), «историческая правда о господствующем классе в рассказе Тимофеева стоит рядом с сознательно несправедливой оценкой трудового народа и почти совершенным замалчиванием его роли в развернувшейся классовой борьбе и в защите независимости Русского государства от интервентов. Но сквозь классовую тенденциозность читатель видит эту подлинную историческую правду, скрыть которую автору не позволяет его искренняя любовь к родине и сочувствие к ее страданиям».

В сочинении дьяка Тимофеева зримо представлен «процесс переплавки нравственно-религиозных установок в политические и социальные принципы, в идею гражданской ответственности чело-

века перед временем, перед отечеством, перед собой» (Ученова В. От вековых корней. Становление публицистики в русской культуре. М., 1985). Мучительно размышляя о причинах невиданных потрясений, он мечтает о «вкупном сложении» русских людей, то есть создании общественной организации, способной обуздать державный произвол и оградить национальные интересы. Эта идея и критика господствующей знати, несомненно, звучала крамольно во времена Михаила Романова и его преемников. Не случайно сочинение Тимофеева не обрело популярности. Единственный, не вполне исправный его список попал в глухую Флорищеву пустынь под Владимиром, где был обнаружен Я. И. Бередниковым только в 1833 году (Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 259).

Язык «Временника», чрезвычайно сложный и вычурный, также не благоприятствовал распространению памятника. В. О. Ключевский укорял Тимофеева за то, что у него «мысль прячется в хламе слов», нет «грамматики, чутья языка». Знаменитый историк поэтому даже предполагал, что дьяк — выходец с Украины или Белоруссии. Скорее верно другое объяснение В. О. Ключевского: вычурное многословие Тимофеева свидетельствует о том, что он «не может справиться с потоком своих мыслей, вызываемых событиями в его многодумавшей голове» (Зимин А. А. и Киреева Р. А. Из рукописного наследия В. О. Ключевского.— История и историки. М., 1973). По замечанию А. И. Яковлева, создателю «Временника» порой «просто не хватало слов для обозначения всех вскрывшихся отношений и свойств общества» (Яковлев А. «Безумное молчание» (Причины Смуты по взглядам русских современников ее).— Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 663).

Нередко Тимофеев нанизывает одно слово или предложение на другое, сказуемое помещает в конце фразы, вдали от подлежащего, наслаивает друг на друга придаточные обороты, не выделяя главного предложения. Уловить смысл прочитанного подчас мешают и перифразы, к которым охотно прибегает автор. Из «Степенной книги» он заимствовал такой вид перифразы, как толкование имен (*Иоани*-благодать, *Феодор* — дар божий, *Дмитрий* — двоюматерен и др.). По наблюдению О. А. Державиной, к иносказанию Тимофеев обращается «из стремления к украшенной, необычной речи, „высокому стилю“» («Временник» Ивана Тимофеева. М.— Л., 1951, с. 405). Так, лодки у него — «водоносилы», кони — «езделы», колокола — «церковная бо трубы, от них же происхождаху святовзвучныя гласы, созывающая на пение», пушки он определяет как «оружные сосуды», «градобитные хитрости» и т. п.

Любимый прием публициста — сравнения, которые исключительно разнообразны. Образы окружающего мира, с которыми он сопоставляет описываемые события и своих героев, обычно даются в движении, в действии, что придает изложению живость и динамику. К примеру, Борис Годунов «обоих (дьяков Щелкаловых.— Я. С.) яко зверь некий обратився на вспять, зубы своими угрыз-пу»; новгородский воевода М. И. Татищев «восхити сего (князя М. В. Скопина-Шуйского.— Я. С.), яко волк агнца незлобива, и отпес на раме в дебрь». Тонкий наблюдатель, Тимофеев черпает материал для сравнений в повседневном быту. По его словам, враги разжигаются злобой, как накаленное железо, они погибают, словно олово, потонувшее в воде.

Тимофеев прибегает и к развернутым сравнениям, рисуя выразительные сценки из жизни людей и животных. Например, «педостойных» советников Самозванца, получавших от него «царски чины», автор уподобляет собакам, грызущимся из-за добычи: «егда по случаю некако пес восхитит негде не по естеству, но снеть царску, бежит в место тайно тоя снести; прочии же пси, таковое узревши восхищенное, у единово отъемлют и наслаждаются вси купно чрезъестественаго, несвойственнаго, пожирают же растерзательно и небрежно». Метафоры во «Временнике» также терпят свой символический характер, вызывая у читателя ассоциации по сходству. Так, дьяк пишет о «стреле гнева и ненависти», «язве мести», «огне ненависти».

При обилии церковнославянизмов в сочинении Тимофеева оцутима стихия живой разговорной речи. Здесь есть новообразования, не встречающиеся в остальных исторических повестях начала XVII века, например *самописчий* (приказный человек), *ближник* (приближенный), *мирницы* (миротворцы — посредники в переговорах между Россией и Швецией), *десподы* (правители). Для обозначения вельмож автор употребляет латинские выражения *силентиары*, *доместик*, *куртес*, заимствовав их, вероятно, из переводной литературы. Он предпочитает слова с двумя-тремя корнями — *видоангелен*, *рукохищный*, *студожительство*, *нощезявлением*, *кровоубийствено*, *самоподвижение* и другие. Во «Временнике» часто находим сложные слова с одним общим корнем, например *зло*: *злоумие*, *зловерный*, *зломыслие*, *злodenство*, *злoлyгство*, *злoначальнии*, *злoревичитель*, *злoпомнив*, *злoправoдействен*.

Как и во многих публицистических сочинениях начала XVII века, в произведении Тимофеева иногда рифмуются окончания отдельных частей предложения, например: «И первый бысть растаскатель стаду, последний же явлься предатель граду, ...карабль пизверг погрузися, но не уже и потопися». Глубокую змо-

циональность придают речи Тимофеева и постоянные обращения к читателю, которого писатель стремится уверить в своей правоте, нередко переубедить.

Сетуя на свое неумение говорить «краткословне», автор «Временника» порой лаконично и метко оценивает пережитые события. Например, поход польского королевича Владислава на Москву (1617, 1618 гг.) он определяет как «подшествоие», подчеркивая тем самым, что это не крупное наступление неприятеля.

Многие фрагменты «Временника» можно отнести к лучшим образцам русской художественной прозы начала XVII столетия. Это, в частности, рассказ о гибели Годуновых и судьбе царевны Ксении (В. О. Ключевский назвал его задушевым, прекрасным местом), «плачи» по низложенному царю Василию и «поймаемому» оккупантами Новгороду, притчи о «вдовстве Московского государства», авторские воспоминания о работе над своим произведением.

Сочинение Тимофеева, почти неизвестное его современникам, отражает важные сдвиги в политическом сознании, исторических представлениях и художественном мышлении русских книжников, свершившиеся под влиянием грозных событий начала XVII века. Напряженный интерес к причинно-следственной связи явлений, дерзкие попытки проникнуть в закономерности истории, понимаемые, разумеется, в средневековом, религиозно-этическом значении, подчеркивание решающей роли внутренних «нестроений» в возникновении затянувшегося лихолетья, поиски истоков бедствий в общественно-политической жизни страны, стремление разобраться в тайнах человеческой психологии, в том числе своей собственной, — все это наряду с глубоким патриотизмом автора делает «Временник» замечательным литературным памятником Древней Руси.

Кустанай

Рисунок В. Леонова

Читатель спрашивает

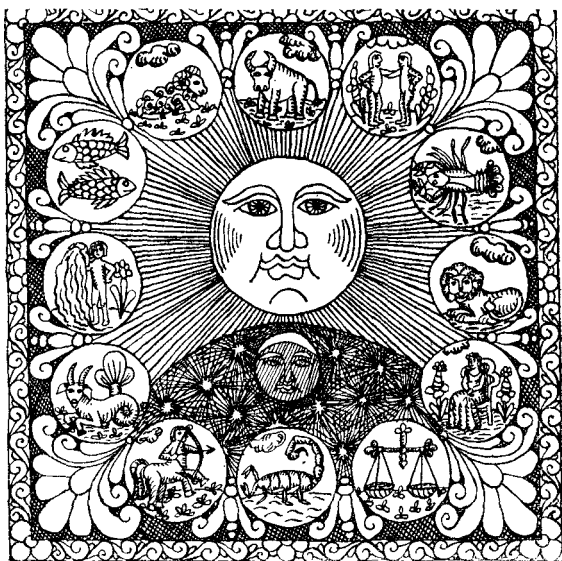

«Как понимать выражение „Шемякин суд“?»

Л. Д. Борисова, пос. Алабушево, Московская обл.

Это выражение употребляется в значении «неправый, несправедливый суд». Оно вошло в обиход из старинной русской сатирической повести о Шемякином суде, героем которой был князь Дмитрий Шемяка, живший в XV веке. Повесть была очень популярна, сохранилось много рукописных ее вариантов.

«Звездотечное небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные»

О. Р. Хромов

С 60-х годов XVII века особой популярностью в царской семье начинает пользоваться роспись в подволоке (*подволока*, или *плафон*, — изображение на холсте или каком-либо другом материале, закрепленном на потолке) на астрономические темы. Откуда появились эти картины в царских теремах? Сохранились письменные свидетельства, содержащие сведения о похожих украшениях во дворцах в более раннее время. Так, возможно, их имеет в виду Даниил Заточник в своем «Молении», говоря о «небе полстяном и звездах лутовянных». Упоминаются они и в былинке о Соловье Будимировиче. Астрономические элементы имелись и в росписи Золотой палаты московского Кремля. Но все это существенно отличается от описания росписи в подволоке Большой Столовой в Кремле 1662 года, составленной по замыслу инженера и полковника Густава Декенпина, который под именем «вымысленника» приехал в Россию в 1658 году.

На мысль украсить свои палаты росписью, похожей по композиции на западноевропейские, могло натолкнуть царя Алексея Михайловича и сообщение русского посла Василия Лихачева к Фердинанду II герцогу Тосканскому (Италия). В поданном им статейном списке (отчете) Василий Лихачев рассказывал, что в одном из залов герцогского дворца на потолке изображено «небесное движение и круг, а в нем описание всего света и солнечный бег».

Кроме того, интерес царя к подобным росписям мог быть связан и с его личным знакомством с западноевропейским искусством во время русско-польской войны (1654—1667). Словом, о причинах, побудивших царя использовать подобную тематику при оформлении своих палат, можно только догадываться. Доподлинно же известно, благодаря документам, что роспись потолка 1662 года в новой столовой Алексея Михайловича, которая служила приемной для послов, называлась «Звездотечное небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные». Известный историк И. Е. Забелин указывал, что подобным образом была украшена в 1668 году столовая царевича Алексея Алексеевича (Забелин И. Е. Домашний быт русских царей XVI—XVII веков. М., 1895, т. I, ч. I). В 1683 году подобная роспись была сделана в нижней комнате Софьи Алексеевны, а в 1688 году такое изображение было выполнено на потолке деревянной передней царевны Татьяны Михайловны и в верхней каменной комнате царевны Марьи Алексеевны, а также в «столовых» избах загородных царских хором в селах Коломенском и Алексеевском в 1681 году — в столовой новых хором царевича Ивана Алексеевича.

Каков же смысл этой давней художественной композиции? Что означают *беги небесные* в переводе на наш современный язык?

Обратимся к «Словарю русского языка XI—XVII веков». Выражение *беги небесные* определяется здесь как движение небесных светил. Тогда роспись столовой палаты царя Алексея Михайловича можно истолковать так: «беги небесные» — движение небесных светил, «двенадцать месяцев» — зодиак, то есть «звездотечное небесное движение» представлено как обращение Луны, Солнца и планет в созвездиях зодиака.

Насколько справедливо такое предположение, можно судить по описанию столовой палаты, оставленному Адольфом Лизеком. В 1675 году, 23 октября, «посольство императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу» находилось на последней аудиенции в Кремле: «Стены Аудиенц-залы были обиты дорогими тканями, а на потолке изображены небесные светила ночи, блуждающия кометы и неподвижные звезды с астроно-

мической точностью. Каждое тело имело свою сферу, с надлежащим уклонением от эклиптики; расстояние двенадцати знаков небесных так точно размерено, что даже пути планет были означены золотыми тропиками, и такими же колюрами равноденствия и повороты Солнца к весне и осени, зиме и лету» («Журнал Министерства народного просвещения», 1837, № 11). Такой осталась в памяти Адольфа Лизека роспись потолков столовой Алексея Михайловича в Кремле.

Как видим, она напоминала современную астрономическую карту, на которой были представлены зодиак и движение светил. Но это не все. В подволоке изображены еще кометы и звезды (возможно, созвездия, указание на астрономическую точность). Таким образом, композиция не ограничивалась картиной движения небесных светил в зодиаке, а представляла собой ясное звездное небо с необходимыми графическими дополнениями (например, *золотые тропики*). Кажется бы, все понятно. *Звездотечное небесное движение* есть не обобщение *небесных бегов* и *двенадцати месяцев*, а вполне самостоятельный термин, определяемый как изображение звезд, комет и т. п. В таком случае название «Звездотечное небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные» соответствует описанию А. Лизека. Но...

В 1679 году «19 декабря Карп Иванов (Золотарев) писал на александрийском листу 12 месяцев и беги небесные против того, как в столовой в подволоках написано, в хоромы к царевичу Петру Алексеевичу» (Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. М., 1883). Как видим, в названии копии с росписи столовой палаты выражение «звездотечное небесное движение» отсутствует. Но, быть может, оно в этом маленьком рисунке и не было изображено?

В 1683 году «декабря в 19 день» приказывалось в нижней комнате царевны Софии Алексеевны «подволоку обить холстами и писать на ней беги небесные Ивану Салтанову, Ивану Безмину с великим поспешением» (Брюсова В. Г. Федор Зубов. М., 1985). Это был уже не маленький учебный рисунок, а точная копия плафона Большой Столовой палаты в Кремле. В данном случае выражение «беги небесные» стало всеобъемлющим и вобрало в себя всю картину звездного неба, а заодно и значение выражений «двенадцать месяцев», «звездотечное небесное движение».

Интересно, что в 1681 году 1 марта живописцу Ивану Мировскому велено «заменить чертеж звездотечного небесного движения против того, каково написано в подволоке в Большой Столовой палате и иные чертежи иными образцы» (Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы. М., 1910, т. 2). «Беги небесные» и «звезд-

дотечное небесное движение» здесь синонимы. И это вполне понятно, потому что оба выражения означают действие, движение. Звезды же, по представлениям того времени, являлись абсолютно неподвижными, раз и навсегда укрепленными на небесной тверди. Поэтому выражения, главное значение которых «действие движения», не могли быть употребляемы для названия только одних неподвижных звезд.

Итак, «беги небесные» имели два значения: узкое — «движение небесных светил» и широкое — «название всего звездного неба со всем тем, что на нем происходит» (в том числе и движение комет, которые были изображены в столовой палате, по описанию А. Лизека). В широком смысле «беги небесные» равнозначны выражению «звездотечное небесное движение».

И, наконец, приведем еще одно описание подволоки, на сей раз — в покоях князя В. В. Голицына: «а в середине той подволоки Солнце с лучами вызолочено сусальным золотом. Круг солнца беги небесные с зодиями и с планеты писаны живописью» (см. указанную работу И. Е. Забелина). Теперь содержание «бегов небесных» уточняется присутствием в них «зодия» и планет. Таким образом, выражение приобретает смысл — «движение небесных светил (планет) в зодиаке», то есть употреблено здесь в своем узком значении.

Похожая картина имелась в подволоке сешей Государевых хором в Коломенском дворце Алексея Михайловича. В центре ее было изображено Солнце, а вокруг него знаки зодиака. В клейме (изображении) каждого из двенадцати знаков зодиака писали соответствующее ему название месяца, например: «месяц август Дева естеством студен имать дней 31» или «месяц ноябрь Стрелец естеством тепл и сух имать дней 30» и т. п. (см.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881, т. 4). Следовательно, в клеймах указывается краткая астрологическая характеристика знака зодиака. Поскольку название созвездия здесь отождествляется с названием месяца, в который оно присутствует на небосводе, то зодиак и стали называть *двенадцатью месяцами*. Так как в описании росписи потолка Столовой палаты в Кремле упоминаются «двенадцать месяцев», то можно предположить, что эта картина содержала аналогичные характеристики 12 знаков зодиака (месяцев).

Рисунок Ю. Панипартовой

Человек — люди

В. И. Дегтярев,
доктор филологических наук

В русском языке у разных частей речи есть так называемые сушплетивные пары слов, представляющие собой формы одного и того же слова, образованные от разных корней или основ, различия которых выходят за пределы чередований: *взять — брать, иду — шел, хорошо — лучше, я — меня* и другие.

Сушплетивные (от франц. *suppletif* — «добавочный») формы выражают грамматические значения падежа, числа, времени, степени сравнения и пр.

Так, слова *человек — люди* выражают противоположное значение числа: *человек* — единственное, *люди* — множественное.

Каким же образом в истории русского языка облизнились и объединились столь разные по своему происхождению и этимологическому значению *человек* и *люди*, что теперь их можно считать формами одного слова? Ответ следует искать в глубине веков. Эта пара слов сложилась в древности и имеет аналогичные соответствия в других славянских языках — болгарском, сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском и лужицких.

В древнерусском языке исконной формой именительного падежа множественного числа существительного *люди* была *людие*, позднее исторически утраченная вместе с перестройкой системы склонения имен существительных. А *люди* в то время являлось формой винительного падежа. Процесс перехода *людие* в *люди* прослеживается в древнерусской письменности с начала XIII века, в период, подготовивший формирование самостоятельного языка великорусской народности.

Людие образовано в праславянский период от формы *ljudy, которая надежно реконструируется на основе сравнительно-исторических данных индоевропейских языков, но в древней славянской письменности и в диалектах не отражена. Ближайшие соответствия в

балтийских и германских языках и более далекие — в греческом и латинском свидетельствуют о том, что основа слова очень древняя.

Этимологический анализ позволяет установить, что первоначальная форма *ljudy имела два значения: совокупно-множественное «люди» и единичное «человек». Они могли различаться в определенной речевой ситуации, контекстуально. Когда развитие категории числа привело к самостоятельному выражению значений единичности и множественности, то для обозначения понятия «человек» была образована с помощью суффикса *-ин* специальная форма *людин*, а в значении множества утвердилась *людие*. Таким образом, уже в древнейший, праславянский период форма *ljudy была заменена двумя другими, выражавшими разные числовые значения: *людие* (мн. ч.) и *людин* (ед. ч.), и разные смысловые: *людие* — «люди» и *людин* — «человек».

В древнерусских летописях и в актовой письменности старшей поры, наиболее близкой к народной разговорной речи, слово *люди* употреблялось в значении «народ, свободное население страны, княжества, города, государства и т. п.». В «Русской правде», старейшем своде законов Древнерусского государства, *люди* (*людие*) имеет четкое терминологическое значение — «община», «низший слой свободного населения».

Слово *людин* здесь выражает более узкое понятие: «простой человек (незнатного происхождения)», сравните более позднее — *простолюдин*, а также «мирянин (не принадлежащий к духовенству)». Общее значение «человек» отмечено в церковнославянской книжности, но *людин* употребляется здесь редко.

Наиболее полно его семантика раскрывается в соотношении с другими словами и в сочетаниях с определениями. В древнерусской письменности, как отмечал И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка», *люди* (*людие*) часто употреблялось рядом со словом *князь* и обозначало весь народ, т. е. все свободное население. Например, в договоре великого князя Игоря с греками 945 года — подданных князя: «...послании от Игоря великого князя рускаго и от всякоя княжьа и от всьех людий Руския земля». По отношению к единовластному повелителю, великому князю, в общей массе подданных назывались словом *люди* и лица привилегированного положения — *болийи* и *нарочити* (т. е. важные, знатные, почтенные) *мужи*, *бояре*, *добрии люди* — уважаемые граждане (как свидетели в суде), *житии* или *житиисци люди* — зажиточные горожане, боярские дети, дворяне и т. п.

Вместе с тем в значении этого слова отражается социальное расслоение общества. В условиях углублявшегося имущественного

неравенства и развития феодально-крепостнического строя *люди* обозначало главным образом низшие слои населения (в отличие от князей, бояр, духовенства и вообще крупных землевладельцев, феодалов), включающие также разные категории зависимых людей — работников, слуг, крепостных. В «Материалах для терминологического словаря Древней Руси» Г. Е. Кочипа (на основе данных древнерусских летописей и актов, приказно-деловой письменности до XV века) установлены следующие значения слова *людие, люди*: «массы, главным образом, городское население»; «слуги феодала; придворные, военные слуги»; «сельское зависимое население, крестьяне»; «холопы». По отношению к феодалу-владельцу различались *люди купленные, пошлые* (стародавние, исконные), *полные голы, приданные, страдные* (зависимые работники), *дворные, люди боярости* — слуги феодала или боярина, ставшие помещиками, *люди владычнии* — работающие во владении архиерея, *люди воеводины и волостелины* (холопы) и т. п. Различались категории людей по роду занятий: *люди купчие* (кушцы), *торговые, приказные, боевые, воинские, ратные, служивые, деловые* (холопы ремесленники или мастеровые), *охочие, пашенные* (крестьяне) и мн. др. По месту жительства или приписки: *люди волостные* (сельское население, крестьяне), *городские, земские, становые, уездные, украинные* (пограничные). По имущественному положению и общественному весу четко дифференцировались *люди высокие и вящие* (знатные), *большие, лучшие и лепшие, сильные, меньшие и мизини, мелкие, средние, простые, бедные, недостаточные, безытные* (безземельные) и пр.

Высокая частотность употребления и конкретизация лексического значения в контексте с помощью определений способствовали тому, что в XVI—XVII веках, как можно заключить по данным актов, приказно-деловой письменности этого времени, слово *люди* приобрело более широкую, обобщенную семантику. В старорусском языке сложились устойчивые выражения, в которых *люди* стало использоваться и в косвенных падежах: *жить в людях, пойти в люди, вопить во все люди, появляться на люди, говорить при людях, перед людьми* и т. п. Здесь это слово обозначало людей посторонних, чужих, неопределенную, обобщенно мыслимую массу.

В церковнославянском языке, как сугубо книжной разновидности древнерусского литературного, значение слова *люди* (*людие*) выражало современный смысл — «народ», «население страны», «толпа, масса людей». Оно имело все признаки собирательного существительного множественного числа, на что указывает наличие противоположной формы *людин* (ед. ч.), а также сочетаемость его

с собирательными числительными: *двои людие, девятеро людии, осьмеро челяди* и т. д. Но единичное *людин* уже в старший письменный период развития древнерусского языка употреблялось сравнительно редко, значительно реже, чем *люди*, и сохраняло узкое значение — «простой, незнатный человек» и «мирянин». В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» отметил диалектное рязанское *людин* в значении «простой человек», «мужик». Таким образом, ни по частоте употребления, ни по объему выражаемого понятия это слово уже не соответствовало форме множественного числа *люди* и постепенно лексикализовалось в качестве новой форме *простолюдин*. А форме множественного числа *люди* стало соответствовать слово *человек*.

Происхождение этого слова окончательно не выяснено. Вероятнее всего, оно состоит из двух праславянских корней: *čel (с индоевропейской основой в значении «племя») и *věkъ, который может быть сближен с литовским *vaikas* — «дитя». В жемайтском наречии литовского языка слово того же корня *vaikis* употребляется в значении «слуга, работник, батрак». Таким образом, в праславянском языке слово *человек* могло значить: «член племени», «челядин». В древнерусском языке его значение близко к современному смыслу, вместе с тем в актовой письменности слово выражало еще и более специальное понятие — «находящийся у кого-либо на службе», «чей-либо человек».

В формах единственного числа (*человек*) и множественного (*чловеци*) оно часто встречается в произведениях церковнославянской книжности. Так, в Остромировом евангелии XI века слово *народ* (мн. *народи*) употреблено в формах обоих чисел 94 раза, *людие* — 29 раз, а *человек* — *чловеци* — 183 раза.

Смысловое различие между *людие* и *чловеци* — едва уловимо: это синонимы. Только *чловеци* носит более обобщенный характер, а *людие* имеет уже социальный смысл. Форма же единственного числа *людин* здесь совсем не встречается, она полностью вытеснена словом *человек*. Старославянское *чловеци* и древнерусское *чловеци* в отличие от *людие* > *люди* обозначали обычно немногочисленные, конкретные «множества лиц». Поэтому формы множественного числа этого слова в письменности встречаются в сочетании с количественными числительными.

Обладая широкой семантикой, слово *человек* стало употребляться как единица счета в выражениях типа «множество людей, состоящее из 10, 20 или 40 человек (сравните древнерусское: *а ходят на море в двадцати человек*). В древнерусской разговорной речи, как можно судить на основании языка деловых документов, юридических актов, употребление слова *чловеци* (обычно в кос-

---

венных падежах) ограничено количественно-именными сочетаниями, тогда как общее номинативное (служащее для называния) значение выражается словом *люди*. Эта форма постепенно вытеснила синонимичную *человеци*, которая сохранилась в косвенных падежах количественно-именных сочетаний типа *сорок человек, сорока человекам* и т. п. А место *людин* заняло слово с более широкой обобщенной семантикой — *человек*. Оно вполне соответствовало по своему значению форме множественного числа — *люди*.

Ростов-на-Дону

Рисунок В. Леонова

Читатель спрашивает

«Встретил выражение в газете: „в этом нет ни грана правды“. Не ошибка ли это? Может, надо было написать „ни грамма“?»

Н. И. Полищук, Донецк

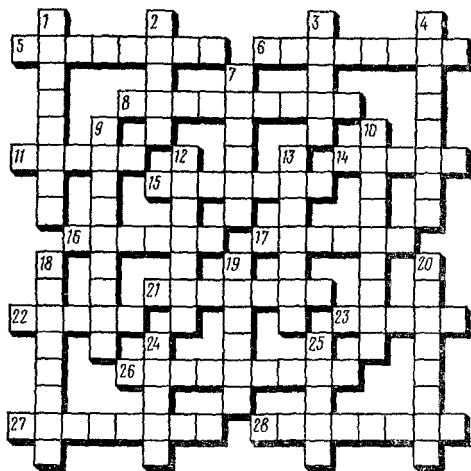
Нет, это не ошибка. Слово *гран* происходит от латинского *granum* — зерно, семечко, крупинка. До введения в России метрической системы мер гран являлся наименьшей единицей русского аптекарского веса. Это слово осталось в нашем языке как синоним ничтожно малого.

«Каково происхождение слова *слесарь*?»

В. П. Корчегин, Владимир

Слово *слесарь* отмечается русскими словарями с 1762 года, причем уже в 1782 году зафиксировано его ударение: *слéсарь* (см. об этом в «Словаре современного русского литературного языка», т. 13, М.—Л., 1963). В русском языке это заимствование немецкого *Schlosser*. Автор Этимологического словаря русского языка М. Фасмер не исключает и польского посредничества и приводит старопольск. *Slosarz*.

КРОССВОРД

«Л. Н. Толстой. ВОЙНА И МИР»

По горизонтали: 5. Частая стрельба из многих артиллерийских орудий. 6. Земляная насыпь для укрытия бойцов и орудий от неприятельского огня (например, на батарее, где случайно оказался Пьер). 8. Болезненное состояние, сопровождающееся жаром и ознобом (такое состояние было у Барклай-де-Толли на военном совете в Филах). 11. Символ воинской чести полка (за два месяца русской кампании Наполеону не удалось взять ни одного такого трофея). 14. Определенное количество взрывчатого вещества, находящегося в патроне, снаряде. 15. Город на р. Москве, вблизи которого произошло Бородинское сражение. 16. Знамена, пушки, обозы, захватываемые при победе над врагом. 17. Сообщение о ходе дела (с такими сообщениями «беспрестанно прискакивали к Наполеону его посланные адъютанты и ординарцы его маршалов»). 21. Суточная норма походного движения. 22. Главный герой романа Л. Н. Толстого. 23. Взрывчатое вещество, применяемое для приготовления снарядов и патронов. 26. Часть войск, входящая позади главных сил (в преследовании этой части русской армии Наполеон натолкнулся на Шевардинский редут). 27. Военный прием, основанный на сокрытии истинных намерений (о таких приемах князь Волконский говорил, что это «обман и

дождь»). 28. Город, при котором в 1807 году русская армия из-за бездарности генерала Беннигсена потерпела поражение от наполеоновских войск, о чем напоминает Кутузов на совете в Филах.

По вертикали: 1. Совокупность военных операций 1812-го года. 2. Город, который, по мнению Наполеона, мог бы стать «столицей мира». 3. Артиллерийское орудие, которое солдаты перетаскивали «по-бурлацки». 4. У военных: ремень через плечо (в ожидании своего часа солдат обычно «разминал ремень и перетягивал пряжку»). 7. Место остановки в пути. 9. Титул некоторых монархов, в том числе Наполеона. 10. Русский генерал, смертельно раненный в бою. 12. Краткое богослужение, которое состоялось в русском лагере перед битвой. 13. Кусок корпуса гранаты, поражающий при взрыве. 18. Крупное боевое столкновение армий. 19. Часть войск, оставляемая в распоряжении командующего для использования ее в нужный момент. 20. Продовольствие для войск. 24. Орден в форме фигуры из двух пересекающихся линий (такие ордена девочка Малаша видела на генералах, входивших в избу, где должен был состояться совет). 25. Сила, в которой, по мнению Кутузова, было «спасенье России».

Составил В. Н. Шендрих

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Натурбан. Это название связано с санным видом спорта, который с 1964 года является олимпийским. Соревнования на санях проводятся на специальных искусственных трассах, в бетонных или деревянных желобах с искусственным льдом.

Натурбан (нем. *Naturbahn* — естественная дорога) — разновидность санного спорта, гонки на естественных трассах из снега. Этот вид спорта особенно популярен в Австрии и Италии, а в 1986 году в 20-й раз в деревне Ицинг (недалеко от Инсбрука) спортсмены оспаривали право быть чемпионом Европы по натурбану.

С зимнего сезона 1986 года натурбан стал развиваться и в нашей стране: гонки на снежных трассах состоялись на зимней Спартакиаде. Вот примеры использования нового спортивного слова: «А мне подумалось: какой прекрасной основой массового санного спорта могут стать натурбаны» (Сов. спорт, 1986, 20 марта); «Продолжаются соревнования в таком виде санного спорта, как натурбан» (телепрограмма «Время», 1986, 30 марта).

Г. Г. Тимофеева,
кандидат филологических наук,
Ленинград

Кёрлинг — шотландская игра [англ. *curling* — 1) завивание, скручивание; 2) шотландская игра]. В последние годы она привлекла внимание многих любителей зимнего спорта. Главное в кёрлинге — суметь попасть в мишень на льду специальным «орудием» — гранитным камнем с рукояткой. Этот вид спорта получил признание за пределами европейского континента и в качестве показательного включен в программу зимней Олимпиады в Калгари (1988 г.).

Новый термин часто употребляется в спортивной прессе

и передачах телевидения: «Поклонники кёрлинга и его разновидности утверждают, что занятия ими дают прекрасную физическую закалку, развивают силу, ловкость, быстроту, умение владеть своим телом» (Сов. спорт, 1986, 18 янв.); «Кёрлинг — один из показательных видов спорта на предстоящей зимней Олимпиаде» (телепрограмма «Время», 1986, 31 марта).

Г. Г. Тимофеева,
кандидат филологических наук,
Ленинград

Разговор с читателем

Социальное пространство публицистики

Что уж тут лукавить — приятно, когда на наши публикации приходят отклики читателей. Коль пишут, значит, статья задела за живое, заставила думать, вызвала желание поспорить. Очень живо отреагировали читатели на статью П. П. Дудочкина «Душа слова», опубликованную в 5-м номере журнала за прошлый год. Она вызвала резко противоположные мнения: одним очень понравилась, другие обрушились на нее с резкой критикой.

А. Н. Безруков и И. В. Разживин из Калининa, М. С. Щербина из Перми и другие благодарят автора за то, что он выступил в «защиту нравственного отношения к слову, за точность и уместность его использования в устной и письменной речи». А наш читатель А. Н. Шустов из Ленинграда (его письмо мы публикуем в этом номере журнала) активно защищает слово *комплекс*, с которым П. Дудочкин ведет тревожный мысленный диалог.

Другая точка зрения на статью в наиболее обостренном виде выражена в письме П. П. Мичкова из Ленинграда: «Писатель П. П. Дудочкин присваивает себе право категорично судить об использовании слов, он не сказал ничего нового, своего, допускает плоские, поверхностные оценки...» И вообще, по мнению нашего читателя, «не стоит уделять внимание всем этим словечкам — *комплексы, ситуации, фрагмент...* Всё это высокопарное пустословие — просто мода».

О вкусах, как говорится, не спорят (хотя вкус развивают, и на этом этапе спор необходим). И мы бы, пожалуй, не стали выносить эти противоположные мнения на страницы журнала, а ограничили бы их обсуждением в частной переписке. Но дело в том, что и в этих, и во многих других письмах четко прослеживается тема, которая и в статье П. П. Дудочкина обозначена, но не получила более широкого развития, а следовательно, и доказательности. Речь идет о языке наших газет и журналов и прежде всего —

публицистике. А это уже тема, представляющая, на наш взгляд, общественный интерес.

Публицистам в письмах наших читателей достается: «В последнее время в статьях появилось много слов, понятных не каждому человеку: *инфраструктура, инвестиции, стереотип мышления, роботизация*. Зачем эти слова? Они только засоряют язык газеты. Чтобы слово убеждало, оно должно быть сразу же понятно...» (А. Н. Безруков); «Журналисты словно состязаются в своей эрудиции: всевозможные «аспекты», «концепции», «конструктивные предложения» заполнили газеты. Разве оскудел русский язык?» (А. С. Попов. Балаково Саратовской обл.); «С интересом читаю статьи многих международных — Ф. Бурлацкого, С. Кондрашова, А. Бовина и других. Но уж очень увлекаются они специальной терминологией. Нужно ли это в статье, рассчитанной на миллионы? По-моему, это профессиональный снобизм» (П. В. Видов, г. Красноярск).

Такое вот серьезное обвинение. Что ж, есть основательный повод поговорить о том, какие обретения и потери несет язык современной публицистики от профессиональной терминологии, от заимствований, и определяется ли это лишь желанием журналистов «блеснуть эрудицией».

Публицистика — жанр, целиком обращенный к нашему уму, сердцу, гражданскому сознанию, ибо это «род произведений, посвященных актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества» (так определяет это понятие Советский Энциклопедический Словарь — М., 1979). Мы с вами стали свидетелями взлета этого жанра, видим, как день ото дня острее и проблемнее становятся публицистические выступления газет и журналов, помогающие понять важнейшие общественно-политические и экономические процессы периода обновления. Цель этих публикаций — не только глубокое исследование, но и прямое воздействие на общественное мнение, на нашу с вами позицию. Но чтобы воздействовать, надо убедить. А что может быть убедительнее компетентного разговора специалиста? Вряд ли мы поверим человеку, который говорит с нами о том, о сем — приблизительно, поверхностно, усредненным, хотя и каждому человеку понятным языком. На VIII съезде писателей СССР А. Салуцкий говорил: «Еще недавно высшей доблестью... почитали постижение острых хозяйственных проблем. Сегодня психология становится важнее технологии. Нравственно-психологическое направление сейчас особенно созвучно времени. Мы располагаем мощной... экологической публицистикой... У нас есть хороший судебный очерк... Наконец, набирает силу публицистика об НТР...» (Лит. газета, 1986, 2 июля).

Даже этот неполный перечень тем говорит о широте социального пространства публицистики. Оно практически безгранично, как безгранична сама жизнь. Михаил Щербаченко анализирует состояние современной архитектуры (Новый мир, 1986, № 4), Юрий Рюриков — тенденции развития женской натуры (Новый мир, 1986, № 7), Леонид Жуховицкий размышляет о социальной ценности любви (Новый мир, 1986, № 8), Юрий Черныченко ставит острейшую проблему качества комбайнов (Новый мир, 1986, № 12). Это только в одном журнале. А ведь есть еще прекрасные статьи в «Нашем современнике», в «Октябре», «Знамени», в «Дружбе народов». А газетная публицистика? Академик Б. Е. Патон беседует с нами о безопасности прогресса (Лит. газета, 1986, 29 окт.), член-корреспондент АН СССР П. А. Николаев — о литературе в эпоху НТР (Лит. газета, 1986, 26 июня), режиссер Г. А. Товстоногов — о развитии театра (Лит. газета, 1985, 25 дек.).

Могут ли эти яркие творческие личности обойтись без профессиональной лексики, без терминологии, которая органично входит в систему их мышления? Да нам и читать их интересно потому, что один мыслит как архитектор, другой — как режиссер, третий — как экономист, и это отражается в их языке, дает ему столь привлекательную индивидуальность и компетентность.

За литературными персонажами мы безоговорочно признаем это право. Все литературные герои говорят так, как мыслят, — сообразно своему уровню культуры, социальному положению, профессиональным интересам. И мы не раздражаемся, когда приходится читать в сносках «Войны и мира» в переводе с французского о том, что говорилось в салоне Анны Шерер.

Так почему же такой протест вызывает в нас профессиональный язык автора, вводящего нас в круг проблем своей области знаний? Конечно, здесь, как и во всем, нужно чувство меры — важнейшей эстетической категории. Но такие понятия, как *инфраструктура*, *инвестиции*, *микрощипорная техника*, *роботизация* — это же реалии нашей жизни. Они широко используются в экономике — в промышленности, в строительстве, в общественных науках. Они вошли в язык важнейших партийных документов. Откроем новую редакцию Программы КПСС. «Во все более широких масштабах, — говорится в ней, — будут проводиться роботизация, компьютеризация производства» (Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 142); «Новые требования предъявляются... к инвестиционной политике» (там же, с. 143); «Важную роль... партия отводит... повышению эффективности работы отраслей производственной инфраструктуры» (там же, с. 145).

Таким образом, уважаемый товарищ Безруков, «эти слова»,

против которых вы восстаете, — точное обозначение того, что нам надо делать. Они нужны затем, чтобы мы понимали свои задачи, видели перспективу, активно проводили в жизнь политику партии, решения ее XXVII съезда.

Со школьной скамьи ведем мы сегодня борьбу с компьютерной неграмотностью: старшеклассники изучают новый предмет «Основы информатики и вычислительной техники». Так давайте и мы подниматься в собственной энтээровской грамотности, осведомленности — заглянем в словари, в справочники, почитаем научно-популярную литературу. Чтение это нелегкое, но очень полезное. Ведь любая публикация несет еще и великую просветительскую миссию, побуждающую нас к непрерывному самообразованию.

Да и публицисты рассчитывают на наш с вами возросший уровень общей культуры, на новую ступень восприятия (в стране ведь уже завершен переход ко всеобщему среднему образованию). Еще несколько лет назад вряд ли можно было писать в неспециальной литературе с таким доверием к читателю, к его способности понять автора: «Пунцовый от раздражения начальник, учитель, родитель — любой, у кого есть право или обязанность поучать других — явный *неврозогенный* фактор. Но это уже феномен пе... медицинский, а социальный» (Лит. газета, 1986, 12 ноября). И статья названа с полным доверием к уровню нашего развития и понимания: «От стресса — к неврозу».

Профессионализм — отнюдь не тщеславное желание журналистов «блеснуть эрудицией», не профессиональный «снобизм». Даже такой блистательный популяризатор науки, как академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, и тот не может обойтись без профессиональных терминов, и у него мы читаем об *эльзевирах* и *альбинах* (Огонек, 1986, № 48). Но это не мешает ему собирать миллионную аудиторию у экранов телевизоров и «даровать всем нам свободу понимания, сопричастности к открытию», как сказал о Д. С. Лихачеве писатель Ю. Лоциц (Коммунист, 1986, № 16).

Почему мы немедленно и так охотно ополчаемся против того, что вызывает хоть малейшее затруднение? Может быть, потому, что мы все еще «ленивы и нелюбопытны», по словам А. С. Пушкина? Ведь это из профессионального языка журналистов-международников вошли в наш обиход такие понятия, как *ратификация*, *альтернатива*, *звездный мир*, *мораторий*. Разве беднее от этого стали наш язык и мышление, разве не глубже наше понимание современного мира?

Предвижу возмущение возможного оппонента: «Опять эти иностранные слова! Сколько можно?!» А вот и реальный оппо-

пент, наш давнишний читатель А. П. Кошелев из г. Богородицка Тульской области: «Когда по телевидению на завтра дают *анонс*, я выключаю телевизор. Ну скажите, для чего это? Говорим о чистоте русского языка, а сами его засоряем. Насколько лучше было бы сказать *предварительное объявление*. Анонс — профессиональное слово, так пусть тележурналисты его и употребляют в своих кругах».

Давайте еще раз (в который!) спокойно обсудим эту проблему. Напомню вам, что о заимствованиях в русском языке мы писали и в 1-м и в 5-м номерах нашего журнала за прошлый год. И, наверное, не раз еще вернемся к этой теме. Поговорим сегодня о конкретном слове. Не можем мы согласиться с автором письма, что звонкое, лаконичное *анонс* хуже сухого, отдающего канцеляризмом «предварительного объявления». Право же, так и хочется вновь сослаться на В. Г. Белинского, который говорил, что иное «неудачно придуманное русское слово... решительно хуже иностранного...» А ведь Белинского не заподозришь в отсутствии языкового чутья, речевой культуры, патриотизма. Вот что ему чуждо, так это квасной патриотизм, которым грешат иные борцы за чистоту русского языка.

Вот несколько газетных заголовков отличных публицистических статей: «Исторический шанс» (Правда, 1986, 17 окт.), «Лазер против атеросклероза» (Вечерняя Москва, 1986, 31 окт.), «Чей лидер сильнее?» (Сов. спорт, 1986, 6 дек.), «Музейный бум и порожденные им проблемы» (За рубежом, 1986, № 43), «Эпитафия жанру» и «Шинжертоны и дилетанты» (Лит. газета, 1986, 3 сент.). Попробуем с позиций языкового патриотизма, а вернее, — пуризма, отредактировать эти заголовки. Вот что мы получим: «Историческая вероятность, возможность успеха», «Прибор для получения чрезвычайно интенсивных и узконаправленных пучков монохроматического светового излучения против заболевания, характеризующегося поражением всей артериальной системы». А это: «Чей идущий первым в соревнованиях сильнее?» Нелепость таких «замен» очевидна.

Точно употребленное иностранное слово не обедняет, а обогащает нашу речь, делает ее экспрессивнее, вносит интонационное и лексическое разнообразие. Так что не спешите выключать телевизор при слове *анонс*, уважаемый товарищ Кошелев!

Я отнюдь не утверждаю, что в наших газетах и журналах все прекрасно с языком, что на их страницах утвердилась одна лишь живая, безукоризненно грамотная русская речь. И на газетных страницах немало неумелого, неуклюжего словоупотребления. Преподаватель кафедры журналистики Иркутского университета

Л. П. Карханина справедливо заметила, как варварски в последнее время эксплуатируют журналисты такие слова, как *эпицентр*, *дефицит*: «У нас всего *дефицит* – внимания, доброты, деловитости, требовательности. Из номера в номер кочует этот *дефицит*. И уже стал махровым штампом». И *эпицентр* у нас во всем присутствует: в проблеме, в соревнованиях, а недавно обнаружился даже... в дневной дойке коров. Так и было написано в районной газете: «Эпицентр дневной дойки».

Публицистика – а к ней относятся и очерк, и газетная статья – жанр, любимый нами, популярный. При миллионных тиражах газет журналисты, конечно же, несут особую ответственность за нашу речевую культуру.

О неумелом обращении со словом пишет нам А. Н. Соболев из г. Макеевки Донецкой области: «Читая книги и газеты, увидел в них недавно такие выражения: *наиболее оптимальный, один из самых уникальных, универсальная панацея*. Думаю, что это тавтология, неграмотное обращение с иностранным словом».

Вы правы, Александр Николаевич. *Оптимальный* – значит, *наиболее благоприятный*. Писать «*наиболее оптимальный*» – явная стилистическая погрешность. Как и «*универсальная панацея*». *Универсальный* – *разносторонний*, охватывающий многое, *панацея* – мнимое *всеисцеляющее* лекарство, в переносном смысле – средство от *всех* зол. В сочетании получается тавтология: раз от *всех* зол, значит уже *универсально*.

Так что есть у современной публицистики и свои языковые потери, а значит, и потери социальные, ибо это – изъяны нашей общей и лингвистической культуры. Но вместе с этими ошибками не будем отвергать ту новую лексику, которая отражает наш сегодняшний день, поступательное развитие, широту жизненных проблем, составляющих многомерный мир публицистики. И если нам что-то в этом мире не ясно – не будем лениться: снимем с полки словарь или зайдём лишний раз в библиотеку. Право же, мы станем от этого только богаче.

Н. И. Целищева

Читатель спрашивает

«Как правильно сказать: *туннель* или *тоннель*?»

М. П. Варслина, Чита

И так, и так (произносится *нэ*).

В защиту *комплекса*

В «Русской речи» № 5 за 1986 год писатель П. П. Дудочкин рассказал о своем воображаемом «разговоре» со словом *комплекс*, которое «пожаловалось» ему, что временами оно чувствует себя «ужасно» из-за своей чрезмерной «славы». С писателем можно согласиться в главном: словосочетания со словом *комплекс* в наше время действительно весьма многочисленны. Но почему это плохо? Почему слово *комплекс* может при этом «потерять свой заслуженный авторитет?»...

Наша эпоха характеризуется созданием крупнейших научно-технических, биологических, социальных и других объектов (систем). Их внешние и внутренние связи настолько усложнены, что рассматривать их изолированно зачастую становится уже просто невозможно. Они поистине стали комплексами, то есть связанными в единое целое единицами. Достаточно представить себе хотя бы недавно родившийся гигантский агропромышленный комплекс... Не случайно ведь и само слово *комплекс* восходит к латинскому *complexus* — связь, сочетание, слияние. Отсюда — *комплексный*, значит: связанный (состоящий) из отдельных частей, сложный.

Сегодня в диалектическом методе познания природных и социальных явлений появились новые «инструменты»: системный, программный, комплексный анализы. Все это — явления реальной действительности, которые находят свое естественное отражение и в языке. Так что слову *комплекс* действительно можно гордиться своей популярностью, необходимостью, а не «расстраиваться» и не «вздыхать горько», как пишет П. Дудочкин.

В то же время писатель прав в том, что нередки случаи, когда в словоупотреблении вступает в силу «закон моды», слепого подражания, штампования образов, приводящий порой к нелепостям. Но это естественная «болезнь роста». Со временем вся эта наносная шелуха отпадет.

Писатель П. Дудочкин привел в своей статье около тридцати различных («положительных» и «отрицательных», по его мнению) примеров. На самом же деле их гораздо больше. Достаточно взглянуть в Словари новых слов и Словарные материалы, регулярно издаваемые Институтом русского языка АН СССР.

В последнее десятилетие слово *комплекс* достаточно широко используется не только в словосочетаниях, но и для образования сложных слов в качестве второй основы. Эту сторону «биографии» его Дудочкин вообще обошел в своем «диалоге». А она весь-

ма важна для языковой характеристики существительного *комплекс*.

Приведем ряд типичных примеров.

«Шесть миллионов пассажиров в год... сможет обслужить новый *авиакомплекс*»* (Ленингр. правда, 1980, 19 марта); «Важной частью пятилетнего плана должны стать целевые комплексные программы. Шесть из них — «*Энергокомплекс*»..., «*Агрокомплекс*»... уже утверждены» (Правда, 1981, 13 февр.); «Начались испытания первого *гелиокомплекса*,* который работает на энергии щедрого солнца Туркмении» (Правда, 1980, 6 марта); «...*гидрокомплекс* будет первой развернутой ленинградской панорамой на пути пассажирских судов, идущих в порт» (Строительство и архитектура Ленинграда, 1979, № 11); «Справа от меня светились окна *гипербарокомплекса*...» (Неделя, 1981, № 20); «Социалистические обязательства... досрочно выполнил вчера коллектив *Синявинского птицекомплекса*» (Ленингр. правда, 1981, 18 фев.); «Ответственная и трудоемкая операция здесь поручена *роботокомплексу*» (Ленингр. правда, 1980, 4 сент.); «На прилавки магазинов областного центра поступили первые десятки центнеров продукции нового *свинокомплекса*» (Правда, 1980, 10 ноября); «...от торфоперегнойных горшочков до грандиозных *скотокомплексов*...» (Сов. Россия, 1986, 10 окт.); «В Дальрыбвтузе прошел испытания аудиторный *телекомплекс*»* (Правда, 1982, 8 авг.); «Стоимость льготной профсоюзной путевки для проживающего в *туркомплексе* туриста 7 рублей за 12 дней» (Сов. культура, 1983, 15 янв.); «Южно-украинский *энергокомплекс*» (Ленингр. правда, 1981, 10 марта)... Рождение их продолжается.

(Слова, отмеченные звездочкой*, зафиксированы в словарях новых слов, в том числе *авиакомплекс* — в другом значении. Остальные — из моей картотеки.)

Схема образования сложных слов этой модели — классическая: первая основа (как правило, усеченное слово)+соединительная гласная (иногда может отсутствовать)+вторая основа.

Так что расширение семейства «комплексов» в век научно-технического прогресса и ускорения — объективная закономерность.

А. Н. Шустов
Ленинград

Не обедняют душу слова

Прочитал в «Русской речи» (№ 5 за 1986 год) статью П. П. Дудочкина «Душа слова» и, полностью соглашаясь с писателем, решил продолжить разговор о слове.

«От небрежного отношения к слову,— пишет П. П. Дудочкин,— рано или поздно утрачивается понимание его сущности, восприятие его красоты, уменьшается сила слова, и, как неминуемое следствие, все это отрицательно отражается на деятельности человека, которому ничего не стоит без всякой необходимости заменить одно слово другим».

Из множества случаев замены одного слова другим, когда по воле редактора искажался смысл высказывания, приведу несколько. Как-то из Донецка приехал в Куртамыш мой давний друг, герой боев на озере Хасан, участник Великой Отечественной войны, ветеран педагогического труда Георгий Павлович Уренцев. Походы по родным полям и лесам, воспоминания о детстве откликнулись в его душе творческим порывом, и он написал воспоминание, которому дал название «Сосна». В статье были слова: «В детстве к этой сосне бегали лакомиться крупяной». А когда пришла областная газета «Советское Зауралье» с его статьей, то мой друг ахнул от удивления: в статье было напечатано: «бегали лакомиться шишками».

Ну и посмеялись над гостем его односельчане!

— Георгий Павлович, покажи, как ты лакомился шишками,— скажет иной седовласый друг, подавая ему сосновую шишку. Георгий Павлович, не зная что ответить, стоит и смущенно улыбается. Действительно, сосновую шишку не разгрызешь, она несъедобна, ею нельзя лакомиться.

В словарях Ушакова и Ожегова слова *крупянка* нет. А вот у В. И. Даля есть толкование крупянки: «Крупянка? Сиб. Молодая сосновая шишка. Т. 2, стр. 202». Неуверенный в том, правильно ли он записал слово, автор словаря поставил знак вопроса и написал: «молодая сосновая шишка». Это уже ближе к истине: не просто шишка, как напечатали курганские журналисты, а молодая сосновая шишка. Но и это толкование не вполне точно. всюду, где растет сосна, крупянка понимается как зародыш шишки: мягкий, сочный, ароматный, вкусный. Потому и любили деревенские ребятишки лакомиться крупяной. В редакции заменили всего одно слово, и получилась бессмыслица.

А вот еще один подобный случай. На фронтовом аэродроме идет разбор боевого дня. Герой повести «В небе полярных зорь»

Комлев говорит: «Задания на разведку даются штабом дивизии, но выполняют эти задания летчики. А их, летчиков, пеленают, как детей грудных. Вначале вдоль боков руки, затем завернут в пеленку, а поверх еще широким кушаком перетянут и в ногах завяжут крепким узлом. Лежи и не *керкай*, теперь, мол, не развяжешься». Так было в рукописи. А получил автор сигнальный экземпляр, читает и глазам своим не верит: «лежи и не *каркай*», написано в нем.

Но исправить было уже поздно, и пошла эта ошибка, допущенная по незнанию русского языка корректорами или редакторами, к читателю.

Да ведь каркают-то вороны. А по отношению к человеку это слово употребляется только в единственном случае, когда человек своим разговором накликает беду, неприятность. В таких случаях его обрывают: не каркай! А *жеркают* грудные дети, которые еще не умеют словами выразить свое недовольство, вот и издают нечленораздельные скрипучие звуки, которые в народе называют *жерканьем*. В словаре В. И. Даля и этому слову есть толкование.

Иному редактору ничего не стоит слово *чеботарь* заменить словом *обувщик*, хотя не каждый обувщик есть чеботарь. Обувщиком может быть и бухгалтер, и директор обувного предприятия, и дежурный на проходной. А чеботарем может быть только тот, кто непосредственно шьет обувь.

В журнале «Русская речь» № 2 за 1986 год на стр. 145 дано толкование слову *кулага*: «— Кулага, у русских в прошлом кушанье из толокна, заваренного кипяченой водой, или напиток из солода, похожий на пиво».

Так что же, кулага — это кушанье из толокна или напиток из солода?

Автор толкования, не зная, что означают слова *кулага*, *солод*, *толокно*, и не потрудившись заглянуть в словарь Даля, спутал эти понятия.

Напиток из солода (солод — мука из пророщенного зерна ржи) назывался суслом. По цвету он действительно походил на пиво, а по вкусу был противоположен ему. Если у пива горьковатый вкус, то у сусла сладковатый. Кулага изготавливалась не из толокна, а так же, как и сусло, из солода, только рецепт приготовления был другим. Кулага темно-коричневого цвета, по густоте напоминала манную кашу, сладковатая и посему была, как и сусло, лакомством для детей и для взрослых. Напомню детскую считалку, которая бытовала в не столь далекие времена:

Пошел Ванька по воду,
 Нашел чашку солоду,
 Замешал кулажку,
 Дунюшка-Дуняшка,
 Сладка-ли кулажка?
 Сладка медовая,
 В печи побывала.
 Пришел дьякон,
 Всю кулагу смякал.

Многие наши молодые товарищи — редакторы, корректоры, критики, прежде чем решить вопрос о замене одного слова другим, не утруждают себя заглянуть в словари и этим восполнить пробелы в знании русского языка.

П. З. Кочегин,
 г. Куртамыш, Курганской обл.

Читатель спрашивает

«Как правильно произносить *знамёние времени* или *зна́мение времени*?»

Л. П. Куликов, Тамбов

Правильно: *зна́мение* (см. Орфоэпический словарь русского языка, М., Русский язык, 1983).

Ответы на кроссворд
 «Л. Н. Толстой.
 Война и мир»

По горизонтали: 5. Кано-
 нада. 6. Бруствер. 8. Лихорадка.
 11. Знамя. 14. Заряд. 15. Можайск.
 16. Трофей. 17. Доклад. 21. Пере-

ход. 22. Народ. 23. Порох. 26. Арь-
 ергард. 27. Хитрость. 28. Фридланд.
 По вертикали: 1. Кампания.
 2. Париж. 3. Пушка. 4. Перевязь.
 7. Привал. 9. Император. 10. Багра-
 тион. 12. Молебен. 13. Осколок.
 18. Сражение. 19. Резерв. 20. Про-
 виант. 24. Крест. 25. Армия.

Ответы на письма читателей

В. А. Никонов

Алинов. Читательница В. Свирская, прося объяснить происхождение фамилии Алипов, предполагает в основе ее церковное имя Алипий. Такая основа возможна, но подлинная форма самого имени — Алимий (древнегреческое, от названия горы Олимп). Однако не менее возможно иное происхождение: от тюркского имени *Алип*, которое образовано от арабского названия первой буквы алфавита. Фамилия *Алипов* отмечена еще в XVII веке в списке воронежских казаков: Потап Алипов («Воронежский юбилейный сборник», том I, Воронеж, 1866), но здесь *Алипов* могло быть еще отчеством.

Аушев. И. И. Аушев, читающий наш журнал уже десять лет, назвал несколько территорий, где встречал людей с этой фамилией. В их числе Герой Советского Союза Руслан Аушев. Читатель прав, что фамилия заслуживает изучения. Но нам прямая основа ее неизвестна. Она могла быть иноязычной. В русском языке (только как предположение, не больше) можно привести междометие *аух*, выражающее удивление, изумление (*Аух, какая погода!*). Произносящего часто это слово могли прозвать *Ауш*, от прозвища образовалось отчество, ставшее фамилией.

Бармин. (Спрашивает москвич М. Ф. Бармин). В основе — *барма*. Так называли нащечное украшение священников, надеваемое в торжественных случаях. Однако в диалектах есть и слово *барма́* в значении «бормотун», «картавый», *бармить* — «говорить неразборчиво».

Батманов. (Спрашивают сестры Батмановы из Ростова-на-Дону.) Возможная основа фамилии — *батман* — мера веса, заимствованная в прошлом из тюркских языков. Она могла стать прозвищем человека по профессии.

Бектуганов. (На письмо А. А. Мартынова из Удмуртской АССР.) Отчество от тюркского составного имени Бектуган, нередко в прошлом у татар и башкир. Первый компонент слова *бек* — существительное со значением «князь», которое с течением времени утратило это значение и превратилось в составной элемент мужских имен, выражающий уважение, почет; *туган* — «родственник, родной».

Болгов. «В нашем и соседнем селе очень распространена фамилия Болгов. Объясните, пожалуйста, ее значение», — пишет нам читатель из Березовки, Липецкой области. «Словарь русских народных говоров» (вып. 3, Л., 1968) приводит слово *болго* в значении «хорошо», записанное в говорах в прошлом веке.

Буздырин. (На письмо А. С. Буздырина.) Отчество от прозвища Буздыря. Слово *буздыря* в начале нашего столетия диалектологи записали в костромских говорах — «тот, кто много пьет».

Бунин. (Спрашивает В. П. Бунин из Киева). Отчество от прозвища Буня из диалектного глагола *бунить* — «гудеть, мычать, реветь». В. И. Даль привел рязанско-тамбовское слово *буня* — «спесивый, чванный», но отметил это значение знаком вопроса.

Бутаков. (Спрашивает выпускник средней школы И. Бу-

таков из города Терновка, Липецкой области.) Первоначальное значение фамилии — «сын бутака». Прозвище *бутак* — от глагола *бутать*, который в разных говорах имел разные значения: «шумом, стуком пугать рыбу» (псковское), «шить» (калужское) и др.

Варлов. (Спрашивает Ф. Г. Варлов из Усть-Каменогорска.) Отчество от диалектного прозвища *варло*, в прошлом означавшего «лентяй», «бездельник».

Винаров. Читатель Д. Я. Винаров из Киева пишет: «Отец и дедушка утверждают, что наша фамилия не русская, а болгарская и происходит от слова *винарь*. Но тогда фамилия должна была бы иметь форму Винарев, как *волгарь* — Волгарев, *дударь* — Дударев и т.п.» Фамилия, действительно, болгарского происхождения, но болгарская основа ее не *винарь*, а *винар* — «винодел». Многие жители Болгарии носят эту фамилию.

Голоднов. (Спрашивает И. И. Голоднов из Харькова.) В основе фамилии прилагательное *голодный* в его старинной форме с ударением на последнем слоге *голоднѣй* (подобно фамилии Толстов из *толствѣй* вместо совр. *толстый*).

Денисов. (Пишет семья Денисовых.) Фамилия образована по традиционной форме: первоначально — отчество «сын Дениса». *Денис* — русская форма древнегреческого имени Дионис, принадлежавшего, согласно древним легендам, языческому богу земледелия и вина.

Донцов. А. П. Донцов (Челябинск) сообщает, что его предки жили раньше в станице Пресногорьковская (между Оренбургом и Омском), и спрашивает, как же они попали в Сибирь, если считать, что фамилия указывает на местность, из ко-

торой человек прибыл, т. е. с Дона.

В 1711 году неудачи Петра I в войне с Турцией вынудили его отдать крепость Азов и перевести часть донских казаков с Дона на реку Урал (тогда — Яик).

Ерлыченков. Об этой фамилии нам сообщил студент М. И. Баиров (Ярославль), справедливо связывая ее со словом *ярлык*, заимствованным из тюркских языков. Оно означало удостоверение, выдаваемый ханом документ; слово получило широкое распространение в русском языке. В некоторых говорах его произносят с безударным *и* — *ирлык*. Суффикс *-енк* обозначал потомка: сын, ребенок Ярлыка (Ерлыка).

Ерохин. Отчество — «сын Ерохи», где *Ероха* — просторечная форма церковного имени Иерофей (древнегреческое *иерос* — «священный», *теос* — «бог»). Имя вышло из употребления еще в прошлом веке.

Жулидов. (Спрашивает С. Б. Жулидов, г. Горький.) Этимология фамилии неясна. Название железнодорожной станции Жулидово (в Нижнем Заволжье) указывает, что существовало русское слово *жулид*, но ни в диалектных, ни в исторических словарях русского языка оно не отмечено.

Забродин. (Спрашивает А. И. Кусков из Усть-Каменогорска.) Как и большинство фамилий на *за-* *Забродин* обозначало приезжего из местности, расположенной за пределами указанного объекта, в данном случае — «за бродом».

Завражнов. (Спрашивает В. А. Кузьгородский из Алупки.) *Завражный* — живущий за оврагом. Форма *враг* вместо *овраг* часто в русских географических названиях.

Заозерский. (Спрашивает

А. Г. Заозерский из Уфы.) Фамилия первоначально означала «живущий за озером».

Иринархов. (Спрашивает О. С. Фроленко из Волжска.) Фамилия — отчество от церковного имени Иринарх — из древнегреческого *эйринэ* — «мир» и *архос* — «главный».

Кадышев. Наш читатель Д. И. Винаров не согласен со значением фамилии Кадышев — «бочарь, изготовитель кадок» (см.: Русская речь, 1986, № 2). Его возражение основано на том, что от слова *кадушка* фамилия была бы Кадушев, а Кадышев, по его мнению, из древнееврейского *кадыш* — «старший сын, первенец, наследник». Однако в древнееврейском языке нет звука, обозначаемого русской буквой *ы*. «Словарь русских народных говоров» (т. 12, 1977) прямо указывает на владимирское и ярославское слово *кадыш* — «бондарь».

Калюгин. (Спрашивает И. В. Калюгина из Калинина.) Возможная основа фамилии — *калюга*, что значит «мелкое озеро, лужа, наполненная водой яма», но каксва связь между фамилией и таким значением — неясно.

Карталов. Москвич Г. А. Карталов в письме рассказал об истоках своей фамилии. Они ведут в Болгарию. Известен герой болгарского народа Добри Карталов — он погиб в бою с фашистами в 1943 году, защищая город Габрово. Одна из фабрик города теперь носит имя героя, а в Софии есть улица имени Добри Карталова. В Болгарии фамилия нередка, она указана в словаре болгарских фамилий Ст. Илчева (София, 1979), основа ее — *картал* (турецкое — «черный орел»).

Кобцев. Кобцев В. Н. из Воронежской области рассказывает, что его дед и отец носили

фамилию *Копцев*, а он пишется *Кобцев*, и спрашивает, есть ли разница в значениях. «Словарь русских народных говоров» приводит слова *копец* (*копéц*) и *кобец* (*кобéц*), которые имеют самые разные значения, например обе формы слова совпадают в значении «птица», «птица кобчик», однако слова *копец* — *копéц* означают еще и «сова», «кормушун, нападающий на пылять», «хищная птица кобчик». Кроме значений, близких по сути для обоих слов, *копец* имеет и целый ряд других: *копéц* — «межевой знак», *копéц* — «колодец», «небольшая насыпь», «бугор», «предел, конец» и другие.

Крутиков. (Спрашивает Г. А. Крутиков из Ленинграда.) «Словарь русских народных говоров» приводит десяток слов в форме *крутик* с самыми различными значениями: и «кафтан» (рязанское), и «крутой берег» (уральское), и «пеньковая веревка» (останковское), для основы фамилии вероятнее слово в значении «плут, мошенник» (смоленское).

Куимов. (Спрашивает наша читательница М. Куимова из Севастополя.) Основа фамилии — диалектное слово, принявшее в разных местностях различные оттенки значения: северное *куим* — «глухой» или «нелюдимый», псковское и вологодское — «молчаливый», вологодское и олонекское — «немой».

Лаптев. Наша читательница из Кировской области пишет нам: «Моя фамилия Лаптева. Что же она может обозначать и от чего она произошла?» Фамилия — отчество от прозвища Лапоть, «лаптев сын». Надо полагать, что значение слова *лапоть* — понятно, хотя сам предмет и ушел из нашего быта.

Левышев. Отчество от прозвища *левый*, то есть *левый*.

Логинов. (На вопрос чита-

теля В. С. Логинова, Ленинград.) Отчество от церковного имени Лонгин (латинское «долгий»), в русской разговорной речи упрощенного в Логин (Лонгин).

Лохтин. Из именованья по месту жительства — в говорах северо-западных и северных областей России *лохта* — «залив» (слово заимствовано из финских языков).

Лыдин. (На вопрос читательницы Т. Н. Лыдиной из Псковской области.) Основа фамилии — имя от древнерусского глагола *лындать* — «отлынивать от труда, бездельничать».

Ляльки. Во многих говорах *лялька* — «кукла», шире — вообще игрушка, в Приуралье и Сибири слово означало — «крестная мать» (при церковном обряде крещения ребенка).

Медвенцев. Спрашивает Б. П. Медвенцев из Воропежа. Основа фамилии — прилагательное *медвенцев* — «сын медвенца», то есть жителя села Медвенка (ныне районный центр в Курской области).

Муравлев. (Спрашивает читатель А. П. Муравлев из Саратовской области.) В прошлом форма *муравель*, *муравль* (современное *муравей*) была широко распространенной. Она и стала основой фамилии.

Мурин. Возможны основы: *мура* — название похлебки из кваса с крошками в нее хлебом (в калужских, тверских, владимирских говорах); глагол *мурить* — «дразнить» (в новгородских говорах), были и другие значения, менее вероятные, чтобы стать основой фамилии.

Муштаков. Отчество от именованья отца Муштак, возможно, связанного с диалектным северо-русским глаголом *муштать* — «знать, понимать, соображать». Но он малоизвестен, и поэтому можно предполагать,

что основой фамилии стало слово из какого-либо другого языка нашей страны.

Мызников. (Спрашивает читатель Е. П. Мызников.) Фамилией стало отчество, означавшее — «сын мызника», *мызник* — житель мызы, *мыза* — общеизвестное в говорах русского северо-запада слово со значением «усадебка, хутор», заимствованное из финских языков.

Мынки. Основой фамилии могло стать прозвище *мынки* — так называли тех, кто часто говорил *мын* вместо *мол* (дескать).

Назаров. (Спрашивает В. Н. Назаров из Приморска.) Отчество от церковного канонического имени Назарий (в древнееврейском означало — «посвятил себя богу») в его русской повседневной форме *Назар*. Имя вышло из употребления почти полностью.

Наследышев. (Спрашивает читатель К. С. Наследышев.) Отчество — «сын наследыша». Диалектное слово *наследыш* ускользнуло от составителей словарей русского языка, не отметил его даже сводный новейший «Словарь русских народных говоров». Оно указано только В. И. Далем: «доставшийся на воспитание по наследству» (то есть выросший не у родителей). Читатель сообщает, что его предки были крепостными в Симбирской губернии (словарь В. И. Даля место употребления слова не уточняет).

Уважаемые читатели!

Объяснить происхождение многих и многих фамилий пока невозможно: основы их неизвестны. За время своего существования фамилия подчас терпевает такое искажение, что восстановить ее первоначальную форму трудно. Так, например, *Галактионовы* превращаются в *Лохтионовых*, а из имени *Илларион* появляется фамилия *Ла-*

рин. К тому же из языка исчезают многие слова, и фамилии, образованные от них, «повисают в воздухе», оказываются «безродными». Другие слова, не попав в литературный язык, еще живут, но где-то в «глубинке», неведомые диалектологам, историкам русского языка, и могут погибнуть для науки, так и не попав в словари.

Поэтому мы вновь призываем вас, дорогие читатели, к совместному поиску таких слов и их значений. Может

быть, кому-то из вас знакомы основы следующих фамилий, представляющих собой загадку: Ашихмин (правобережье Среднего Поволжья), Гафин (Рязанская область), Майсаков (Украина), Мамешин (может быть, Нижнее Поволжье), Моржаретов (спрашивающий — из Владивостока), Насонов (ничего неизвестно, а фамилия принадлежала крупным ученым), Необердин (предки из Архангельска).

На вопросы читателей в этом номере журнала отвечали сотрудники Института русского языка АН СССР: кандидат филологических наук Л. Н. Кузнецова, научный сотрудник Т. В. Горячева.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ

Заведующая редакцией
Т. С. Колмакова
Художественный редактор
Е. Н. Сапожникова
Корректоры
В. В. Беллев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 17.04.87
Подписано к печати 08.06.87.
А-03787. Формат бумаги 84×108/32.
Печать высокая. Усл. печ. л. 84.
Усл. кр.-отг. 576,9 тыс. Уч.-изд. л. 9,7.
Бум. л. 2,5. Тираж 67 000.
Заказ 376.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография изд-ва «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6